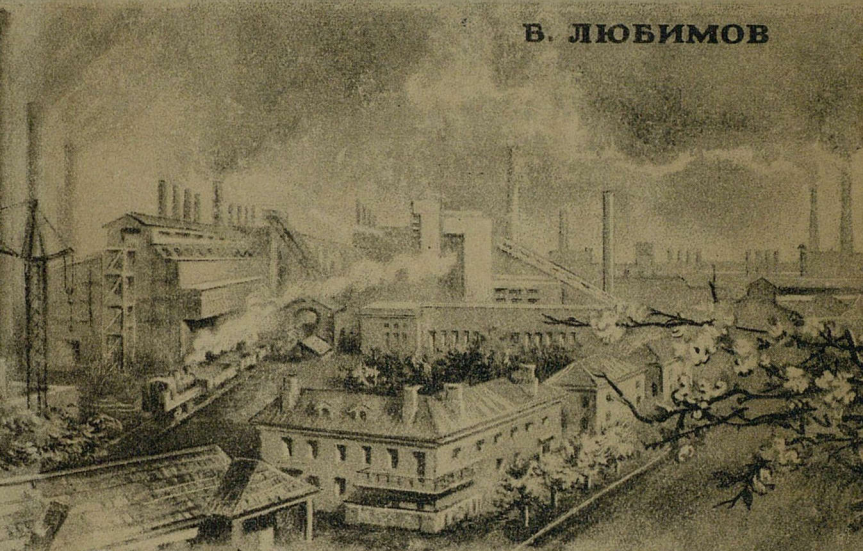

В. ЛЮБИМОВ

В УСТЬЕ ОРЬ-РЕКИ

ДЕТГИЗ 1949

~~228047~~

НАША РОДИНА

Б. ЛЮБИМОВ

В УСТЬЕ
ОРЬ-РЕКИ

Рисунки

К. АРЦЕУЛОВА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1949 Ленинград

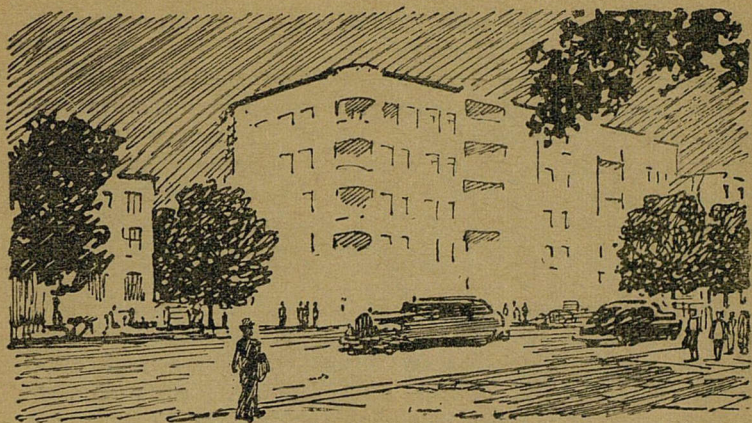
Л-938-

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу: Москва,
М. Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

срск. смт - ср. вадр.

~~БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
ПРИ ЦН И П(С)
№ 228.047.~~

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Очень приятно бродить по незнакомому городу в ранний час, когда улицы только-только начинают оживать. Огненный шар солнца висит на голубом небе и согревает землю яркими, теплыми лучами. Удивительно тихо. Чистый, прозрачный воздух глубоко проникает в легкие, и кажется, что здесь никогда не бывает свирепых степных ветров, вздымающих столбы пыли. В это благодатное утро Чкалов невольно напоминал мне наши южные курортные города где-нибудь в Крыму или на Северном Кавказе.

От вокзала до реки Урала — стройная, прямая Советская улица; тротуары и мостовые асфальтированы, высокие деревья как бы охраняют вход в каждый дом; просторные скверы с цветочными

693835 кх ред

Российская государственная
детская библиотека

клубами. Центральная часть Чкалова и в самом деле воскрешает в памяти Кисловодск, Пятигорск.

Но вот из-за угла показался ослик, впряженный в двухколесную тележку с выгнутым коробом из прутьев. В этом своеобразном экипаже сидит пожилой казах в тубетейке и пестром самотканном халате; он курит трубку с длинным чубуком, и сизый дым густыми клубами окутывает его бронзовое от загара лицо и реденькие усы и бородку. Рядом с ним, видимо, его жена. Она держит в руках вожжи и понукает ленивое животное длинной хворотиной.

Промчался пятитонный грузовик, доверху заполненный огромными бочками. За ним мелькнули белые шины нового легкового автомобиля. С противоположной стороны выглянула верблюжья голова, потом другая. Фырча и отплевываясь, гордо шагают верблюды, волоча за собой громадные арбы с сеном на колхозный рынок. Тут я почувствовал, что нахожусь не в нашем южном курортном уголке, а где-то поблизости от Средней Азии, у границ Казахстана.

Город проснулся. Звякают замки на дверях магазинов, открываются столовые. Доотказа переполненные автобусы увозят рабочих на заводы, на элеватор, возвышающийся над всеми зданиями. Юноши и девушки с книжками в руках спешат на занятия в педагогический, медицинский, сельскохозяйственный институты, в многочисленные техникумы. Прикрепив ранцы к плечам, идут на первый урок малыши-школьники.

Скучный город скучной степи,
Самовластья гнусный стан,
У ворот — острог да цепи,
А внутри — иль хам, иль хан, —

писал восемьдесят лет назад об Оренбурге известный русский поэт Аполлон Григорьев, которому довелось здесь одно время жить.

Как мало похож нынешний Чкалов с его промышленными пред-

приятными, научно-исследовательскими институтами, вузами, театрами, клубами на старый Оренбург, основанный более двухсот лет назад — в 1743 году.

Смотрю на рекламные щиты и киоски, на заборы, облепленные разноцветными листами бумаги. Крупными буквами выделяются фамилии гастролеров: «Владимир Дуров», «пианист Михновский»; названия пьес, идущих в драматическом театре, в театре юного зрителя: «Русский вопрос», «Сказка о правде», «Глубокие корни», «Красный галстук». До чего интересно читать афиши в незнакомом городе!

Железнодорожный клуб имени Ленина извещает о спектаклях своих четырех драматических кружков — русского, украинского, татарского, еврейского: «Бедность не порок», «Назар Стодоля», «Галия Бану», «Сиротка Ася».

Такая многонациональная труппа в одном клубе встречается очень редко. Когда можно было мечтать о таком тесном творческом содружестве людей, говорящих на четырех языках и объединенных одной мыслью: строить, развивать культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию!

Вечером я зашел в этот клуб и нашел там сто десять артистов-любителей. Они репетировали в разных залах различные пьесы. Из одной комнаты доносилась лирическая песенка Наталки Полтавки на украинском языке, из другой — слова русских морских офицеров из пьесы «За тех, кто в море!». Этажом выше по соседству репетировали артисты евреи и татары. Репетиции окончились. Все сто десять артистов собрались вместе. Они все слушали лекции по истории театра, мастерству актера, вместе изучали грим. И кого только здесь не увидишь! Отвлечшись от своих проектов и чертежей, с увлечением записывает основы техники артиста инженер-путеец Гребенюк. Рядом с ним — слесарь паровозного депо Махмутов. Ему трудно одновременно и слушать лектора и запечатлеть его мысли на бумаге. Он впился глазами в преподавателя, подперев щеки руками, и жадно ловит каждое слово, чтобы оставить в своей памяти ясный след от того, что говорит опытный режиссер.

Я встретил на этих занятиях и портного Шмидта, и парикмахера Склянскую, и электросварщика Воробьева.

В углу, скрестив руки на груди, сидела старая женщина. Я вначале подумал, что это кто-нибудь из обслуживающего персонала клуба. Но я ошибся. Это была одна из старейших любительниц — рассыльная редакции местной газеты Шелухина. Четверть века своей жизни она в свободные часы служит искусству. Страстная театралка не только сама выступает на сцене. Она привила любовь к театру и своим двум сестрам — Марии и Ольге — и дочери Кате. Семейство Шелухиных дало четырех актрис, и часто все они выступают в одной пьесе.

В клубе меня познакомили с седоусым человеком в вышитой украинской сорочке, похожим на запорожца со знаменитой картины Репина.

— Наш ветеран Павел Петрович Лысенко, — представили его. — Руководитель украинского кружка.

Сорок лет на самодеятельной сцене! Задолго до революции юный табельщик Оренбургской железной дороги Павел Лысенко впервые выступил в любительском спектакле, проведенном тайком от администрации дороги и полиции. С тех пор он не расстается со сценой. Престарелый артист и сейчас самый пылкий и молодой в украинской труппе...

Но вернемся на улицу незнакомого города.

Странное чувство охватывает человека, когда он впервые попадает в новые места. С каким-то особым любопытством разглядываешь каждый дом, каждого прохожего. И в архитектуре зданий и в лицах людей стараешься уловить что-то особенное, необыкновенное, только им одним присущие черты.

Советская улица резко обрывается у живописного бульвара имени Свердлова, опоясанного барьером из гранита. Каменные лестницы ведут к реке Уралу, через которую переброшен деревянный мост в Зауральный парк — любимое место отдыха горожан. Здесь, на бульваре, конец Европы. По ту сторону реки Урала — Азия. Жители Европы вечерами совершают прогулки в Азию. На

зеленом фоне высоких деревьев парка отчетливо видна монументальная скульптура из гипса «Сталин и Ворошилов». Узнаю издали работу безвременно погибшего талантливой чкаловца Петина, бывшего штукатура и бетонщика, сменившего ковш, терку и трамбовку строительного рабочего на резец ваятеля.

На лодках, как бы застывших на реке, дремлют рыболовы. Им явно хочется спать, но разве можно себе позволить такую роскошь! А вдруг улыбнется фортуна и пятикилограммовый сазан соблазнится приманкой, крепко сидящей на крючке?

Вверх по лестнице поднимаются люди с удочками и бреднями на плечах. Иные шагают торжественно, с видом победителей. Это те, кому бессонная ночь принесла богатый улов. Другие плетутся понурив голову — это возвращаются домой неудачники с пустой сумкой и пустой банкой из-под червей, не сумевшие обмануть ни одной, пусть даже самой тощей рыбешки.

— Понимаете, — сказал человек с бородкой клинышком, — две ночи подряд — и ничего... Ни-че-го! — повторил он с глубоким вздохом. — Такого позора никогда еще не было. Стыдно с друзьями встречаться — засмеют!..

Когда я возвращался с бульвара в гостиницу, столица оренбургских степей — так называют Чкалов — жила уже бурной жизнью областного центра, который управляет громадной территорией в сто двадцать три тысячи квадратных километров.

По площади область почти равна Греции и Чехословакии; на ней можно разместить три таких государства, как Бельгия, Ирландия и Албания. Впрочем, эта область велика лишь в сравнении с европейскими странами. Но в Советском Союзе Чкаловская область — далеко не крупнейшая. Она занимает только шесть десятых процента нашей страны; в семье уральских областей она самая маленькая.

И все же, для того чтобы пересечь ее с запада на восток, нужно преодолеть более тысячи километров.

Интересны история этой области, ее настоящее и будущее.

Что представляла собою старая Оренбургская губерния, кото-

рая, кстати сказать, была почти вдвое больше нынешней Чкаловской области? Всем известно, что Оренбургская область и город Оренбург переименованы в честь великого летчика нашего времени Валерия Чкалова, который жил здесь в юные годы.

Отвлечемся на минуту от сегодняшнего дня и посмотрим, что было в этих краях лет тридцать пять назад.

Бескрайные степи... Редкие села, ютящиеся преимущественно по берегу реки Урала... Люди пахали землю первобытными орудиями, собирали ничтожные урожаи. Во всей губернии насчитывалось всего лишь несколько десятков мелких предприятий, главным образом по переработке сельскохозяйственного и животного сырья. Это были крупорушки, мельницы, кожевенные мастерские. На площади в двести с лишним тысяч квадратных километров было немногим более четырех тысяч рабочих — до того ничтожно была развита здесь промышленность.

Около двух столетий назад создали в Оренбургской губернии пять чугуноплавильных и два медеплавильных завода. Но даже и их не сумели сохранить при царизме. Накануне первой мировой войны, в 1914 году, лишь один Белорецкий завод вырабатывал чугун и сталь. Ценнейшие ископаемые, которыми неописуемо богат этот край, почти совершенно не добывались. Это был заброшенный уголок России, и не было никаких надежд, что он когда-нибудь расцветет.

И вот народ взял власть в свои руки, стал полновластным хозяином своей судьбы, своей земли и всего того, что таится в ее недрах.

Тридцать последних лет неузнаваемо изменили весь облик области. Некогда глухие просторы озарены тысячами электрических огней новых заводов и городов, возникших в результате усилий советских людей за годы сталинских пятилеток. Геологи находят бесценные дары природы, созданные тысячелетиями в земных глубинах. Горняки извлекают эти богатства на поверхность, железнодорожники доставляют их на фабрики и заводы. Никелевая руда, медь, нефть превращаются в металл, станки, машины, бензин. Во

все концы страны непрерывным потоком идут тяжеловесные составы поездов с самой разнообразной продукцией, выпускаемой в Чкаловской области. В Москве вы увидите громадные баллоны в сто шестьдесят тонн для хранения саратовского газа — эти газгольдеры производят на Южном Урале. На реках Украины и Белоруссии легко заметить новые капитальные мосты, изготовленные заводами, выросшими в Приуралье. В Грузии и Туркменистане, на Дальнем Востоке и в Заполярье вы можете встретить никель и медь, серу и мясные консервы, медицинские препараты и цветной прокат, выпускаемые комбинатами, воздвигнутыми в степях Оренбуржья.

Расцветают поля; на них колышутся тучные колосья ржи, пшеницы, овса, проса. Не угасает слава Приуралья — житницы страны. Но вместе с тем все больше и больше становится машин и моторов, заводских труб и электротурбин. Все больше и больше Чкаловская область приобретает индустриальный характер.

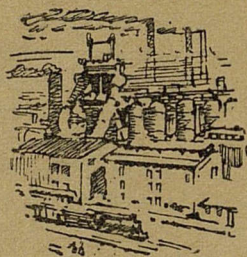
В последние десять-двенадцать лет произошли особенно разительные перемены. Эти годы ознаменованы строительством громадных предприятий, широко известных далеко за пределами области и составляющих честь и гордость всей советской промышленности. Кто не слышал о знаменитом никелевом комбинате, крупнейшем в Европе гиганте цветной металлургии! Кто не слышал о Медногорском медносерном комбинате, о бугурусланской нефти, о домбаровском угле! Чкаловская область изготавливает станки и обувь, текстиль и сельскохозяйственные машины — то, что никогда прежде здесь не производили.

И в трудные военные годы не затихал пафос созидания. Было построено несколько новых заводов. Пламенно бились сердца чкаловцев, неугасимо пылал их творческий огонь в тяжелые для нашей родины дни!

Отсталая сельскохозяйственная губерния царской России превращена в индустриально-аграрную область с безграничными перспективами дальнейшего расцвета многих отраслей промышленности.

В старых и новых литературных источниках часто упоминается о том, что самой отсталой частью Оренбургской губернии была ее восточная окраина — Орск, захолустный уездный городок. Туда я собрался поехать в первую очередь.

— Правильный выбор, — поддержали старожилы. — Но не забудьте обязательно побывать и в окрестностях Орска. Интересно, конечно, посмотреть и Бугуруслан — город нефти, и Медногорск — город меди и серы. Много любопытного и на наших золотых приисках. Но если вы не будете в Орске, то не поймете, не почувствуете, как преобразились за годы советской власти старые оренбургские степи. Без Орска и его окрестностей трудно понять, что собой будет представлять наша область через несколько лет.

ПОПУТЧИК

Случайно мне достался билет в двухместном купе. Когда я вошел в вагон, то увидел худощавого мужчину лет сорока, голубоглазого, с яркорыжими волосами. Стоял жаркий день, и мой попутчик упорно вытирал носовым платком пот, назойливо выступавший на шее, щеках, лбу. Когда он подносил платок к лицу, я заметил грубые, мозолистые руки с толстыми пальцами; ногти были покрыты темными полосками от машинного масла.

— Совсем запарился! — сказал он. — Примчался на вокзал буквально пять минут тому назад. Я совсем не собирался ехать, да вот пришлось...

В поезде знакомство обыкновенно начинается стандартными словами: «Вы куда?» — «Туда-то». — «А вы?»

Так случилось и на этот раз.

Узнав о том, что я еду в Орск, незнакомец оживился:

— И я туда же! Значит, вместе едем... Осветить село надо, — добавил он после некоторого раздумья. — Надоели колхозникам керосиновые лампы. Двигатель хотят раздобыть.

Попугчик оказался механиком колхоза «Памяти Ленина» Илекского района. Этот некогда отстававший колхоз за последние три-четыре года превратился в одну из передовых сельскохозяйственных артелей.

— Как же без двигателя! — продолжал механик. — Без двигателя теперь невозможно. Посудите сами: пришла в деревню сытая жизнь, а люди сидят при коптилках. Совестно! Зимним вечером и почитать охота, а женщинам и пошить что-нибудь ребятишкам. Народ на селе стал уж об электрических чайниках и утюгах думать... Может, слышали про наше село Подстепки? О нем в газетах здешних часто писали.

— Подстепки? — переспросил я. — Какие же это Подстепки? Не те ли, что на Илекском тракте?

— Они самые и есть, — подтвердил собеседник.

Это село мне было знакомо.

* * *

В ста трех километрах от железной дороги на берегу реки Урала приютилось небольшое село Подстепки.

С виду эта местность ничем не примечательна. Много таких сел в Чкаловской области. Маленькие домики, покрытые железом, соломой, ветряки на лужайках. Над избами колышутся на ветру редкие ветки тополей да кое-где зеленеет кустарник. Вокруг Подстепок такие же бескрайные поля, как и вокруг других сел Оренбуржья.

Начало сентября. Еще стоят ведряные летние дни, природа не

тронута дыханием осени, а в Подстепках весь хлеб уже убран. Лишь желтая шапка оставшейся кое-где скирды овса или пшеницы напоминает о том, что недавно закончилась страдная пора и могучие комбайны, наполнявшие степь глухим рокотом моторов, подрезали своими косилками налитые зерном колосья.

На полях зеленеют дружные всходы озимой ржи.

Благодатная тишина окутывает село. Спокойно на душе у колхозников. Обещали товарищу Сталину сдать хлеб государству к 25 августа и слово свое сдержали. Да еще сверх того вывезли на склады «Заготзерно» не одну тысячу пудов отборной пшеницы.

Семена на всю площадь посева ссыпаны в колхозные амбары. Каждый двор ломится от изобилия. Куда ни зайди, все чуланы и избы завалены хлебом только от одних авансов в счет заработанных трудодней. Всюду пахнет свежими пшеничными лепешками.

Спокойна совесть у колхозников артели «Памяти Ленина». Спокойна перед собой, перед народом. Ведь не только по хлебу рассчитались с государством, но и по мясу, и по шерсти, и по молоку сдали все, что причитается.

Урожай собран, но работы хватает для всех. Днем на улицах села почти не видно людей — кто занят на пахоте, кто возит сено, кто чинит плетень на ферме. На скотном дворе быстроглазая девушка в голубой косынке бежит с хворостиной за жирным быком, который все норовит выйти за ограду.

— Цоб-цобе! — гонит она упрямую скотину. — Все равно выкупаю! Иди лучше подобру-поздорову...

На крытом току веяльщицы перелопачивают зерно. Его подвоят от комбайна Таисии Кирпичниковой, которая домолачивает последнюю скирду овса, скошенную самосбросками. Трактористы раскинули свои станы-вагончики в степи. Они торопятся скорее закончить взмет зяби, а вспахать надо много — полторы тысячи гектаров.

По дорогам от села на колхозные нивы то и дело движутся дроги с бочками воды и горючего. Клубы пыли бегут за тарантасом учетчицы — неутомимой комсомолки Клавдии Пашениной.

С утра до ночи объезжает она бригады и тока. Все знают в колхозе: не пропустит Клавдия ни одного человека, каждая минута труда будет отмечена в ведомости.

День идет к концу. Но пока солнце не закатится за горизонт, пока не наступят сумерки — все еще на работе. Тишину деревенских улиц нарушают только старушки, скликающие на ночлег разбежавшихся по огородам кур, да ребятишки-школьники, с увлечением гоняющие по зеленым лужайкам самодельные мячи, как заправские футболисты.

И еще один «нарушитель спокойствия» то и дело появляется на улицах. Это шофер Степан Кравченко.

Степан Кравченко развозит по дворам хлеб, заработанный на трудодни. На волах, пожалуй, и до зимы не перевезешь. Ведь каждому колхознику полагается не менее машины ржи и пшеницы. А кому и две, и три. Попробуй на волах доставить хлеб пастуху Ивану Карповичу Дацковскому, если ему и его детям — Зинаиде, Александре и Алексею — за полторы тысячи трудодней столько положено зерна, что и на четырех машинах не увезешь! Да и не один ведь Дацковский! Плотнику Ивану Зобину со снохою и сыном более двухсот пудов хлеба причитается. Доярка Пелагея Морозикова одна заработала восемьсот трудодней, и ей надо свезти на двор до полусотни мешков зерна.

У комбайна Кирпичниковой я встретил шустрого паренька; он отгребал от машины солому. Это ученик шестого класса Шура Савин. За один месяц школьных каникул он заработал полтора центнера ржи и пшеницы.

* * *

— Давай принимай! — кричит из кабинки Степан Кравченко, подъехав ко двору Ивана Дацковского. — Принимай последнюю!

Из-за плетня выглянула старушка в синей кофте, повязанная белым с цветами платком.

— Милый, погоди, класть некуда! Вот те крест — некуда! Хоть

сам погляди. Вся изба завалена. Христом-богом прошу: свежи еще кому-нибудь. Вот приедут наши с поля, уберемся, тогда уж...

— Некогда мне с вами тут канителиться! Все просят завтра, всем класть некуда. Мне и самому класть некуда, а надо — что тут поделаешь! Ничего, бабушка. Выработали, значит получай... Ну, говори, куда сваливать!

Богатая жизнь пришла в колхоз. Посеяли больше того, что было запланировано, и собрали тоже много больше против плана. Особенно пшеница удалась. Наславу уродилась. Рассчитывали взять по девять центнеров на каждый гектар, а вышло на круг шестнадцать. Сеяли больше тысячи двухсот гектаров.

В Подстепках сто двадцать дворов. Стало быть, одной пшеницы собрали по тысяче пудов на каждый двор. Ну, а рожь? А овес? А ячмень? А просо? Ведь и их посеяно и убрано более семисот гектаров. И этих хлебов пудов по четыреста падает на каждое хозяйство. Тысяча четыреста пудов на крестьянский двор!.. Ну, когда в жизни оренбургские крестьяне собирали такие урожаи!

Интересно заглянуть в прошлое: сколько хлеба давали эти земли до революции? Перелистаем отчеты оренбургских губернаторов. Любопытная получается картина, если сравнить урожай прежних лет с урожаем сегодняшних, советских Подстепок.

Двадцать пять — двадцать семь пудов ржи или пшеницы с десятины собирали в среднем лет тридцать назад. Урожай был сам-пять, редко сам-шесть. На каждый двор приходилось в среднем до восьмидесяти пудов собранного хлеба.

«Относительно хлебных запасов необходимо заметить, что таковых у войскового населения не имеется», писали тогдашние статистики.

А вот нынче в Подстепках средняя урожайность пшеницы — сам-шестнадцать, и на каждый советский крестьянский двор приходится хлеба в шестнадцать раз больше.

Недаром старики говорят: «Не видали мы в прежние времена таких урожаев. Не знавали мы таких хлебов».

С широкого тракта свернул на проселочную дорогу крытый фургон. Ребятишки узнали эту машину. Она была здесь недавно и показывала фильм «Каменный цветок». Юные колхозники бурными возгласами приветствовали своих старых знакомых. Звуковую передвижку Чкаловского областного управления кинофикации, как и в прошлый раз, привезли механик Иван Рубанов и шофер Степан Кононов.

Машина остановилась на лужайке у правления, и здесь же на открытом воздухе решили вечером показывать картину.

— Вы про что, дядя Ваня, нынче показывать будете — про летчиков, про танкистов? — наперебой спрашивали окружившие Рубанова ребята.

— Про летчиков сегодня. «Наше сердце» называется.

— А про каких летчиков — про гражданских или про военных?

— Про военных, про военных! — сказал киномеханик.

Пока Рубанов с Кононовым устанавливали аппарат, вешали экран на стенку дома по другую сторону лужайки, к передвижке сбежалась вся колхозная детвора. Она с любопытством наблюдала, как механик перекручивал ленту, как пробовал проекцию на экране, проверял звук.

Поздно вечером, когда все небо покрылось звездами и из-за горизонта появилась луна, колхозники стали собираться на сеанс. Все пришли, принарядившись в лучшие платья. Девушки в туфлях на высоких каблуках, в шерстяных юбочках, шелковых кофточках. Не узнать в них веяльщиц, водовозов, поварих, которые еще два-три часа назад сидели на арбах с соломой, с кнутами в руках, кричали «цоб-айда», сортировали зерно или готовили в громадных чугунах щи для бригад трактористов.

Замелькали в толпе красные околыши солдатских фуражек и зеленые гимнастерки бывших фронтовиков, вернувшихся с победой домой, на родные колхозные земли.

Все село вышло на лужайку посмотреть новую картину.

— Любим мы сюда приезжать. Здесь всегда много народу бывает, — сказал шофер передвижки.

— И на полях у нас много народу всегда, — заметил бригадир полеводческой бригады Федор Яковлевич Савин. — У нас все дружно. И работаем дружно. Если можно культурно отдохнуть, так тоже дружно...

Перед самым экраном уселись ребяташки вплотную друг к другу. Старухи в валенках, женщины с грудными младенцами устроились на скамейках, табуретках, стульях, принесенных из дому; молодежь толпилась на лужайке — ей хотелось потанцевать. И как только киномеханик перед началом сеанса завел свой электроаппарат, парни и девушки под звуки вальса закружились на полянке.

— И танцуют у нас дружно, — сказал бригадир. — Все у нас дружно...

Темноту ночи прорезал резкий свет. Под киноаппаратом загорелась большая, яркая электрическая лампа — сигнал к началу сеанса. Показались на экране известные писатели, художники, композиторы, поэты. Это киножурнал о выставке книг в Москве. Его сменил полнометражный художественный фильм из жизни летчиков.

Было поздно. Завтра с утра на работу. Но никто не ушел до конца сеанса.

* * *

На фронтах шли еще тяжелые бои.

Подстепкинские мужики воевали с врагом под Киевом и Минском, под Одессой и Севастополем. Оставались в колхозе «Памяти Ленина» бабы, старики да ребята.

За годы войны хозяйство изрядно поизносилось. Поля заросли сорняками. Куда ни кинь глазом, всюду много полыни. Много ли хлеба соберешь при таком урожае!

693P35

Российская государственная
детская библиотека

БИБЛИОТЕКА
Академии Общественных Наук
пр. М. В. ПУШКИН
№ 228.047.

Приближалась зима, тяжелая зима...

Была темная ночь. Глухо стучал по соломенным крышам осенний дождь. Бушевал степной ветер, будто хотел вывернуть наизнанку дымоходные трубы. Со всех концов села шли к правлению старики, бабы, подростки. Шли по грязи, накрывшись мешками, чтобы уберечь свою одежку от нещадно падающих на землю потоков воды. А не идти сегодня нельзя. Сегодня очень ответственный момент в жизни колхоза. Правление собирает артельный совет: как жить дальше?

Из района приехал представитель. Сказывают, задание у него есть — помочь подстепкинцам наладить свое хозяйство.

Представитель сидел на табурете за длинным столом. Слабый свет семилитровой лампы освещал его задумчивое лицо. Рядом — Гаврила Зобин, Федосья Голышева, Варвара Хлуденева, Марфа Домникова — актив и члены правления. Сегодня надо всем колхозом решать, как сделать Подстепки передовым колхозом в Приуралье.

Народу собралось много. Столько не бывало и в хорошую погоду. В углу возле печки примостился на скамейке старый плотник Иван Дементьевич Зобин. Ему уже под семьдесят, но и он пришел — может, и его совет будет не лишним в такую трудную пору. Смотрит старик прищуренными глазами из-под густых седых бровей то на председателя, то на Пелагею Морозикову, приткнувшуюся у подоконника, то на Ольгу Голышеву, подперевшую плечом косяк двери, то на Нину Иванову — и на ее молодом лице лежит сегодня печать заботы, как и на лицах стариков и старух.

Холодно было в тот вечер в правлении колхоза, и не от погоды, а больше оттого, что на душе у людей было тяжело.

— Невеселый год в вашем хозяйстве, — начал представитель из района. — Сами знаете: семь тысяч пудов хлеба с тысячи гектаров. А от кого все идет? От себя же. От самих себя, товарищи. Что заработали, то и получили. Видать, плохо работали. Кого же винить будем?

— Никого, кроме себя, — сказала Марфа Андреевна Домникова.

ва. — Работали через пень-колоду, оно и вышло по семь пудов с гектара. Откуда хлеб-то будет? Пахали с орехами, землю только царапали. Глазу за тракторами не было. Позарастало все начисто полынью. Откуда же хлеб-то? Не придет он сам на двор да в амбары. Его вырастить и взять надо.

— Марфа дело говорит, — хмуро сказал старик Зобин. — Разве это работа? Хоть про себя скажу. Может, я уж и не совсем молодой... Может, говорю, пора мне и на покой. А разве теперь время о покое думать, когда кругом такое идет, что страну от немца уберечь надо?.. Вот, скажем, до трех бричек колхоз довели. Это уж по моей части — стало быть, и я тоже виноват. И оправдаться перед своим танкистом Николаем, который на фронте, нечем. «Что ж, — скажет, — папаша, как же это вы? А мы на вас там вон какую надежду имели»... Я кончил, чего зря говорить!

Зобин вынул из кармана кисет и стал набивать табаком такую же старую, как и он сам, насквозь прокуренную трубку.

Долго и бурно обсуждали подстепкинцы, как выйти из тяжелого положения. Надо было думать о корме для скота, о будущей весне.

— Семенами нас государство выручит, — говорил представитель. — Не дадут нашей земле пропасть. А все остальное — от нас самих зависит. Поднатужимся — вытянем. Неужели же не вытянем, товарищи? На фронте уж как трудно было, и то выдержали, вытянули — и немца гоним так, что пятки у него сверкают. Ужели же нашим фронтовикам придется краснеть за нас? Быть того не может!..

Поздней ночью кончилось собрание, и колхозники разошлись по дворам. Дождь утих. Чистое небо предвещало погожий день.

Когда рассвело, к бригадному двору начали сходитья люди. Иван Зобин пришел раньше всех, захватив с собою из дому пилу, топор, стамески, фуганок. Не дожидаясь никаких распоряжений, он стал чинить бричку, валявшуюся возле скотного двора без передних колес, со сломанным передком.

...Стаял снег. Землю стали обогреть первые теплые лучи солнца. Колхозники начали готовиться к севу. Представитель из района не ошибся, когда заявил на собрании, что государство поможет семенами. Дали и пшеницы, и проса, и ячменя.

Весенний сев 1944 года провели по всем законам агротехники. Землю вспахали на достаточную глубину. Строго следили, чтобы огрехов не было; проверяли каждое зернышко, чтобы оно было полновесным и положено было в землю по всем правилам агрономической науки.

Все лето колхозницы оберегали посевы от сорных трав, во-время их выпалывали.

И когда наступила уборка, все увидели: не зря зиму и лето работали. Урожай получился богатый. До двадцати пяти — тридцати центнеров собирали на отдельных гектарах.

Веселее стало на улицах села. Вечерами куда больше песни пели девчата. На фронт пошли из Подстепок радостные вести: «Ты об нас с ребятами не волнуйся. Хлеба нынче вдоволь — на весь год хватит».

Осень сразу убедила колхозников в том, что все зависит от себя.

Никто не принесет тебе на двор готовый урожай, если сам его не добудешь своими собственными руками.

Прошло с той поры четыре осени. Не узнать села. Не узнать и людей.

Из года в год колхоз «Памяти Ленина» стал сеять больше и собирать больше пшеницы, ржи, проса, ячменя, овса.

И в избах стало веселее. Вернулись домой фронтовики. Приехал в родное село Федор Яковлевич Савин — его назначили бригадиром полеводческой бригады. Занял свое прежнее место на тракторе боевой танкист Николай Зобин. Днем и ночью работала его машина. Он дорожил каждой минутой. В борозде заправлял он дизель горючим, к борозде подвозили воду, в борозде смазывал механизмы. Вернулись в колхоз Сергей Савин, Николай Ильин, да и другие полеводы, конюхи, трактористы. Все они с первого дня приезда

жадно взялись за любимое дело, от которого война оторвала их на три, четыре, а кого и на все пять лет.

В 1947 году хлеба действительно выдались на славу. Человек с головой тонул в высокой ржи. Густые колосья пшеницы наливались тучным зерном. Было где разгуляться комбайну со сцепом из двух «сталинцев».

С рассвета до глубокой ночи три громадные машины двигались по степи, убирая в день до пятидесяти гектаров хлеба. Непрерывно шли от агрегата до крытых токов пароконные повозки с зерном. В иные дни комбайн намолачивал по девять тысяч пудов хлеба.

Во время уборки село во многом напоминало боевой лагерь. Подростки-школьники, пользуясь летними каникулами, отказались сидеть дома в такую страдную пору, забросили игры «в войну» и в городки и вышли помогать своим отцам и матерям, старшим братьям и сестрам.

Каждый знал свое место. Одна группа колхозников обслуживала комбайновые агрегаты, другая — возила намолоченное и очищенное от половы зерно на ссыпные пункты. Жизнь в селе не замирала и глубокой ночью. На конном дворе кто-то при свете фонаря «летучая мышь» смазывал колеса, проверял исправность повозок; усиленно кормили волов, чтобы на рассвете рабочий скот мог без задержки сразу выйти в поле.

А в лунные ночи рокотали в степи моторы. Неутомимо шагал по полям комбайн, оставляя позади себя гектары скошенного хлеба.

По три килограмма на трудодень предполагали получить по пятилетнему плану в 1947 году.

— Маленько план перевыполнили, — говорит счетовод Василий Васильевич Хлуденев: — получили по четыре с половиной. Ну что ж! Люди на это не обижаются. — И с улыбкой добавляет: — Только на шофера нашего Степана Кравченко кое-кто обиду имеет. Вот пришла нынче старуха Дацковская и ругается: «Экий, — говорит, — охальник! Грозится высыпать машину пшеницы прямо у ворот!»

Поздно кончился сеанс на лужайке возле правления колхоза. Уже было около двух часов ночи, когда киномеханик Иван Рубанов начал демонстрировать последнюю часть фильма. Но и после сеанса молодежь еще долго не расходилась. Громко играл электропатефон, и в звонкие девичьи песни вплетались густые мужские голоса. Парни и девушки, хоть и устали за день, продолжали танцевать при лунном свете. Уже запели петухи и на горизонте появились первые блики предутренней зари, когда Рубанов спрятал в кабину машины свой инструмент и пластинки и молодежь покинула лужайку. Спать уже некогда было. Рано просыпаются Подстепки. Только и хватило времени переодеться, чтобы не опоздать на работу.

Солнышко едва-едва только выглянуло, а у нарядной уже было полно народу.

Еще не закончили своего утреннего концерта петухи, перекликающиеся на все голоса, как все трудоспособное население колхоза было на ногах. Никому не сиделось дома.

— У нас уж так повелось, — говорит бригадир Федор Савин, — никто друг друга не подведет. Как по гудку все идут на работу. Гудка у нас, правда, нет — его петухи заменяют.

И в самом деле, если пройти по избам, никого, кроме глубоких стариков и старух да детей малых, там и не найдешь.

Бригадир идет на скотный двор и осматривает каждого быка, прежде чем возчики начнут запрягать их в свои брочки.

— Погоди, погоди! — останавливает Савин бойкую девушку, которая надевает ярмо на своих волов. — А волы эти купаны?

— Купаны, Федор Яковлевич, купаны, — отвечает девушка.

— Тогда езжай, не задерживайся.

— Петька, а эти быки мылись? — спрашивает бригадир у быстроглазого паренька лет шестнадцати. — Что-то пахнут они нехорошо.

— Нет, Федор Яковлевич, большие быки не купаны.

— Почему не купаны? — возмущается бригадир. — Сказано бы-

ло — всех купать. Быстро зови Маруську, пусть сейчас же баню устроит, и, пожалуйста, без разговоров.

Бычья баня обязательна в колхозе. Воллов моют теплой водой, чтобы избавить скот от гнойных заболеваний кожи, которые образуются от грязи и пота. Даже в самые напряженные дни уборки, когда каждая минута и каждая пара рабочих рук особенно дороги, бычья баня не отменялась.

— Мне хоть бы что, — говорит бригадир, — а быков купать по расписанию, как положено.

Через полчаса гул голосов в селе затих. Бригадир всем нашел дело и после уборки урожая. Позавтракав и захватив с собою мешочки с белым хлебом, люди разошлись по своим местам.

— А мне куда же? — спросила бригадира пожилая женщина. — Про меня забыли?

— Никогда ни про кого я не забывал. Ты мне тут нужна. Пойдешь к Варваре Хлуденевой на ферму, двор ей убрать поможешь. Сараи отремонтировали, а хламу не оберешься...

Изобилие пришло в село. И потому, что хлеба стало вволю, колхозники задумали лучше устроить свой быт. Они расширяют хозяйство: покупают новых волов и лошадей, приобретают машины, ремонтируют избы, общественные постройки. И задумали подстепкиницы осветить все село электричеством. Решили зажечь во всех избах и в общественных зданиях «лампочки Ильича».

— Приехал я в Чкалов, — рассказывает механик, — а мне и посоветовали съездить в Орск. Там, говорят, найдут движок, найдут обязательно. Да и в самом деле, где его возьмешь, если не в Орске! Это теперь, можно сказать, главный центр индустрии нашей местности.

И, глядя на своего попутчика, который с такой надеждой смотрел на Орск, как на город, который поможет, выручит машинами, я невольно вспомнил историю этого заштатного городка царской России, служившего долгие годы символом темноты, невежества, местом ссылки «неблагонадежных» — лучших, передовых людей своего времени.

Любопытно сложилась судьба этого старого города.

Несколько веков по этим местам, где кончаются Уральские горы и начинаются бескрайные азиатские степи, кочевали различные завоеватели:

...Неслася пыль в степном просторе,
Скакал на воле дикий конь...

Здесь бывали ногайские, башкирские, казахские ханы со своими ордами, враждовавшие и между собою и с русскими царями, пытавшимися подчинить их своему влиянию.

В начале XVIII века правительство России начало возводить по южной границе Башкирии крепости.

1 мая 1734 года императрица Анна Иоанновна приказала «город при устье Орь-реки строить и дать ему имя впредь».

В инструкции обер-секретарю сената Ивану Кириллову, отправленному для постройки этого города, говорилось:

«...чтоб вышеупомянутый город сделать и офундовать жителями, которому городу пожаловали нашу всемилостивейшую привилегию, дабы могли с надеждою в том городе купечество и прочие селиться, и промыслы и торги порядочно и безопасно распространять».

Почти целый год Кириллов собирал силы — людские и материальные. В апреле 1735 года, закончив все приготовления, экспедиция выступила из Уфы. В ее составе было несколько тысяч человек, вооруженных ружьями, медными пушками, мортирами. Много кровопролитных сражений пришлось выдержать участникам экспедиции на пути к устью реки Орь. Башкиры не хотели допустить, чтобы русские построили город на их земле. Лишь в первых числах августа отряд Кириллова достиг места назначения и через несколько дней начал закладывать здесь город.

15 августа 1735 года на Преображенской горе, названной так потому, что экспедиция прибыла сюда в праздник преображения — 6 августа, «при надлежащем молебствии была крепость о четырех

бастионах, купно с цитаделью малою и земляною работою при пушечной пальбе заложена».

Основатель города поздравлял императрицу «с новою Россией, с землями, прославленными металлами и минералами». Попутно сообщал Кириллов, что на месте будущего города «нашли благонадежные признаки руд медных и серебряных, а также камней — порфир, яшму, мрамор».

Крепость, заложенная на реке Орь, называлась тогда Оренбургом. Но городу не повезло. Оренбург дважды переносили с места на место. В 1739 году его перенесли в урочище Красная Гора, где была построена Красногорская крепость. Через четыре года новый начальник края Неплюев перенес Оренбург на то место, где расположен нынешний Чкалов.

Селение на Ори, где некогда был заложен Оренбург, получило наименование Орской крепости. Находясь на пути караванного тракта в Среднюю Азию, эта крепость приобрела немаловажное значение. Здесь устраивали ярмарки, на которых ловкие дельцы купали скот у кочевников по очень дешевым ценам.

Орскую крепость царизм использовал не только как военный форпост, помогавший ему распространять свое влияние на восток. Орск служил также местом ссылки политических деятелей.

Этот глухой городишко производил очень тягостное впечатление на всех, кому приходилось в нем побывать.

Великий украинский поэт и революционер Тарас Григорьевич Шевченко, высланный в Орск «под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать», в своей повести «Близнецы» так вспоминает день прибытия к месту ссылки:

«...Так вот она, знаменитая Орская крепость! — почти вслух проговорил я, и мне сделалось грустно, невыразимо грустно, как будто меня бог знает какое несчастье ожидало в этой крепости, а страшная пустыня, ее окружающая, казалась мне разверстою могилою, готовою похоронить меня важиво. Подъезжая к крепости, я думал (странные думы!), поют ли песни в этой крепости, и готов был бог знает что прозакладывать, что не поют...»

В одном из стихотворений Т. Шевченко, написанном в Орске Больше ста лет назад, мы читаем:

..... горе нам,
Невольникам и сиротам,
В степи бескрайной за Уралом.

Орск был едва ли не самым запущенным из всех русских городов на протяжении всей своей долгой жизни. «Яман-Кала» назвали его киргизы, что означает «плохой город». Почти два столетия он влачил жалкое, нищенское существование, не рос, не развивался, оставаясь захолустным уездным городком.

Через сто тридцать три года после своего основания, в 1868 году, в Орске насчитывалось немногим более двух тысяч жителей. Годовой доход исчислялся сотнями рублей, из которых большая часть затрачивалась на содержание тюрьмы. Не было в те времена ни одной школы, ни больницы. Даже губернаторский чиновник, посетивший Орск, возмущался бедностью и невежеством городка.

«Не странно ли видеть, в самом деле, — писал он, — город, как Орск, не имеющий возможности содержать у себя даже приходское училище и расходующий на свое благоустройство только десять рублей в год и в то же время употребляющий на содержание тюрьмы 465 рублей!»

Прошло еще пятьдесят лет, и в городе почти ничто не изменилось. Прибавились лишь небольшая больница, две ресторации, приносящие семнадцать рублей годового дохода, много кабаков и трактиров. Главным развлечением служили кулачные бои, которые устраивались здесь по воскресеньям между русскими и татарами. В местном архиве хранятся документы о том, что кулачные бои происходили еще в 1916 году — за один год до революции!

До самого Великого Октября вся промышленность Орска состояла из четырех салотопен, мыловаренного завода, девяти кожевенных мастерских, в которых в общей сложности было занято шестьдесят рабочих. Пятнадцать человек занимались производством пива и водки.

Через двести лет после основания города при устье Орь-реки Советское правительство приняло решение о строительстве в этом городе целой группы заводов и нового города — города больших югней.

...И вот сегодня колхозный механик едет в Орск за двигателем. Едет с уверенностью, что ему обязательно помогут. Что стоит один движок индустриальному городу, где имеется десятка полтора крупнейших заводов союзного значения!

— Если у нас будет собственная электростанция, — говорил с увлечением мой попутчик, — мы не только избавимся от керосиновых ламп в домах колхозников, но и установим электродойки на молочно-товарных фермах. Наши хозяйки давно мечтают завести электрические плитки и утюги. Жизнь на городской манер наладим...

Раздался свисток. Паровоз с шумом выпустил пары, и поезд тронулся в путь.

Был поздний вечер. Ехать недалеко — триста сорок километров. Завтра утром я увижу этот старый город, который через двести лет после своего рождения обрел вторую молодость и начал новую жизнь.

* * *

Рано утром мы были уже за Кувандыком, этим необычайным по красоте природы уголком Южного Урала, который справедливо сравнивают с Кавказом, и подъезжали к Медногорску. Чем дальше от Чкалова, тем чаще на степной равнине появляются возвышенности, курганы. Вот скалистые глыбы, освещенные первыми лучами восходящего солнца. Поезд как бы вгрызается в ущелье между высокими грядами гор и потом, стремительно вырвавшись, вновь выходит на равнину. По обеим сторонам железнодорожного полотна — снеговые щиты высотой с двухэтажный дом. Бураны и метели — опасный враг суровой зимой в этой степи, лишь кое-где прикрытой редким кустарником.

Вдали в ложбинках показались белые домики. Они будто при-

льнули к каменным утесам, приросли к ним. Их много, этих домиков в один и в два этажа, — целый город! Да это и в самом деле город. Медногорск — город меди и серы. Некогда безымянный разъезд № 10 превратился в станцию Медный — крупнейшую станцию.

Здесь ежедневно останавливаются десятки поездов, доставляющих топливо, руду и увозящих готовую продукцию во все концы нашей родины.

До Орска осталось немного — километров сто.

Через час-полтора далеко на горизонте показался дымок.

— ТЭЦ подает признаки жизни, — сказал мой спутник.

Вскоре как бы из-под земли начали выползать громадные трубы электростанции. Груды кирпича и щебня тесным кольцом окружили какое-то большое здание, опутанное со всех сторон высокими лесами.

На широких просторах разбросаны маленькие белые домики из шлакоблоков.

— Это поселки индивидуальных застройщиков, — пояснил механик. — Растут, как грибы после дождя. Я бывал здесь в прошлом году, когда начинали строить эти домики, а теперь уже целый поселок. Видно, тысячи людей решили обзавестись своими усадьбами и остаться тут навсегда. Оно и понятно: трудно людям расстаться с городом, построенным собственными руками.

Поезд со свистом нырнул в гущу товарных вагонов и стал замедлять ход. На железнодорожных путях в несколько рядов — цистерны, холодильники, составы, груженные лесом, сельскохозяйственными машинами, проволокой, трубами, станками.

Огромная станция с перекинутым через рельсы мостом для пешеходов, напоминая одну из самых оживленных станций где-нибудь в Донбассе, оказалась станцией Никель, которая совсем недавно появилась на географической карте. Она обслуживает Южно-Уральский никелевый комбинат, один из первенцев орской индустрии.

Наконец мы проехали мост через реку Урал, и поезд остановил-

ся у асфальтированного перрона. Это станция Орск. Еще несколько лет назад это была тупиковая станция. Теперь Орск — большой железнодорожный узел нескольких магистральных линий.

Как только мы вышли из вагона, колхозный механик вскочил в какую-то грузовую машину, переполненную пассажирами, и я видел только, как мелькнула в кузове автомобиля его яркорыжая голова.

* * *

Старый город расположился вокруг Преображенской горы, на которой более двух веков назад Иван Кириллов при пушечной пальбе закладывал крепость «о четырех бастионах». Теперь от крепости и бастионов не осталось никаких следов.

— Для первого знакомства с городом я хочу предложить вам подняться со мной вон на ту горку, — сказал секретарь городского комитета партии.

Мы вышли из горкома и направились к Преображенской горе.

— Говорят, что еще в четырнадцатом веке здесь раскидывали свои кибитки башкирские князьки, — рассказывал он, когда мы вззошли на вершину кургана, походившего на гигантскую остроконечную шапку правильной геометрической формы.

С этой горы открывался великолепный вид и на старый и на новый город. Отсюда ясно видно, чем был старый Орск со своими деревянными домиками и чем становится Орск новый, советский, растянувшийся теперь на несколько километров по обе стороны реки Урала. Огромные сооружения мясоконсервного комбината утопают в зелени. Широко раскинулся железнодорожный поселок со своими стройными рядами улиц. Чуть дальше — громадные серые корпуса никелевого комбината. Налево от комбината круглые сутки дымят трубы теплоэлектроцентрали — громадной электростанции; она дает жизнь фабрикам и заводам, свет домам и клубам, школам и детским садам. Видны еще десятки промышленных зданий — заводы сельскохозяйственного машиностроения, цветного проката и другие.

Тесной группой расположились кирпичные, шлакобетонные, гипсоблочные, деревообделочные предприятия строительного треста. Этот трест завершает сооружение Южно-Уральского завода тяжелого машиностроения, который полностью будет закончен к концу пятилетки.

Далеко-далеко, за всей этой колоссальной промышленной площадью — аккуратные квадраты из трех- и четырехэтажных домов нового города, который связывается теперь с основными заводами трамвайной линией протяженностью в восемь километров.

— Здесь бывали не только башкирские князьки, — напомнил мне мой спутник. — Сто лет назад на этой горе сидел великий кобзарь Тарас Шевченко. Перед ним простирались тогда бескрайние голые степи... Помните, что он писал в своей повести «Близнецы»? «При такой декорации возможно только мертвое молчание, прерываемое тяжелыми вздохами». Это орскую «декорацию» имел он в виду...

Я слушал своего спутника и думал.

Если бы мог Шевченко увидеть сегодняшнюю «декорацию»? Как обрадовался бы гениальный поэт и борец за справедливость тому, что здесь, в крепости, куда он был сослан царской властью за свои передовые идеи, расцветает жизнь, свободная, счастливая, что вместо «мертвого молчания» здесь круглые сутки кипит созидательный труд людей, преобразующих этот край!..

— Я встретил в Орске современника Шевченко — Ивана Ильича Сапрыкина, — рассказывал секретарь горкома партии. — Ему теперь сто семь лет. Он был семилетним мальчиком, когда украинский поэт и революционер, по приказу Николая I, был выслан в Орскую крепость. Этот старейший орский житель, крепкий еще, как могучий дуб, человек, которого едва коснулась седина, не помнит точно облика поэта. «Отец говорил, — вспоминал Иван Ильич, — что какой-то усатый солдат все сидел на горе и думал. А жил он под горой — там тюрьма была. Потом, сказывали, угнали этого солдата к далекому Аральскому морю. Вот, стало быть, тюрьма у нас была, кучка дворов вокруг горы, мечеть еще да церковь — вот и все...»

Так было сто лет назад, по свидетельству очевидца. В последующие семьдесят лет вокруг горы построили еще сотню-полторы одноэтажных деревянных домиков. Таким одноэтажным, деревянным оставался бы Орск и сегодня, если бы не советская власть...

Когда мы спустились с горы, мой собеседник постучал каблуком по каменной глыбе и сказал:

— А вы знаете, мы ходим с вами по диориту. Крепчайший материал для фундаментов и облицовки зданий... Но что диорит! Мы ходим с вами по яшме, которую веками скрывает под собою диорит. Вот, посмотрите! — И, нагнувшись, он показал на выпиравший из диорита кусок гладко отполированной яшмы, переливавшейся на солнце розовым, желтым, голубым цветом.

Сколько прекрасных дворцов можно украсить, сколько вещей можно сделать из этого чудесного, многоцветного камня, если извлечь из горы все ее богатства!

И, окинув беглым взглядом этот пейзаж, пейзаж из бетона и железных конструкций, заводских труб и нефтяных баков, зеленых садов и удивительных по красоте камней, становится понятным, что недаром академик А. Ферсман посвятил так много вдохновенных строк этому уголку Южного Урала.

В самом Орске и его окрестностях открывается новая блестящая страница в истории развития уральской промышленности.

В ГОСТЯХ У КРАЕВЕДА

— Вы незнакомы? Позвольте вам представить: наш пламенный краевед Григорий Софронович Кобелев. Большой знаток здешних мест и неукротимый следопыт.

Передо мной стоял пожилой мужчина в круглых очках с металлической оправой. В руке он держал свернутые листы синей кальки, а подмышкой — толстую папку с бумагами.

Работник Орского горсовета, познакомивший меня с Кобелевым, еще раз подчеркнул:

— Имейте в виду: живая энциклопедия нашего района и нашего города. Григорий Софронович исследовал все холмы и ложбинки.

Время было позднее. Кобелев торопился в геологоразведочный

трест — у него возникли какие-то интересные мысли при изучении нового месторождения, и пришлось отложить свидание на завтра.

На другой день в условленный час я пришел на квартиру краеведа.

В сенях деревянного домика с покосившимся крылечком сразу бросились в глаза предметы, свидетельствующие о большой любви хозяина к геологии и этнографии. В большом деревянном ящике — оленьи рога, заржавленная кольчуга древнего русского богатыря, пролежавшая в земле, видимо, не одно столетие, зуб мамонта, груды всевозможных камней — следы многолетних поисков и находок.

Кобелев — человек очень своеобразный. У него весьма любопытная и поучительная биография.

Сын крестьянина села Надеждино, Сорочинского района, Оренбургской губернии, Григорий Софронович еще в детские годы покинул родной дом и вместе с отцом, «политически неблагонадежным» землекопом, отправился на постройку Оренбургской железной дороги.

За десять лет своей бродячей жизни Кобелев побывал в рабочих у разных бар — помещиков, рудовладельцев Оренбуржья Пашковых, Соколовых, Пименовых; работал на каргалинских рудниках, на Воскресенском и Верхотурском заводах. Грамоту постигал украдкой. Горное дело научился любить с юных лет.

— Впервые я приобщился к геологии, — вспоминает Кобелев, — в родном селе, мальчишкой. Нас было три товарища: я, Вася Сурмин и Тихон Музалев. Пошли мы как-то в степь и нашли череп и зуб мамонта. Стали всех расспрашивать, каким допотопным животным принадлежат кости. Об этом стало известно попу, поп пожаловался старосте. Староста приказал всем нам троим всыпать по десять плетей. Вот это был, так сказать, мой первый зачет по краеведению. А по-настоящему я начал любить и понимать природу немного позже, когда работал на каргалинских рудниках и геологи брали меня с собой иногда в Губерлинские горы. Обязанности мои были очень скромные: за лошадьми присматривать. Приедем на место, геологи оставляют меня обед готовить, а сами ходят по

горам, молоточками постукивают и в мешочки камешки какие-то собирают. Особенно, правда, я в этих делах не разбирался. Но все же слышал от пашковских штейгеров¹, что геологи ищут в горах ценные камни и руду. «Они ищут, находят, а я почему не могу?» думал я. Уж очень меня это раззадорило. Вот с той поры и заразился я, должно быть, «горной болезнью» и болею вот уже добрых три десятка лет... Не угодно ли полюбопытствовать?

И Кобелев показал на стопку плоских ящиков в углу комнаты.

Ящиков было двенадцать. В каждом из них — сотни образцов бесценных богатств, таящихся в приуральских недрах. Вот серые, темнозеленые, розовые, желтые, коричневые камни всевозможных цветов и оттенков. Здесь белый мрамор, марганец, сланцы, опалы, горный хрусталь, серномедный колчедан. Все экспонаты коллекции любовно упакованы в белую вату и стеклянные пробирки с надписями — когда, где был найден этот минерал.

На внутренней стороне одного из ящиков приклеен листок бумаги с цитатой из статьи В. В. Куйбышева, опубликованной в «Комсомольской правде» шестнадцать лет назад:

«Мы должны узнать свою страну... нужно увлечь этой мыслью миллионы молодых рабочих и колхозников, студентов, школьников и пионеров... В каждом районе нашей страны будем искать железо, медь, нефть, уголь, торф, сырье для химической промышленности, новые почвы, новые растения. И не только искать и узнавать, но и учиться использовать эти богатства для строительства социализма».

И где бы ни был Кобелев, этот воинствующий патриот своего края, — нигде не покидало его стремление искать, узнавать, использовать природные богатства для блага родной страны.

Когда кончилась гражданская война и банды Дутова и Колчака были разгромлены, партизан Григорий Кобелев, сражавшийся около двух лет с врагами советской власти, вновь появился в Халилове, Хабаровом, Ново-Киевке, Домбаровке, Аккермановке с

---

¹ Штейгер — горный мастер.

мешочком за плечами и молотком в руках. Он снова, как и прежде, собирал образцы лабрадора, гранитов, огнеупорных глин, магнезита, всевозможных железных и никелевых руд. Он собирал все, что хранят в себе южноуральские горы и степи, этот подлинный минералогический музей, созданный усилиями самого гениального краеведа — природой.

Три дня я провел у Кобелева, и мне казалось, что можно еще очень долго встречаться с ним и никогда не наскучат беседы с человеком, который всю свою жизнь посвятил исследованию Южно-Уральского хребта.

Геолог-самоучка уже в зрелые годы, обремененный большой семьей, сумел сдать экзамен в Орский горный техникум. Он сидел ночами за книгами и сорока лет от роду закончил техникум. И закончил его вместе с дочерью Валей. В один день.

...Вот он сидит со своим четвероногим другом Джеком возле небольшого озера в районе реки Разбойки, неподалеку от большого тракта Хабарное — Губерля. Ветер высоко поднимает мелкие частицы песка и пыли, низко гнутся березки, шумит стройный тополь. В густых зарослях лесных оврагов укладываются на ночлег тетерева. Над оврагами носятся соколы. Они ищут спрятавшихся от надвигающейся бури птиц. Джек тоже шарит по кустам: он хочет добыть пищу для себя и для своего хозяина.

Пролетели три селезня. Один из них стремительно, камнем пошел вниз и, рассекая зеркальную гладь глубокого озера, скрылся в воде.

Над озером парит сокол. Джек не спускает с селезня внимательных глаз. Вот селезень показался на поверхности воды и тут же мгновенно исчез в камышах. Джек бросился к нему, но тот быстро поднялся в воздух. На взлете селезня настиг сокол. Он вонзил в него свои острые когти, повернул грудью к себе и потащил на крутую скалу. Джек с яростью помчался к скале, но оказался бессильным перед каменной глыбой, доступной только крылатым. С какой тоской смотрел Джек на недостигаемую кручу!

Начался сильный дождь. Приближалась ночь. О возвращении

домой и думать было нечего. Кобелев нашел в этих местах хромит, но выхода его еще не установил. Скорее бы утро!.. Но как быть? Есть нечего. Затея Джека с селезнем не удалась. Геолог пишет записку, закладывает ее под ошейник собаке и привязывает веревочкой. Джек привык к подобной операции и сразу же убегает. Кобелев прячется в палатку и готовит сушняк для костра.

«Да, — думает он, — когда-то, в далекие времена, по уральским деревням и заводам ездили глашатаи и громко читали царские указы о наградах и всяких льготах тем, кто отыщет хорошие рудные места. Слушали мужики эти указы и молча переглядывались: «Не всегда, пожалуй, обрадуешься такой награде. Найдешь руду, а тебя же заставят возить ее на заводы в самую страду или надрывать лошадь в осеннюю распутицу. Уж лучше помалкивай про находки, а то еще всыпят пятьдесят розог, как Ксенофону Козлову, который в 1807 году нашел уголь».

У частных заводчиков свои правила были — что открывать, а что и скрывать.

У советского следопыта совсем другой расчет: он знает, для кого и для чего он открывает в недрах земли всё новые и новые богатства.

Пока Кобелев предавался размышлениям, Джек прибежал из Хабарного с привязанным на спине мешком. Брезент промок насквозь, но все содержимое сохранилось отлично. Жена прислала кусок мяса, полбуханки хлеба, немного луку и соли, четвертинку водки. Было чем подкрепить свои силы.

К утру ветер утих, гроза прекратилась. На чистом небе выглянуло солнце. Забыт дом, забыты невзгоды бурной ночи, и пламенный любитель природы неделями бродит по раздольным степям в поисках выхода хромита.

* * *

Много любопытного рассказал мне Кобелев о нравах, царивших в среде старых старателей в дореволюционное время.

Севернее Орска, на каргалинских рудниках, главным штейгером

был Корнил Корнилович Хренов. Это был могучий бородатый старик с толстым красным носом, подрубленными на затылке волосами и маленькими глазками. Он носил всегда лакированные сапоги, черную суконную поддевку, белую вышитую рубаху из льняного полотна, гарусный пояс. Летом на голове шляпа, зимою — лисья шапка. Корнил Хренов родился в один год с Львом Толстым и пережил его на двадцать три года. Сто пять лет было старому штейгеру, когда он ушел на покой. До конца дней своих он оставался неграмотным, но никто лучше его не умел читать историю земли. Рудовладелец Пашков знал цену старику и очень дорожил им.

Своенравный был человек этот Корнил Корнилович. Он ревностно оберегал недра и никому не поверял их тайны. Даже сыновей своих держал на почтительном расстоянии.

Но бывали иногда у старика и минуты душевной слабости. И в такие минуты он мог бросить кому-нибудь лакомый кусок: «Бури здесь, не ошибешься!»

Старик любил выпить, как и все старатели. Он пил долго, много и никогда не терял самообладания, но душа его становилась мягче. С помощью вина иной раз удавалось выведать у Хренова его секреты.

Однажды был такой случай.

Группа молодых старателей пришла к старому штейгеру с угощением. Старик был в хорошем расположении духа и выпил изрядно.

— Подавай ковер-самолет! — приказал он.

Ребята не растерялись и принесли ковер.

Хренов лег на него, сорвал с головы шляпу и крикнул:

— Уж больно вы, ребята, хороши! Несите меня к Ордынскому лесу.

Это было метров пятьсот от места попойки.

Возражать никто не смел. Надо было в точности выполнить все капризы, чтобы добиться успеха. Взялись мужики по-двое за каждый конец ковра и потащили его со стариком вместе.

— Березку уже прошли, ту, что у штольни? — спросил Хренов.

— Никак нет, Корнил Корнилович, — ответили все хором.

— Как дойдете — остановитесь.

У березки «ковер-самолет» опустили на траву.

— Как раз к самому Ордынскому лесу прилетели, Корнил Корнилович.

Старик расчувствовался:

— Ну и молодцы же!

И, окинув взором ковер и стоявших вокруг него людей, хриплым голосом запел:

Эх, руды мои,
Руды разноцветные,
На столе мало вина —
Руды будут бедные...

Это был сигнал к следующему этапу угощения. На ковре появились несколько бутылок и закуска, которую предусмотрительно захватили с собой старатели.

И тогда над лесом зазвучали новые слова:

Эх, руды мои, руды,
Руды изумрудные,
На столе много вина —
Шахты будут рудные...

И, насытившись вдоволь, старик добавил:

— Отсчитывайте двести пятьдесят сажон от березки на восток.

Старатели отмерили двести пятьдесят сажон от березки на восток.

— Отсчитали?

— Так точно, Корнил Корнилович!

— Быть по сему. Закладывайте! — говорил старик, осеняя себя крестным знамением.

Шахту заложили и нашли то, что искали.

Меткий глаз старика редко ошибался. Много десятилетий он

изучал земные недра и знал каждую складку в этой местности. Он, казалось, насквозь мог пронзить всю толщу земли и ясно увидеть все, что скрывается в ее глубинах...

* * *

В толстом, пузатом, старомодном комоде все ящики забиты папками с рукописями. Иные перепечатаны на машинке, иные написаны от руки. Местами уже стерлись буквы от времени и трудно что-либо разобрать, но с помощью автора мне удалось все же многое прочесть. Это были технические записки о минералах, их свойствах, результаты химических анализов. Это были и неформленные обрывки мыслей, и заметки по истории края, и зарисовки эпизодов из жизни его людей, их борьбы за освоение природных богатств.

И на всех листах и листочках, вырванных из тетрадей, блокнотов, бухгалтерских книг, на газетном срыве — всё об одном и том же, что составляет смысл жизни Кобелева.

Он «беседует с камнями» не только тогда, когда бродит по степным просторам в холод и зной. Он «беседует с камнями» и дома, раскладывая на столе свои коллекции, собранные за много лет пытливых исканий.

И когда его постигло несчастье — он тяжело заболел и более года был прикован к постели, — то и тогда не отрывался от своей единственной и неповторимой мечты. Он приглашал к себе домой пионеров, комсомольцев и с ними коротал время в горячих беседах о родном крае. Кобелев рассказывал своим юным друзьям о Ломоносове, который первый дал правильное понятие о рудных жилах. Говорил о том, как великий ученый глубоко верил в горные богатства своей родины, как скорбел о том, что «искать оных сокровищ некому... а металлы и минералы сами на двор не придут». Ломоносов советовал приспособить к собиранию образцов ребят, которые и без того собирают их для забавы, и рекомендовал обратить эту забаву «в великую государственную пользу».

— В старое время, при царизме, трудно было осуществить эти идеи, — говорил орский краевед своим юным собеседникам. — А нам с вами кто мешает день ото дня находить всё новые и новые ископаемые для пользы своего государства!..

И чуть только оправился Кобелев от болезни, его видели уже среди малолетних спутников на лодках, спускающихся из Орска вниз по Уралу: он учил юных любителей природы, как узнавать минералы и собирать их.

...Теплое утро. Ребята идут в гору гусиным шагом, переваливаясь с ноги на ногу. Вскоре поселок исчез за холмами. Юные краеведы-разведчики рассыпным строем разбежались по густым зарослям ковыля, стараясь найти хотя бы маленький кусочек хромита... Пахнет черемухой, вишней, бобовником. На покрытых росой листьях весело играют серебром яркие лучи утреннего солнца.

— Стоп, есть! — раздался чей-то голос.

— Что есть?

— Хромит! — сказал один паренек и, нырнув с головой в высокую траву, поднял с земли найденный образец.

— И в самом деле хромит, ребята!

Все в восторге от находки и, встав на колени, ползком начинают собирать кусочки хромита. Долго ползают пионеры по земле, раздвигая упрямые стебли зарослей, преграждающих путь, пока не доберутся до основного выхода руды.

— Ну, вот она, жила-то. Нашли!

Героев качают, а потом долго спорят о том, где лучше применяется хромистый железняк.

— О чем вы теперь мечтаете? — спросил я. — Что вам еще хочется сделать?

— О, у меня еще очень много дела! Бесконечно много. Мне хочется, например, чтобы все известные здесь месторождения были использованы. Ведь их столько! Особенно много здесь яшмы. Яшма! Подумайте: из одного кубометра — на четыреста восемьдесят тысяч рублей продукции. Четыреста восемьдесят тысяч!

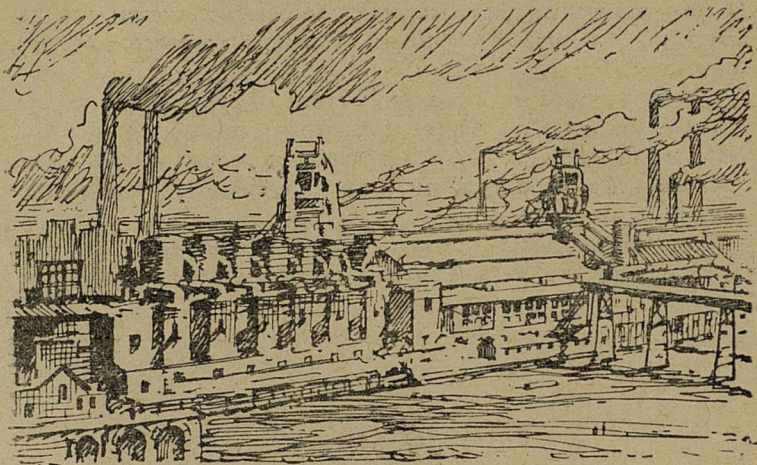
Яшма — это плиты для облицовки дворцов, постаменты для памятников, чернильные приборы, шахматы, запонки, брошки, бусы...

Много хороших идей волнует старого краеведа.

— А еще музей. В Орске обязательно должен быть музей. Надо же показать людям, что хранится в недрах нашего края. А сколько построено в нашем городе за время сталинских пятилеток, за последние пятнадцать лет!..

Кобелев поднимает голову, и сквозь стекла очков глаза его, обрамленные густой сеткой морщин, кажутся совсем юными.

ЗДЕСЬ СТРОЯТ ТЯЖЕЛЫЕ МАШИНЫ

Маленький директор большого завода

Его называют в Орске так: «маленький директор большого завода». Он и в самом деле маленький по росту, этот энергичный худощавый человек с продолговатым лицом и широким, открытым лбом. А завод, которым он управляет, действительно большой. И даже очень.

Впрочем, все по порядку.

Когда я вошел в кабинет, из-за письменного стола поднялся мужчина лет сорока, с реденькими каштановыми волосами, и, поздоровавшись, приветливо указал мне на кресло, стоявшее против него.

— Прошу садиться и сразу же прошу извинить, — сказал директор. — В тринадцать ноль-ноль у меня совещание. Вынужден заставить вас немного поскучать.

Я посмотрел на часы. Было 12.59. Кроме меня, в кабинете никого не было. С кем же думает директор совещаться?

Никто так и не пришел. Но совещание все же состоялось. Заочно. По селектору.

Возле письменного стола я заметил тумбочку с телефонными аппаратами и каким-то ящичком, похожим на радиоприемник. Я думал, что это и есть радиоприемник. Но радиоприемник стоял на несгораемом шкафу с другой стороны письменного стола. В ящичке помещалась аппаратура селекторной связи. Чтобы не отрывать от работы начальников цехов и отделов, директор советуется с ними, принимает доклады, дает распоряжения по телефону. Это не обычный телефонный разговор, в котором участвуют два собеседника. Каждый присутствующий на таком заочном совещании — сегодня их было около ста, но могло быть и двести — слышит всех своих товарищей, да и его слышат все, кто находится у селектора.

Ровно в 13.00 замигала синяя лампочка, и директор взял телефонную трубку.

— Бебенин слушает... Что? Опять заминка с транспортом? Слушайте, начальник транспорта... Алло!.. Начальник транспорта? Слушайте, товарищ начальник. Я вам дал пять новых машин, и все же на вас жалуются... Да... Работать некому? Извольте сами подбирать для себя кадры, у меня своих дел хватит... Гаручава? Как дела с тяжеловесными плавками? Идут? Молодец, Гаручава! Я всегда знал, что вы не подведете. Продолжайте в том же духе. Еще не одну заготовку — не только шести-, а, возможно, и восьми-тонную — придется отлить в трехтонной электропечи...

Долго директор кого-то упрекал в нераспорядительности, кого-то хвалил за хороший почин, кого-то поучал, как лучше организовать дело.

Мне не хотелось нарушать «публичное одиночество» руководи-

теля этого заочного совещания, я отошел в сторону и стал смотреть на улицу.

В открытые окна видна была громадная площадка, занимавшая, должно быть, несколько квадратных километров. В глаза бросались выложенные белым камнем на кирпичных и железобетонных зданиях цифры: 1943, 1944, 1945, 1946, 1947 — годы рождения этих корпусов. У колоссального пролета цеха суетились люди в серых спецовках. В руках у них были садовые лейки, большие ножницы для стрижки деревьев. Дело в том, что с первых дней жизни цехов их окружают зелеными насаждениями. Садоводы поливали молодые тополя и акации водой, подстригали кустарник.

Вот мелькнул в воздухе стальной ковш экскаватора и камнем полетел вниз. Через несколько секунд машина окутывается облаком пыли — на землю с грохотом летят куски породы. В это время машинист нацеливает свою посудину на следующую порцию грунта: надо вырыть для фундамента нового здания глубокую канаву.

Сквозь шумы стройки все резче и настойчивее дают о себе знать токари, кузнецы, сталевары. Грохочут станки, глухо ухают тяжелые молоты.

— Изучаете наш пейзаж? — спросил директор, закончив совещание. — Вот так и живем! Работаем и строимся. Строимся и выпускаем продукцию. И с каждым годом стараемся работать все лучше и лучше. Наш коллектив, как и коллективы всех других советских предприятий, старается итти впереди календаря, опережать время. А это значит, что планы пятидесятого года нам, может быть, удастся осуществить в сорок девятом. Но и сегодня мы дышим уже полной грудью, и нашу продукцию знают во многих уголках страны. У нас работают печи для плавки металла, механо-сборочные цехи, мощные станки. В общем, не стоим на месте, идем всё вперед и вперед. Вырос неплохой заводик, — с улыбкой добавил директор. — Соревноваться с гигантами советского машиностроения нам трудновато, конечно, но мы немногим

уступаем своим старшим по возрасту братьям. Но зато кое в чем мы, возможно, их и превосходим.

Николай Леонидович говорил с большим увлечением. Узкие щели его глаз расширились, и глаза загорелись ярким светом большого внутреннего волнения.

Мне вдруг показалось, что я встречал когда-то этого человека, встречал давно, лет пятнадцать-шестнадцать назад. Где-то я определенно видел это лицо, эту голову с каштановыми волосами, — тогда только волос было больше, они были гуще и вместо кожаной тужурки с «молнией» директор носил темносинюю косоворотку, подпоясанную ремешком.

Я перебрал в памяти десятки городов, где приходилось бывать: Ленинград, Тбилиси, Хабаровск, Свердловск... Нет, не там... Где же все-таки? Долго я вспоминал, где мы могли познакомиться. На бумажном комбинате в Красновишерске? Нет! На пуске домны номер два в Чусовом? Тоже нет! Может быть, на Охотском море во время рейса из Николаевска на Амуре в Александровский порт на Сахалине?..

И вдруг после путешествия по Татарскому проливу я мысленно очутился в Москве. Октябрьская площадь... Большая Калужская улица. Кажется, здесь, в этом районе, мы встречались впервые. Большая Калужская была только не такой, как сегодня. Еще не было ни широких асфальтированных дорог, ни красивых многоэтажных домов. Мостовые были покрыты булыжником. По левой стороне теснились деревянные домики — наследство старой Москвы. В глубине большого двора за чугунной оградой — Горный институт. Здесь размещалось тогда три втуза: Горный, Институт стали, Институт цветных металлов и золота. В коридорах этого старинного здания я и встречал орского директора.

— Скажите, мы могли с вами встречаться в Москве на Большой Калужской лет пятнадцать назад?

— Конечно, я учился в Институте стали имени Сталина.

Так это был он, член партийного комитета института, студент

второго курса Николай Бебенин, приехавший из Благовещенска на учебу в столицу секретарь Амурского окружкома комсомола!

— И мне ваше лицо знакомо, — сказал Бебенин. — Вы не были связаны тогда с «Комсомольской правдой»?

— Неужели вы до сих пор помните выездную «Комсомолки», наши ежедневные газеты?

— Даже дружеский шарж помню на заворга парткома — «маленького» Бебенина, обремененного большими заботами: зачетной книжкой, толстыми папками с протоколами... Все помню. Молодые годы не забываются. Все же это самая лучшая пора в жизни, хотя и сейчас не жалеюся на старость. Но молодость — чудесное время! Столько надежд!..

— Оправдались ваши надежды?

— Как вам сказать! Во многом — да. После окончания института я поработал в Москве, в Коломне, в Ташкенте. Был на вагоностроительном заводе в Днепродзержинске, на паровозостроительном — в Бежицах... Я всегда питал склонность к перемене мест, — с улыбкой добавил Бебенин. — Это единственная, пожалуй, черта, которая роднит меня с пушкинским Онегиным. Ну, а в 1942 году направили в Орск. Образно выражаясь, я стал у колыбели Южно-Уральского завода тяжелого машиностроения. Он был тогда еще на чертежной бумаге, а частично и в головах проектировщиков.

Бебенин приехал в Орск в тяжелое время для нашей родины. Немцы уничтожали города и села Украины и Белоруссии, угоняли десятки тысяч советских людей в рабство. По железнодорожным магистралям страны шли сотни эшелонов эвакуируемых заводов, устремлявшихся на восток, на Урал — северный, западный, южный, чтобы там в дремучих лесах, в голых степях, на глухих полупустынях создавать новые предприятия, строить новые города.

На открытой площадке возле реки Урала выгрузились шесть эшелонов с машинами, станками и людьми из Краматорска. Здесь, на пустынном клочке приуральской земли, надо было закладывать машиностроительный завод.

Нельзя оставлять под открытым небом дорогостоящие механизмы — они могут покрыться ржавчиной. Сохранить все надо, чего бы это ни стоило!

Разгружать нечем было. Краматорцы таскали с платформ тяжелые части, чтобы укрыть их от дождя и снега хоть под каким-нибудь навесом.

— Вы не проявили любопытства к этой литературе? — спросил меня старый знакомый, кивнув в сторону длинного стола под зеленым сукном, на котором лежало несколько толстых альбомов. — Там, правда, ничего особенного нет. Просто краткая летопись нашего прошлого и отчасти настоящего, запечатленная фотографиями.

В альбомах оказалось очень много интересных фотографических снимков.

Первые дни стройки... В снегу груды разобранных станков... У ручного горна за дощатой оградой без окон и дверей, без крыши зимою работает кузнец... Вокруг канав кучи щебня, кирпича, бревен, стальных конструкций... По пыльной дороге плетется двугорбый верблюд; он тащит арбу с бутовым камнем... Глаз фоторепортера проник и в угольный склад, приспособляемый под жилье...

Вот корпус из железобетона, еще опоясанный досками... Цех, уже освободившийся от лесов: здание похоже на громадную оранжерею; тысячи стекол образуют стену этого многоэтажного сооружения.

— Живая история трудностей и побед?

— Вернее, тысячная часть этой истории. Но если бы не было горна под открытым небом, угольного склада, где под одним потолком жили несколько месяцев сто человек, то не было бы и того, что вы видите сейчас из окна этой комнаты, и того, что увидите потом. Советские люди не привыкли считаться с трудностями, если трудности эти стоят на пути к цели.

Характерные, типичные для советских людей черты!

Маленький разъезд в таежной глуши. Девушки-южанки, никогда не испытывавшие жестоких морозов, при сорока градусах ниже нуля долбят кайлами и ломами промороженную землю, чтобы заложить фундаменты для цехов завода. За три месяца вырос в лесной чаще целый промышленный городок.

...В конторку прораба входит молодая татарка. Ее щеки горят, обветренные стужей, глаза пылают ярким огнем.

— Ну что, Земфира? — спрашивает прораб.

— Все в порядке, товарищ начальник. «Буря мглою небо кроет», а наши девчата стропила все-таки поставили.

В пургу и метель по обледеневшим бревнам скользила Земфира со своей бригадой девушек-плотников, чтобы во-время сделать крышу завода.

...Никогда не забуду, как строились гремячинские шахты в Кизеловском угольном бассейне.

Гремячее... Это слово не значится ни на одной географической карте. С большим трудом его можно найти лишь в каком-нибудь справочнике, где перечислены все притоки многоводной уральской реки Камы и все притоки ее притоков.

В глухой тайге протекает маленькая горная речушка Гремячая.

Могучие ели и пихты густой стеной опоясывают горы, плотным массивом покрывают долины, уступая дорогу только назойливым ручейкам, которые терпеливо и упорно в течение столетий пробивали себе дорогу сквозь непроходимую чащу лесов.

Сотни лет сюда не ступала нога человека. Веками царила могильная тишина. Лишь шум ветвей, потревоженных ветром или медвежьей лапой, да заунывный вой волков нарушали изредка суровое безмолвие.

Первые люди появились здесь в 1929 году. Это были геологи. Они пришли сюда искать уголь. И нашли. В недрах тайги пласты черного золота достигают восьми метров толщины. В расследо-

ванных месторождениях по восточному и западному берегам реки Гремячей обнаружены большие запасы угля, добыча которого рассчитана на много лет.

...Первая военная осень. Провалившиеся дожди. Холодный, пронизывающий до костей ветер. Группа людей в высоких резиновых сапогах пробиралась пешком по топкой грязи, бредет по крутым горам, переходит вброд речку, устанавливает точки, где выгоднее всего заложить новые шахты. Покорять тайгу приехали узбекские колхозники, жители горных аулов Кавказа, белоруссы, украинцы. Представители семидесяти национальностей пришли вырывать из таежных недр уголь. Надо было рубить лес, корчевать пни, прокладывать дороги, строить высоковольтные линии.

По непроходимым на первых порах тропам, утопая по пояс в снегу, люди тащили на себе от станции Баская в лесную чащу горняцкий инструмент. Лошади отказывались идти по нехоженным дорогам, а люди шли. Шли потому, что некогда было ждать весны. Донбасс был отрезан немцами, а страна дозарезу нуждалась в топливе.

Тайга не желала без боя уступать ни пяди своей земли, ни грамма своих богатств. Зимой она пыталась сковывать людей жестокими морозами, пургой, метелями, засыпавшими каждый раз проторенные тропинки. Весною и летом небо заволакивало грозными тучами, разражавшимися бурными ливнями. В такое время по липкой, засасывающей тине пробираться было еще труднее, чем зимой.

Но люди не сдавались. Стук топоров, скрежет пил и лязг лопат не прекращались ни на минуту. Раскаты грома сливались со взрывами динамита, которые с корнями выворачивали вековые деревья и разрушали скалы, чтобы очистить место для строительства железнодорожных путей.

Девственные леса, знавшие до того лишь вой волков да свет луны и солнца, заполнились гулом человеческих голосов, шумом моторов, треском столетних сосен и елей, рушившихся под удара-

ми лесорубов. На высоких копрах будущих шахт, в землянках и дощатых бараках замерцали электрические огни.

Когда я вместе с корреспонденткой одной из центральных газет приехал в Гремячее, был тихий зимний день. Светило солнце, и поэтому сорокапятиградусный мороз казался не таким уж страшным. Но все же, когда мы вышли из дрезины и через несколько минут попали в крепко сбитый сруб — контору строительства, удивительно уютной выглядела раскаленная железная печка.

Моя спутница с профессиональным искусством записывала все характерные детали из истории этого нового шахтерского городка. Особенно она интересовалась трудовым героизмом.

— Мне бы побольше экзотики, — говорила она. — Экзотики в самом хорошем, конечно, смысле этого слова. Побольше подвигов...

Наш собеседник, начальник технического отдела, если мне не изменяет память — доцент Днепропетровского горного института в прошлом, мужчина с бледным лицом, большими черными глазами и громадной шевелюрой, поправил пенсне, вытерев предварительно стекла носовым платком, улыбнулся и сказал:

— Какой тут героизм! Обычная работа, только в несколько необычных условиях. Живем еще, правда, в палатках. Это, я бы сказал, не совсем удобный вид жилья в здешней обстановке — холодновато немного. К утру вода, оставшаяся в чайнике, замерзает. Но все же это временные трудности. Скоро у нас будут отличные дома с голландским отоплением и даже ванными комнатами.

Доцент говорил об этом спокойно и просто, без всякой горечи и грусти, будто обледеневший чайник в человеческом жилище — явление вполне законное.

Во время беседы широко распахнулась дверь. Вместе с густыми клубами морозного воздуха в контору начало втискиваться — именно не входить, а втискиваться — громадное существо, облаченное в какие-то странные одежды. Казалось, что и брюки и ту-журка с капюшоном сшиты не из материала, а вылиты из чугуна

или стали — они совершенно не поддавались движениям человека, сохраняя свою неизменную форму.

— Заходи, Василий Кузьмич, — пригласил доцент и, обратившись к нам, добавил: — Познакомьтесь: наш лучший проходчик... Ну, как дела, Василий Кузьмич?

— Дела ничего, идут. Скоро уголек давать будем, — ответил шахтер. — Только воды многовато в шахте. Льет, окаянная, как из пожарного шланга. Пока добежал до конторы, спецовка промерзла насквозь. Но это ничего. Сейчас мы ее расшевелим.

Шахтер подошел к печке, и через две-три минуты как бы вылитая из металла одежда сморщилась, сразу потеряла свой воинственный вид и превратилась в мокрый брезент, с которого начали стекать струйки воды. Доцент помог горняку стащить спецовку и предложил ему висевший на гвозде полушубок и валенки, чтобы немного согреться.

— А все-таки мы ее добьем! — заметил шахтер. — Будет уголек! — И стал сдирать с седых усов и стряхивать на пол ледяные сосульки, плотно усевшиеся на верхней губе.

— Вот так и работаем, — сказал доцент моей спутнице...

* * *

Когда мы разговорились с Бебениным о первых днях стройки, он тоже ответил:

— Ну, какие там особые трудности! Обыкновенные вещи для первых лет войны: жили в землянках, в палатках, работали зимою, как вы видели на снимках, под открытым небом, с едой было неважно. Ну, жены наши за тридцать-сорок километров пешком ходили с санками в колхозы, чтобы раздобыть там немного мяса, муки — для ребят, конечно... Но обо всем этом не стоит... Вы курите? Могу предложить «Катюшу». Самые популярные папиросы...

О прошлом говорят на заводе походя, между прочим. Люди живут настоящим и будущим.

Настоящее — это тысячи тонн сложнейших механизмов для металлургических заводов, строительных трестов, электростанций. Отрадно сознавать людям, живущим на границе двух частей света — Азии и Европы, что здесь создают тяжелые машины для индустрии Украины и Сибири, Белоруссии и Закавказья, Средней Азии и Дальнего Востока.

Здесь, в приуральской степи, изготавливают мощные агрегаты для гигантских прокатных станков и коксохимических заводов, расположенных в трех, пяти, семи тысячах километров от устья реки Орь.

Марка «Южуралмашзавод» украшает детали блюминга первого металлургического комбината Грузии, десятки и сотни машин в самых различных уголках страны.

— Мне не хотелось бы злоупотреблять техническими терминами, номенклатурой изделий нашего производства и всяческой арифметикой, — говорит директор. — Но, честное слово, подчас сухая арифметика звучит не менее вдохновенно, чем сонеты самых выдающихся поэтов. Когда я вижу громадный кусок металла весом в четырнадцать тонн, из которого получается законченная пятитонная деталь для прокатного стана, я испытываю такую творческую радость, какую испытывает, вероятно, композитор, создавший из хаоса музыкальных звуков стройную симфонию. Из четырнадцатитонной заготовки — пятитонная деталь! Это значит — более пятисот пудов стружки! Представляете станок, способный проделать такую сложную операцию в течение нескольких часов?.. Но ведь эта штука далеко не самое крупное и не самое сложное, что мы производим. Это крошечная игрушка, пустяки в сравнении, допустим, с агрегатами для коксовых батарей весом в сто десять тонн. До десяти тысяч деталей! Каждый день видеть, как уродливые болванки под воздействием необычайной силы станков превращаются в мощные механизмы, которых ждут в Ташкенте или Таганроге, в Минске или Новосибирске, — ну, что может быть дороже сердцу машиностроителя!..

Директор встал со стула, прошелся по кабинету, остановился у

етены, на которой висели в тяжелых дубовых рамках фотоснимки заводских зданий.

— Да!.. — сказал он подумав. — Несколько лет назад это была мечта, а сегодня — реальная жизнь.

В дверь постучали.

— Прощу, пожалуйста, — ответил директор.

Стук повторился.

— Пожалуйста, пожалуйста! — громче сказал он, возвратившись к своему письменному столу.

В кабинет вошел молодой человек лет тридцати.

— Парторг завода, Кумаритов Григорий Георгиевич, — представил директор. — Инженер. Ленинградец!

— Это не совсем точно, — улыбнулся парторг.

— То-есть как?

— Очень просто. Что инженер — это верно. Но ленинградец лишь отчасти. Я учился только в Ленинграде, а родился в Северной Осетии... Так вы интересуетесь нашей жизнью? — спросил парторг, обратившись ко мне. — Ну что ж! Жизнь у нас очень интересная. Я, правда, здесь относительно новичок, работаю в Орске с 1944 года. Когда я приехал, пожалуй, самое трудное время было уже позади, но все же... Знаете, что самое замечательное у нас и самое приятное? То, что люди не хотят уезжать отсюда. Они привыкли к своему заводу, полюбили этот край, казавшийся прежде таким неудобным и суровым. У нас много ленинградцев, краматорцев, — продолжал парторг. — Года два-три назад часто можно было слышать разговоры на тему «хочу домой». И не только разговоры. И в партийном комитете было немало заявлений на эту тему, да и у директора завода... Вместе с ростом завода все эти разговоры стали постепенно затихать, а теперь их совсем не слышно. Люди сроднились с новыми местами — вот что дорого...

— Да, — поддержал директор, — это очень существенно и важно. Будете в цехах, поговорите с народом, — легко убедитесь в этом.

Две встречи

«Попадете в механосборку — спросите Коханова», сказал директор.

И вот я попал в механосборочный цех.

Собственно, трудно, да и несправедливо называть цехом большое здание из стекла, железа и бетона высотой с шестизэтажный дом. Каждый пролет цеха — а их шесть — целый завод, оснащенный могучей и сложной техникой. Двенадцати- и восемнадцатиметровые станки — строгальные, зуборезные, токарные — обрабатывают детали весом в десятки тонн. По рельсам, проложенным на стальных балках, почти у самого потолка мягко скользят мостовые электрические краны. Они доставляют к станкам огромные бесформенные куски металла и снимают с хитроумных машин чисто отполированные детали, испещренные зубьями, зигзагами, извилинами.

В кабине крана у мотора сидит девушка. Одним поворотом рычага она приводит в действие подъемную машину. Упруго натягиваются цепи, но, достигнув предела, они с необыкновенной легкостью поднимают кверху пятисотпудовое стальное изделие, чтобы погрузить его на железнодорожную платформу, которую только что доставил в цех заводской локомотив.

«Спросите Коханова»... Это, видимо, начальник цеха.

В цеховой конторе я увидел молодого человека в синей парусиновой тужурке, брюках такого же цвета и серых брезентовых сапогах. Он сидел за маленьким столом и буквально утопал в груде фиолетовой, белой и синей бумаги. Его левая рука всей пятерней вцепилась в темные волосы, а правая водила карандашом по кальке, покрытой какими-то линиями, цифрами, буквами.

Этот молодой человек напоминал студента второго-третьего курса, приехавшего на производственную практику.

— Скажите, пожалуйста, где и когда можно видеть Федора Николаевича Коханова?

Молодой человек поднял глаза, положил карандаш и спокойно ответил:

— Здесь, и даже сейчас.

Я бегло осмотрел всю комнату, но никого, кроме «студента» и одной девушки, видимо нормировщицы — она производила на арифмометре какие-то вычисления, — не увидел.

— Стало быть, вы и есть Коханов?

— Стало быть, так! — И, смущенно улыбнувшись, «студент» сказал: — Чем могу быть полезен?

Начальник цеха был, однако, не таким уж юнцом, каким он показался с первого взгляда. Морщинки, прорезавшие лоб, особенно когда он поднимал кверху темные, задумчивые глаза, складки у переносицы... Все это говорило о том, что жизнь оставила известные следы на молодом усталом лице.

Прожито не так уж много — всего тридцать три года. Но за плечами длинный, большой путь.

Давно ли, кажется, это было!..

В родном селе, в Новозыбковском районе Брянской области, возле кузницы постоянно слонялся семилетний мальчишка. Прислонившись к косяку двери, прокопченной дымом, он с непреодолимой завистью смотрел на деревенского кузнеца. До чего искусно бородатый человек ворочал щипцами на раскаленных углях кусок изогнутого железа! До чего ловко он ковал на наковальне обод для колеса!

«А ну-ка, поддержи, Федька», говорил иногда угрюмый старик, подавая своему юному другу подкову или пряжку от уздечки.

Это были счастливые минуты для любознательного паренька. Он брал в руки еще не остывший кусок металла с чувством гордости за оказанное доверие. «Когда вырасту, и я стану кузнецом», думал Федя. Примитивный в те далекие годы горн, раздувавший из искры пламя ножной педалью, казался непостижимо сложной машиной, пределом мечтаний.

В школе Федя узнал, что в мире существуют куда более занимательные механизмы, чем горн дяди Егора. Сколько раз ему

доставалось от отца за то, что он таскал из дому молоток, топор, плоскогубцы, гвозди. В глубине двора, за огородом, возле собачьей будки, он мастерил какие-то ящики, тележки и различные конструкции из кусочков железа, понятные лишь ему одному.

В шестом-седьмом классе, когда он познал уже законы физики, историю паровоза, двигателя, электрической лампочки, Федя не мог отделить своего будущего от техники. Он читал в газетах заметки о том, что где-то, у какой-то неведомой горы Магнитной, воздвигается колоссальный завод, что и в далекой Сибири строится какое-то громадное предприятие. И в Ростове, и в Донбассе...

Самой заветной и единственной мечтой деревенского подростка стала мечта о заводе. О заводе с большими цехами и большими машинами. Вот ходит он меж длинных рядов станков, знает повадку каждого из них и может каждому диктовать свою волю.

Знал Федя Коханов, что есть такие люди — инженеры. Знал он и то, как можно стать инженером. Для этого нужно долго и терпеливо учиться. Но учиться и только учиться он не мог. После семилетки пришлось по семейным обстоятельствам начать трудовую жизнь.

В нашей стране нетрудно совместить труд и учебу. Было бы желание! Все пути-дороги широко открыты перед молодежью.

Кто-то из односельчан приехал домой в отпуск из Таганрога. Федя слышал, что он работает мастером на большом заводе.

— А что у вас там, дядя, делают? — спросил мальчик отпускника, встретившись с ним в избе-читальне.

— Металл делаем. Чугун плавим, сталь, изготавливаем прокат.

— А потом что?

— Ну, а потом, — ответил мастер, — наш металл отправляется на машиностроительные заводы, а там его превращают в тракторы и автомобили, в станки и турбины.

— Вот как! — оживился паренек. — Должно быть, это очень интересно?

— А тебе что, на завод хочется? — осведомился земляк.

— Разве можно?

— Отчего же! Школа там есть, ФЗУ. Выучишься и пойдешь на завод. Поговори с матерью — и айда со мною. Я тебя живо устрою.

Вскоре Федю Коханова видели в Таганроге, в школе ФЗУ при металлургическом заводе имени Андреява.

Юный фабзавучник увлекся чертежами. Ему нравилось, что по линиям, черточкам, геометрическим фигурам, сделанным его рукой на листе ватмана, в цехах отливают детали. Правда, он вначале срисовывал эти черточки и линии с других чертежей, копировал их. Но все же по его, кохановским, экземплярам доменщики загружали печи рудой, сталевары готовили шихту для мартенов, прокатчики катали раскаленные болванки на широких станах, чтобы придать металлу необходимую форму. И сознание того, что он, только-только вступивший на самостоятельную дорогу юноша, уже составляет какой-то, пусть совсем еще маленький, но все же нужный винтик в таком сложном производстве, подымало веру в свои силы. Хотелось уже не только бессознательно копировать результаты чужих мыслей, но и самому научиться творчески думать и заносить на чертежную бумагу плоды своих собственных исканий и решений в области техники.

Осенью, когда начались занятия в заводском вечернем учебном комбинате, Коханов, ни на минуту не оставляя работы, стал одновременно и студентом техникума. Три года он отдавал все вечера и выходные дни книгам, которые еще более разжигали его страсть и любовь к машинам. И чем больше он узнавал, тем больше хотелось знать.

Диплом техника в кармане. С этим дипломом молодой конструктор попал на новый машиностроительный завод в Краматорск. Здесь создавались машины для тяжелой индустрии. На каждом шагу он встречался с явлениями, которых не понимал, с техникой, которую видел впервые. И снова долгих пять лет учебы. Один раз в год он покидал на несколько дней свое конструкторское бюро, уезжал в Харьков и там отчитывался перед профессорами, доцентами обо всем, что изучал ночами по книгам, лекциям, присылае-

мым из Харьковского машиностроительного института в Краматорск на имя заочника Коханова.

Восемь лет непрерывной учебы без отрыва от производства. Накануне войны, в 1940 году, мечта, казавшаяся такой далекой, необычной, осуществлена. Диплом инженера лежит тут, рядом, и принадлежит он ему, тому самому мальчишке Фedyке, который считал кузнечный горн дяди Егора пределом технического совершенства. В цехах Краматорки он чувствовал себя уже в известной степени хозяином машин. Он понимал каждое движение резца, по звукам угадывал правильное биение пульса станков. Он знал душу машины, подружился с машиной. Ведь это генеральная мечта его жизни!

Немцы напали на нашу страну и стали приближаться к Краматорску. Молодому инженеру на минуту показалось, что все потеряно. Но только на минуту. Когда его направили в Свердловск, он увидел, что теперь, пожалуй, он еще больше нужен родине. Сколько эвакуированных заводов надо было восстанавливать на новых местах!

— Как я попал в Орск? Случайно, — говорит Коханов. — Из Свердловска меня послали в Кунгур. Есть такой небольшой старинный городок в Молотовской области. Городок этот многие годы славится своей знаменитой пещерой с бриллиантовыми залами из гипса. Недаром тысячи экскурсий со всех концов страны, да и из-за границы посещают этот чудесный музей природы, стены и потолки которого сказочно сверкают ослепительно белыми цветами искристого льда. Но это относится уже к области краеведения...

Коханов недолго пробыл в Кунгуре. Первая командировка в Москву и встреча с Бебениным определили его дальнейшую судьбу.

— Ну что вам делать в Кунгуре! Поезжайте лучше к нам, — предложил орский директор.

Завод, который еще только создавался, завод, у которого все, все впереди, — что может быть заманчивее для инженера, жаждущего живой, творческой работы!

И Коханов охотно согласился.

В Орске он увидел территорию, огороженную... мелом. Только-только закладывались фундаменты первых цехов. Сотни машин ютились в одном небольшом корпусе соседнего завода. Было тесно машинам, да и люди жили в большой тесноте. Не очень-то уютно проводить короткие часы отдыха в холодных бараках, землянках, палатках! Но не было времени думать о себе. Шла жестокая, страшная война. Каждый человек думал прежде всего о нуждах родины, а не о своих личных удобствах. Каждый кирпич, вложенный в стену нового здания, радовал так, что все житейские невзгоды уходили на последний план и о них не хотелось, да и некогда было думать. Ну, спал на койке в бывшем складе топлива, жил с семьей в шестиметровой комнатухе. Но ведь кругом создавалась новая жизнь: вырастали корпуса нового завода, строился новый город.

Прошло два-три года. Станки и машины выбрались из закоулков и обрели просторное жилье. И молодой инженер получил отдельную квартиру в новом доме. Бывший таганрогский фабзавучник стал начальником конструкторского бюро отдела главного технолога, потом заместителем начальника инструментального отдела и наконец начальником самого крупного цеха, где создают тяжелые машины для новых строек, покрывших густой сетью карту послевоенной пятилетки.

* * *

В контору вошел пожилой мужчина с длинными усами, тронутыми уже первым инеем седины. Клетчатая кепка была небрежно сдвинута на затылок. На плечах висел промасленный пиджачок.

— Стало быть, Федор Николаевич, зубчики кончаем, — обратился он к начальнику цеха. — И шестереночки к вечеру будут готовы.

Он с какой-то трогательной нежностью и лиризмом произносил слова «зубчики», «шестереночки». Трудно было догадаться, что каждый «зубчик» весит десятки пудов, а «шестереночка» — это

стальная громадина, которая едва умещается на железнодорожной платформе.

— Ну что ж, Иван Ксенофонович! — сказал Коханов. — Приятные речи приятно слушать. Значит, можно ваш участок считать кандидатом на доску почета? Так, что ли?

Мастер чмокнул языком и озабоченно покачал головой:

— Читать-то, конечно, можно, но есть одна загвоздка. В общем и целом, к концу месяца можем, того и гляди, засыпаться.

— Это как же так, товарищ Дементьев? — насторожился начальник цеха. — Начал за здравие, а потом в кусты?

— В кусты я никогда не лазил, — ответил старик, присев на табурет, стоявший возле стола нормировщицы. — В кустах делать мне нечего, весь на виду. Одного боюсь — кадров нехватит. Ведь пять станков в одну смену работают — шутка! Сколько зуборезчиков доставать надо!..

Иван Ксенофонович вынул газету, оторвал от нее кусочек для папиросы и полез в карман за махоркой.

— Шутка, сколько народу требуется, а где их возьмешь? — настоятельно доказывал мастер. — Да еще выучить нужно. Так что кандидатом считайте, но за последствия не ручаюсь. А насчет кустов, так вы хотя мне и начальник, а только кусты не про меня писаны. Вы, Федор Николаевич, еще, извините, под столом пешком ходили, когда я с белогвардейским генералом Колчаком воевал и с отрядом партизан дошел из Кустаная прямо до Иркутска.

Начальник цеха махнул рукой с таким видом, будто не в первый раз уже слышит об этом. Да и на самом деле он слышал об этом не впервые. Иван Ксенофонович любит вспоминать дни своей партизанской жизни, причем обязательно добавляет: «Не быть бы вам, Федор Николаевич, инженером и моим начальником, если бы я в гражданскую места под солнцем для вас — тогдашних пацанов — не отвоевал. Пасли бы свиней, извините, у кулаков и по сегодняшний день, а не командовали бы вон каким производством».

И старый мастер широко, доотказа разводит руки в стороны, же-

лая наглядно показать, какое громадное дело доверили его начальнику.

— Ну ладно, — примирительно сказал Коханов. — Насчет кустов — это я так, чтобы раззадорить. Да бросьте свою закрутку! Видите, не клеится — весь табак на пол высыпался. Курите «Казбек».

— Нет уж, — ответил Дементьев, — от «Казбеку» у меня в горле сохнет. Махорка — она надежнее, от нее никакой болезни не наживешь, безвредная вещь... А насчет почетного места — не отказываюсь, — добавил он. — Может, что и получится. Тут у меня на примете кое-кто из ребят есть.

И, увлекшись тем, кто у него есть «на примете», мастер забыл о своей обиде и начал рассказывать, откуда и каким образом он рассчитывает получить и подготовить кадры для своего участка.

— Парень объявился один что надо, завидный такой паренек. Башкир. Из Уфы приехал. Ефаев Тимошка — Тимирязь по-ихнему. В плечах широк, ростом высок, в самый раз его на зуборезное дело поставить. У нас ведь ключ — восемь, а молоток — десять килограммов. А Тимошка не то что ключ или молоток — он, того гляди, и всю шестеренку на станок руками установить сумеет. Образование подходящее — шесть классов; стало быть, арифметику знает, расчеты всякие производить может. Лучше бы, конечно, семь классов, но и на шести помиримся...

Дементьев приехал в Орск из Иркутска четыре года назад, когда почти все зуборезные станки были разобраны и лежали под навесом. Лишь два станка едва-едва были установлены на фундамент. Но и они не работали — нехватало каких-то частей, да и не было ни одного квалифицированного рабочего. На пустом месте пришлось создавать зуборезный участок. Днем Иван Ксенофонтович бродил по территории завода, выискивая недостающие детали. Ночью он ввинчивал в патрон большую электрическую лампу, привезенную с собою из Сибири, и налаживал станки.

— Просим пожаловать на новоселье, — приглашал он директора, когда машины стали проявлять первые признаки жизни. —

Угощать, правда, нечем, угощение после войны, но заказы принимаю.

Были пущены первые два станка. За ними последовал и третий, также установленный руками опытного зуборезчика.

В первое время работать некому было и Дементьев сам обслуживал все три станка. Потом он нашел себе подручного и с ним вдвоем делил все трудности на своем участке.

Всех станков было тринадцать. И все они были призваны к жизни неутомимым мастером. Каждый месяц вступал в строй один новый станок. Примерно через год зуборезный участок представлял собой солидное предприятие, способное удовлетворять всем требованиям производства.

— Ну, а людей где ты возьмешь? — спрашивали Дементьева товарищи по работе.

— Людей у нас сколько хочешь, — отвечал он, — были бы машины. Какой бы я был мастер, если бы не сумел обучить людей! Мастер потому и есть мастер, что может кого-то чему-то научить.

Бывало заметит на горизонте подходящего человека — сейчас же к себе тянет.

— Не трусь, парень, не трусь, — подбадривает он новичка, только что пришедшего сюда со школьной скамьи, когда тот с робостью берет за рычаг мотора, чтобы пустить станок в ход. — Я тут рядом, со мной не пропадешь. Я, брат, сам таким был, ни черта не умел, да научили люди добрые. Я, брат, в тридцать лет только начал постигать технику, некогда все было — то батрачил у кулаков, то Колчака из Сибири выпроваживал, — и то выучился. А тебе и карты в руки. Смелости только побольше. Чего не знаешь — спроси. Спрос — не беда. А сколько дел понаделаешь! Приедешь, скажем, на Кавказ или в Ташкент, пойдешь на металлургический комбинат и увидишь там свою шестеренку. Сердце-то, небось, возрадуется: «Вот, мол, я какой! В самом Ташкенте моя шестеренка крутится!»

— Неужели в самом Ташкенте? — воодушевляется новичок.

— А как же! А то, брат, и во Владивостоке...

Игра с огнем

Джигит. Настоящий джигит. Отчаянный человек.

На первый взгляд непонятно, почему ему присвоили такую кличку. Ведь он ничего общего ни с верховой ездой, ни с лошадьми не имел и не имеет. Он просто литейщик. Инженер. Он плавит сталь в электропечах, в мартенах. И вдруг... джигит.

Терентий Селиверстович Гаручава действительно джигит в своем деле.

Кавказец по духу и по рождению, выросший в виноградарском колхозе Грузии, он пронес через всю свою жизнь унаследованную от предков пламенную страстность, отвагу и смелость. Ученик ку-таисской средней школы, а потом студент Закавказского индустриального института, Терентий Гаручава был упорным в учебе. Таким же настойчивым в достижении поставленной перед собою цели был он и в зрелые годы, когда, окончив институт, приехал на Краматорский завод, где его назначили мастером по фасонному литью.

Лет пятнадцать назад некоторые еще увлекались всем заграничным. Руководители Краматорского завода также не были избавлены от этой «болезни».

«Освободиться от иностранцев? Хорошо, — говорили они. — Но кто будет отливать турбинное литье для морских судов?»

Почему-то на заводе считали, что свои, советские люди не сумеют этого сделать. Осилить такое литье могут только заморские специалисты.

Гаручава и группа его таких же молодых товарищей доказали, что краматорские начальники глубоко заблуждаются. Через несколько месяцев морские суда стали получать турбинное литье, сделанное руками наших инженеров. «Незаменимые» иностранцы стали заменимыми и вынуждены были вернуться к себе на родину.

Это было первое боевое крещение Гаручавы. С тех пор его имя стали часто вспоминать в тех случаях, когда речь шла о металлургах, умеющих думать, творчески относиться к своему труду, дерзать.

«Если Гаручава сказал — будет, значит можете считать — есть».

Так говорит сам о себе начальник литейного цеха.

Нескромно, могут сказать. Но уверенность эта — не признак зазнайства или переоценки своих возможностей и сил. Нет! Это результат глубоких знаний и точного расчета. Гаручава никогда не обещает, если до конца не уверен в том, что сумеет это обещание выполнить. И если он уже дает слово что-нибудь сделать, пусть на первый взгляд даже очень трудное и почти невыполнимое, то никогда не подведет. Сказано, обещано — значит, все предварительно обдумано и проверено. И «если Гаручава сказал — будет, можете считать — есть».

* * *

Кабинет директора переполнен. За длинным столом сидит весь цвет технической мысли завода. Люди спорят. Спорят горячо, порой даже перебивают друг друга, потрясая в воздухе чертежами, книгами, счетными линейками.

Бурно проходит совещание у директора.

Есть от чего быть буре. Обсуждается очень сложный вопрос: можно ли в трехтонной электропечи отлить заготовку в шесть-восемь тонн? Если бы необходимость в такой заготовке возникла через несколько месяцев, когда закончили строительство десяти-тонной печи, не пришлось бы, разумеется, ломать копыя по этому поводу. Но пока была лишь трехтонная печь, и та едва-едва достигла проектной мощности. А тут — срочный заказ: для деталей блюминга Закавказского металлургического завода нужны заготовки в шесть и восемь тонн. Ну, как отлить восьмитонную деталь в печи, рассчитанной на плавку трех тонн металла? В два приема этого делать нельзя: плавка длится несколько часов, и пока будет готова вторая порция раскаленной массы, остынет первая, находящаяся уже в изложницах.

Как же быть?

Вот и собрал директор всех заводских специалистов на совет.

И не только заводских. Были гости и из Москвы. Гости весьма ответственные, знающие толк в литейном производстве.

Директор сосредоточенно смотрел на всех присутствующих, внимательно прислушивался к каждому слову, стараясь уловить в выражении лица, движении руки, повороте головы хоть проблеск надежды, что не все потеряно, что можно найти выход из затруднительного положения. Но сколько ни всматривался директор в озабоченные лица участников совещания, разместившихся за столом, он не мог уловить и тени надежды. Все наперебой доказывали, что напрасно людей отрывают от работы для обсуждения проектов, более уместных в области фантастики, чем в производстве, основанном на точных науках.

— Ну, представьте такую вещь, — горячился плотный мужчина в гимнастерке защитного цвета. — Вам предлагают, допустим, в литровую бутылку вместить два с половиной литра воды. Я лично не берусь за подобные эксперименты!

— Аналогия, правда, не совсем удачная, — раздался голос с другого конца стола, — но смысл ее очень близок к истине.

— Не близок, а точно так, — продолжал оратор в гимнастерке. — Я не литейщик, я механик, но я не взялся бы перевыполнить в два с половиной раза емкость литровой бутылки.

Тут поднял свою лысую голову человек, все время чертивший что-то на листе бумаги и не принимавший участия в дискуссии.

— Вы не механик, — произнес он с удивительным спокойствием, — вы просто, извините, ребенок. Продолжайте дальше свои философские размышления о бутылке.

Механик вспылил:

— Надо уметь себя вести, молодой человек! Оскорбление — не метод в серьезном разговоре.

Председательствующий едва успокоил механика.

— Ну, так как же все-таки? — сказал он. — Есть возможность отлить в трехтонной печи шести-восьмитонную заготовку или такой возможности нет? Если нет — придется телеграфировать в Москву, что не можем выполнить заказ.

Когда весь зал погрузился в глубокое молчание, человек, назвавший механика ребенком, поднял руку:

— Разрешите три слова.

— Пожалуйста, хоть десять.

— Нет, мне вполне хватит и трех.

Заскрипели стулья. Все повернули головы к тому месту на углу стола, откуда слышался голос.

Лысый человек встал, поправил галстук, выбившийся одним концом из-под шерстяного жилета, и заложил руки в карманы. Чуть раздутые ноздри прямого носа над светлыми аккуратно подстриженными усиками, пылкий взгляд поднятых кверху больших голубых глаз — все это говорило об энергии и решимости этого человека. Между прочим, его внешний облик никак не соответствовал обычному представлению о грузине. Все черты его лица напоминали скорее жителя Прибалтики, чем уроженца Закавказья.

— Чем же вы нас порадуете, Герман? — злорадствовал механик. — Где же ваши три слова, то-есть ваши три карты? Ну-ка, спойте нам вашу арию: тройка, семерка, туз...

— Плавку можно произвести, — сказал человек с пылким взглядом.

— Как? — раздалось со всех сторон.

Слово попросил один почтенный товарищ, говорят — крупный инженер из Москвы.

— Еще не было случая, — медленно чеканил он каждую букву, — чтобы в трехтонной печи давали восьмитонные плавки. В десятитонной печи случалось иногда плавить шестнадцать-семнадцать тонн, но...

— Посмотрим, — прервал человек с пылким взглядом. — Посмотрим! — повторил он, и трудно было понять, что означало это «посмотрим»: угрозу, простое упрямство или твердую уверенность в своей правоте.

— Этот пламенный джигит взорвет нам печь, — неистовствовал механик — он никак не мог простить обидчику сравнение с ребен-

ком. — Будьте осторожны, товарищ директор. Он хочет играть с огнем. Вы не должны этого допустить!

— Не надо горячиться, — сказал человек с пылким взглядом, — и не надо играть с огнем, — добавил он, метнув в сторону механика искры своих больших глаз. — Гаручава слов на ветер не бросает. Если Гаручава сказал — будет, можете считать — есть.

И, хлопнув дверью, начальник литейного цеха вышел из кабинета.

Три слова: «плавку можно произвести», и четвертое: «посмотрим» — были сказаны, конечно, не для того, чтобы блеснуть перед большим собранием красивой фразой. Далеко нет. Все это явилось результатом нескольких бессонных ночей.

Когда в Орск пришла телеграмма о срочном заказе, Гаручава окружил себя книгами, расчетами и после рабочего дня в цехе до рассвета занимался различными вычислениями и чертил в толстом альбоме какие-то линии. К совещанию у директора у него уже был до мельчайших подробностей продуман точный план, как заставить трехтонную печь дать плавку в шесть и даже в восемь тонн.

Через несколько минут после совещания директор пригласил Гаручаву к себе:

— Как же все-таки вы думаете проделать эту операцию?

— Расскажу потом, — ответил Гаручава. — Прошу только одного: разрешите остановить печь дня на четыре — надо подготовиться.

— Так у вас сомнений в успехе нет? — еще раз осведомился директор. — Ведь вы знаете, что специалисты считают эту затею почти безнадежной.

— Знаю, но в успехе не сомневаюсь.

— Желаю удачи, — сказал директор, крепко пожав Гаручаве руку.

Четыре дня готовился начальник цеха к сложному эксперименту. Он ни на секунду не оставлял агрегата, вокруг которого суети-

лись люди, углубляя подину печи, наращивая ее порог, увеличивая выпуклость свода. И когда было рассчитано, что печь может принять в два с половиной раза больше сырья, чем ей положено по всем нормам, Гаручава приказал:

— Можно загружать!

Волнующее зрелище. Уже давно исчезли в горловине печи целые груды шихты, а старший мастер Сазан Семенович Фундовый и сталевар Александр Григорьевич Хомутов кричат завальщикам:

— Давай, давай, ребята, не робей! Нынче печушка наша прожорливая...

Печь загрузили так, что, казалось, вот-вот ее стены не выдержат чрезмерного напряжения и все взлетит в воздух.

Свод закрыли. Что будет дальше?..

Гаручава молча ходил по цеху, капельки холодного пота выступили на его лице, но он старался ни одним жестом, ни взглядом не выдать своего состояния окружающим. Все строго рассчитано — это верно. Все должно получиться хорошо. Но кто знает, нет ли каких-либо скрытых причин, выходящих за пределы доступных технических расчетов!

Пять часов плавилась сталь. Эти пять часов стояли, вероятно, начальнику цеха нескольких лет жизни. Но в этот момент он ни о чем не думал, кроме одного: он должен сдержать данное слово. Может быть, он вспоминал в эти часы далекую, родную Грузию? Ведь для нее, для первенца ее металлургии, он совершает сейчас такой сложный опыт! Неужели он не все учел, не все проверил? Он мысленно еще раз проследил весь путь тяжеловесной плавки с самого начала, стараясь не пропустить ни одной детали. Все получалось верно. И в самом деле ни в чем не было ошибки. Но все же будто камень отвалился от сердца, стало легче дышать, когда сталевар Хомутов доложил:

— Полный порядок, Терентий Селиверстович. Суп готов. Прикажете подавать?

Открыли люки. Раскаленная масса металла хлынула в специаль-

ные формы. Их называют изложницами. Здесь сталь остыла и потом пошла в обработку на станок. Свой срочный заказ Закавказский металлургический комбинат получил во-время.

Это была не единственная восьмитонная плавка в трехтонной печи. Их было несколько десятков. Специалисты не говорили больше о том, что подобных случаев не бывало. Они говорили, что были подобные случаи и оканчивались эти случаи вполне благополучно.

О смелости и изобретательности орских литейщиков скоро узнали в области, в Москве.

«Нельзя ли получить у вас десятитонную заготовку для шестерен?» запрашивали цементные заводы.

Директор вызвал Гаручаву и показал ему телеграмму.

Гаручава молча прочитал ее и сказал:

— Дайте подумать до завтра. Сейчас ничего ответить не могу.

Всю ночь Гаручава не спал. Он взял в библиотеке кучу справочников и нашел решение этой задачи. Можно отлить десятитонную заготовку в два приема: одну — в восемь, а вторую — в две тонны. Да, но не остынет ли восьмитонная масса, пока будут варить остальной металл? Нет, не остынет. Не успеет остыть. Две тонны можно сварить за сорок минут.

— Сделаем, — сказал Гаручава директору на другой день.

— Как? Каким образом?

— Когда сделаю — скажу.

Восьмитонную плавку дали благополучно. Хуже получилось с двухтонной. В недогруженной печи свод грозил обвалом. Многие специалисты предлагали прекратить плавку, чтобы предотвратить аварию.

— Игра с огнем до добра не доведет! — говорили они.

— Нельзя ли без паники? — спокойно заметил Гаручава. — Открыть свод! — приказал он.

Свод открыли. Плавка продолжалась. Она была готова за сорок минут. Горячий металл добавили в изложницы к восьмитонной массе. И этот эксперимент удался.

Теперь, когда спрашивают, можно ли в трехтонной печи отлить десятитонную заготовку, специалисты отвечают:

— Ну почему же! Конечно, можно. Возьмите хотя бы опыт Южно-Уральского завода тяжелого машиностроения...

О самых юных

— Хотите познакомиться с одним из наших маститых слесарей-лекальщиков? — спросил начальник инструментального цеха Владимир Владимирович Моложавый.

Начальник цеха сделал при этом особое ударение на слове «маститый», и в уголках его глаз мелькнула едва заметная лукавая улыбка.

— Да, да, — продолжал Моложавый, — один из наших самых известных лекальщиков. Сейчас я могу его пригласить в кабинет. Правда, здесь тесновато, но ничего...

Было действительно тесновато.

На площади в десять квадратных метров разместилось человек десять. Девушка с косичками, в строгом черном платье с наглухо закрытым воротником, о чем-то горячо спорила с мастером. Она доказывала ему, что он вполне может осилить на своем участке заказ на калибры и что «нечего прибедняться». За двумя маленькими столиками, стоявшими, что называется, впритирку друг к другу, расположились счетовод и учетчик. Рядом с ними — бухгалтер, экономист, нормировщик и начальник лаборатории. Да, в этой клетушке умудрились устроить еще и лабораторию мерительного инструмента. Экспонатов девать некуда, и они временно пребывают на этажерках с гнездами, привинченных к стене.

— Неважно, что мы несколько стеснены площадью, — продолжал Моложавый. — Отлично поместимся! Мы попросим нашу Сусанночку, — и кивнул в сторону девушки с косичками, — перенести дискуссию с мастером в цех и освободим для нашего бригадира-лекальщика целую табуретку. А всего лучше, конечно, посетить

его на рабочем месте. Кстати, он не очень любит, когда его отрываю от дела. Пойдемте!..

Мы вошли в заполненный грохотом и шумом большой зал, и пока добрались до знаменитого лекальщика, Моложавый успел рассказать много любопытных деталей из биографии своего цеха:

— Было нас всего трое: шлифовщик Степанов, термист Герасименко и я. Потом к нам присоединился кузнец Усманов. Никакого цеха не было, конечно, и в помине. То-есть в помине он был: в планах, чертежах, одним словом — на бумаге он имел солидный вид. Но в жизни были станки, которые надо было куда-то пристроить. Они стояли под навесом, и не было людей, которые могли бы на них работать. И если вы сегодня видите сотни заточников, калильщиков, шлифовщиков, фрезеровщиков, токарей, слесарей, термистов, то надо думать, что пять лет жизни прошли не даром.

Моложавый рассказывал обо всем этом с большим темпераментом, вполне соответствующим его фамилии. Между прочим, выглядел Моложавый совсем не моложавым. Это совершенно седой человек, а лет ему не так уж много — он ровесник нашего века. Седина — память о Ленинграде, о Ленинграде первой военной зимы, когда не было пищи, топлива, а снаряды и бомбы сыпались дни и ночи на улицы города.

— Наше хозяйство еще немного разбросано, как говорится — снимаем койки у соседей. Термисты живут пока в другом корпусе. Нельзя сказать, что аппарат цеха хорошо устроен, — сами видели. Но все это мелочь. Для нас, инструментальщиков, достраивают новое здание, и скоро мы получим собственный особняк...

В это время мы подошли к стеклянной перегородке, за которой стояли два ряда длинных столов, зажатых со всех сторон тисками различных размеров. Здесь были большие тиски, высотой в полметра и больше, и маленькие — величиной в спичечную коробку.

У середины стола на перевернутом ящике стоял худенький паренек в холщевой курточке. В левой руке он держал резец, а правой показывал другому мальчику на лежавший перед ним чертеж.

— Запорол, Ваня, запорол, — говорил он, сравнивая инструмент с чертежом. — Видишь, куда загнул? А на чертеже что указано?

— Так тут ведь вон какая маленькая точечка, Владимир Кузьмич, ее и не увидишь, — оправдывался Ваня.

— Смотреть надо — увидишь! Это тебе не в городки играть. Чертеж на то и дается, чтобы в нем каждую точку строго соблюдать. Наглазок, брат, можно только из пушек на луну палить, все равно не долетит... Ну что ж, Ванюша, — добавил он спокойно, но строго, с достоинством, как и подобает учителю, — придется списать брак на твой счет.

— Что ж поделаешь! За мой так за мой! — ответил Ваня. В тоне его голоса чувствовалась и обида и вместе с тем гордость, не позволяющая ему просить о пощаде.

— Так пиши, Ваня, заявление.

— Какое?

— Ну как же! Запорол, мол, инструмент, прошу списать на мой счет.

— Зачем же заявление?

— На доску повесим, чтобы ребята видели и учились, как не надо работать... Ведь как надо работать — пишем! И как не надо, тоже всем полезно знать.

Заметив вошедшего за перегородку начальника цеха, паренек в холщевой курточке направился к нему.

— Вот и наш бригадир-лекальщик Владимир Кузьмич Поташников, — сказал Моложавый. — Один из пионеров нашего дела, хотя ему всего только семнадцать лет.

— Когда-то было семнадцать, — заметил бригадир. — Всё вы: семнадцать да семнадцать! Скоро уже все восемнадцать стукнет.

Трудно было понять, чего больше в этой фразе: сожаления о быстро уходящем детстве или радости о том, что наступает пора мужества и зрелости.

Пришел Володя Поташников, вернее — не пришел, а его привел сюда отец пять лет назад, когда огороженная мелом площадка начала заполняться шумом разгружавшихся с железнодорожных

платформ механизмов, грохотом камней древних курганов, взрывааемых аммоналом.

— Тут что делать будут? — все спрашивал у отца-столяра лобзательный мальчишка.

— Сказано тебе — завод, ну чего пристаешь!

Отец Володи был не таким уж неприветливым человеком. Он всегда охотно объяснял сыну все, что его интересовало. Но о том, «что тут делать будут», сын спрашивал чуть ли не каждый день, а то и по нескольку раз в день, и отцу просто надоело отвечать одно и то же.

— А мне можно на этот завод?

— Мал еще! Вот подрастешь, тогда посмотрим...

— Ничего не мал! — со слезами на глазах говорил мальчик. — Мне уж тринадцать годов, и я Кольку Семенова могу побороть, а ему больше моего на два года. А ты все мал да мал... Теперь нету маленьких — все большими стали, потому война...

Когда на всех столбах и заборах Орска появились объявления о наборе рабочих, учеников всех специальностей для вновь строящегося завода тяжелого машиностроения, столяру Поташникову и вовсе некуда было деваться от настойчивых домогательств сына. Пришлось уступить. И в один из летних дней, во время школьных каникул, в маленьком деревянном сарайчике, где закладывались основы будущего инструментального цеха, появился столяр Поташников со своим беспокойным потомком.

— Кто здесь будет главный? — осведомился столяр.

— А для каких надобностей? — спросил Моложавый, встретивший гостей у входа. — Наниматься хотите?

— Да нет. У меня своих дел сверх головы. Я в строительном тресте работаю. Насчет мальчишки я. Нельзя ли к вам пристроить?

— Отчего же! С удовольствием, — ответил Моложавый. — Присылайте или приводите — поговорим.

— Да он тут, со мной!

Моложавый увидел, что рядом с отцом стоит парнишка на вид лет десяти-одиннадцати, не больше.

— Куда же его, такого крошечного?

— Вы не смотрите, что он ростом не вышел. Ему уже тринадцать скоро. Пять классов кончил на «отлично». Житья от него нет — все на завод просится. «Теперь, — говорит, — нету маленьких, все большими стали — потому война»... Ну, что с ним поделаешь!

— Конечно, нету маленьких! — озорно бросил мальчик.

Боевой паренек произвел очень хорошее впечатление на Моложавого. Но как его брат, если законом запрещается принимать в ученики ребят моложе четырнадцати лет?

— Мальчик был так огорчен! — вспоминает Моложавый. — Куда девалась только его выдержка! Он стал плакать. Я его, признаться, пожалел, взял на работу — совершил противозаконный акт. И что бы вы думали? Оказался на редкость исправный и трудолюбивый мальчик. Мне едва удавалось выпроваживать его домой в обеденный перерыв — больше четырех часов я не разрешал ему работать. Он буквально не давал покоя мастерам. Все его интересовало, все он хотел знать. И мне от него доставалось: «А что читать по лекальному делу?», «А какие книги есть по термической обработке?», «А как скорее научиться читать чертежи?»

Я подбирал для него книжки, статьи в журналах, брошюры, знакомил с мерительным инструментом. Его отец рассказывал мне, что, вернувшись с работы домой, Володя тотчас садился за книжки. Однажды — это было месяца через два после поступления на завод — он приходит ко мне и говорит: «Давайте, дядя Володя, каленые шаблоны делать буду». — «Как каленые? Ты вначале простые научись делать. Каленые — очень тонкая работа, их доверяют уже опытным слесарям». — «А вы попробуйте, дядя Володя. Испорчу — уши надерете, ладно?»

Такая непосредственность меня просто пленила, — рассказывает Моложавый. — Мне план выполнять надо, а он... «надерете уши». Кто же, думаю, мне позволит в отчете графу «каленые шаблоны» заполнить... надранными ушами? Но все-таки Володя меня убедил. Он так настойчиво выпрашивал у меня наряд на каленые шаблоны,

с такой скрупулезной точностью рассказал мне весь технологический процесс, что я не выдержал — уступил. Мой тезка меня не подвел. Потом, что бы я ему ни поручал — скобы, угломеры, зубомеры, — всегда все выполнит аккуратно, на первый класс точности. Теперь Володя... виноват, Владимир Кузьмич — так его величают ученики — моя надежная опора во многих делах. Видели, как он муштрует свои кадры, воспитывает у них чувство ответственности за порученное дело? Уверен, что Ваня никогда больше не делает ни одной бракованной детали. Слышали, как он сказал: «Пиши заявление»? Метод-то каков! Заставляет человека глубоко осознать свою ошибку. Психолог! Не знаю, читал ли он «Педагогическую поэму» Макаренко. А впрочем, возможно, что и читал. Удивительно начитанный паренек!..

Любознательность Володи была беспримерной. Он ко всему прислушивался, все замечал, стараясь из всего извлечь для себя пользу. Он пристально следил за руками опытных рабочих и, подражая им, вырабатывал у себя необыкновенную точность и аккуратность.

Чертеж он считал высшим законом и с каким-то особым трепетом и обожанием относился к каждой черточке, линии, точке на листке бумаги, висевшем на стене у его рабочего места. С первых же дней этот паренек поражал всех глубокой мудростью в понимании души своей профессии.

Мастер Леонид Семенович Степанов всегда ему говорил:

«Если хочешь стать настоящим слесарем-лекальщиком, всегда начинай работу только чистыми руками. Имей в виду: чистота и аккуратность — верный друг точности. Без точности в нашей профессии делать нечего».

Слова эти оставили глубокий след в юной голове Володи, стали девизом в его жизни и труде — и тогда, когда он еще робкими пальцами брал в руки для обработки угломер или калибр, и потом, когда у него уже появились свои ученики.

— А ну-ка, покажи руки, — говорит он Бельскому или Баеву, прежде чем доверить им какую-либо работу. — Нет, брат, с таки-

ми руками только навоз чистить, а не с инструментом дело иметь. Иди-ка вымой руки, да как следует, с мылом..

Этот юркий, быстроглазый паренек во время обеденного перерыва мог свалить во дворе завода огромную бабу из снега или поиграть со своими сверстниками в лапту. Но он был на редкость сосредоточенным, когда приходил в цех и брал в руки молоток или напильник.

Он умел слушать других. Подчас обычный разговор, не представляющий никакого интереса, наводил его на очень серьезные размышления.

Однажды он был невольным свидетелем такой сцены. К начальнику цеха пришла Зинаида Дьяконцева, молодая украинка с открытым, добродушным лицом и смеющимися глазами. Она приехала в Орск из Ворошиловграда. Первый и единственный заточник в свое время. Теперь на заводе уже десятки заточников, но Дьяконцева была и остается лучшей. Она работает на трех станках.

— Та гляньте, Владимир Владимирович, — сказала она, показывая плашки для нарезки болтов, — чи так, чи не так?

Моложавый взял плашки, посмотрел, провел по ним рукой.

— Так, так, Зинаида. Правильно, молодец!

— Та хйба же так проверяють? Струментом проверьте, може що и не так. Работа новая, як бы гриха якого не було.

— Вижу я, что верно, чего вам еще надо! — недовольно бросил Моложавый.

Но Дьяконцева не унималась. Она настаивала на своем и успокоилась лишь тогда, когда начальник цеха сделал все промеры — и по длине, и по ширине, и по толщине.

— О це друге дило. Теперь вправду бачу, що так... А то — «молодець!» — добавила она, выходя из цеховой конторки.

Володя крепко запомнил эту сценку. Ему очень понравилась настойчивость Зинаиды, ее высокая требовательность к своему труду. На другой день в столовой он подошел к ней, поздоровался и сказал:

— Я много думал о вас. Очень вы правильно вчера поступили насчет плашек. Я тоже буду поступать так... Хотите? Возьмите, почитайте. Очень хорошие стихи. — И сунул ей в руки томик стихов Михаила Исаковского.

* * *

Знакомство с Володей Поташниковым восстановило в памяти встречи на молотовских и других уральских заводах во время войны. Я видел таких ребят из ремесленных училищ на танковых, авиационных и всяких иных производствах. В этих юных мастерах удивительно сочетались черты детской непосредственности и наивности со зрелостью умудренных опытом людей, оставившей, может быть, и едва заметные следы где-то в складках между бровей и в уголках порой не по-детски задумчивых глаз.

Сборочный цех завода, производящего сложные приборы. Начальник цеха, солидный инженер, ленинградец, высокий, широкоплечий мужчина с густой шапкой волос, показывал мне большие сложные машины и маленькие станочки, обрабатывающие крошечные детали необыкновенной точности.

— Обратите внимание, — говорил он, — не только на станки, но и на мой рабочий класс.

«Рабочий класс» производил самое сильное впечатление. На высоких, специально сделанных табуретках сидели подростки. Проворными руками они с поразительной ловкостью делали свои операции на поточной линии, и весь конвейер работал с точностью часового механизма.

Гудок возвестил об обеденном перерыве. Моторы выключили. Конвейер остановился. Цех наполнился гулом ребячьих голосов, словно коридор школы на перемене. Начальник цеха казался Гулливером среди лилипутов в окружении своего «рабочего класса».

— Ну, как дела, товарищ бригадир? — обратился он к пареньку на вид лет пятнадцати, который был очень возбужден и о чем-то горячо спорил со своими товарищами.

— Полный скандал! — ответил бригадир. — Без ножа режут! Если нам после обеда не подадут деталей, завалим сегодня программу.

Юный бригадир руководил поточной линией. У него уже было восемнадцать помощников.

Но самое интересное произошло после обеденного перерыва.

Уже давно прогудел гудок, а в цехе было пусто.

— Где народ? — спросил начальник.

— Какой народ? Это ребята-то? — ответила женщина, убиравшая стружку. — Во дворе народ! В футбол играет.

Мастера так увлеклись мячом, что не слышали гудка.

— Ну, как теперь с вами быть? — обратился начальник цеха к своим кадрам, застав их во дворе «на месте преступления».

— М-да, — глубокомысленно заметил Петя Стяжкин, тот самый бригадир, который волновался так из-за отсутствия деталей. Между прочим, этот же Стяжкин оказался и капитаном одной из футбольных команд. — Виныаты мы, товарищ начальник. И наказание нам вот какое: перевыполнить норму. Согласны? Сейчас так нажмем, вот увидите...

Ребята действительно «нажали». Вместо одной нормы они выработали полторы...

* * *

Моложавый провел меня по всем инструментальным участкам. Он часто останавливался то у одного, то у другого станка и рассказывал о «чудесных ребятах», которые принесли сюда свои детские мечты, перешагнули здесь отрочество, вступили в период юности и стали зрелыми специалистами своего дела... У одного большого станка Моложавый задержался на несколько минут.

— Видите, какая махина? Когда-то в Краматорске один московский профессор налаживал его целых полгода. И вот к нам пришел Виктор Дыдышко. Ему было шестнадцать лет. За три года он отлично изучил этот станок и теперь самостоятельно делает

червячные фрезы, требующие большого опыта и больших знаний. Часто и соседние заводы обращаются к нам с просьбой, чтобы Виктор сделал для них такой инструмент. Недавно мы установили координатно-расчетный станок. Сложная штука! Дыдышко особенно к нему равнодушен, и я вижу в нем будущего мастера фрезерно-расточного участка... Вот вам еще: Елесин, его тоже зовут Виктором. Этот чуть постарше, хотя ростом поменьше. Когда он пришел на завод, его не видно было из-за станка. Ему подставляли специальный стул. Сейчас можете поручить Елесину любую работу. И будьте спокойны! Он делает самые сложные инструменты: резьбовые калибры, метчики — вещи микронной точности...

Интересно, что и в конструкторском отделе завода я встретил много совсем юных работников. Это были чертежники и даже конструкторы.

Когда я сидел в кабинете у заместителя главного конструктора Четырбока и он знакомил меня с работой своего бюро, в дверь постучались:

— Можно?

— Войдите.

Вошла худенькая девушка в малиновом берете. Она принесла грудку чертежей.

— Что случилось, Нина? — спросил Четырбок.

— Вот видите, Филипп Андреевич, не лезет.

И, развернув большой лист ватмана, Нина стала доказывать своему руководителю:

— Понимаете, Филипп Андреевич... Я стала собирать всю машину, и получается, что редуктор врезается в лестницу.

Четырбок не поверил вначале. Узлы конструировали опытные люди, и вряд ли возможна ошибка.

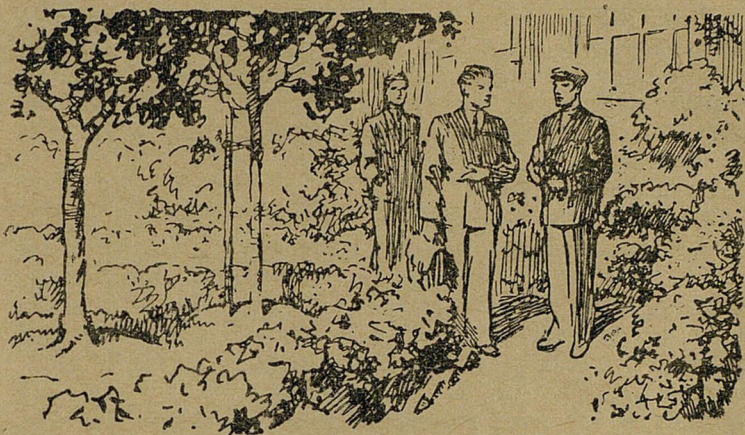
— Да нет, не лезет, Филипп Андреевич, — настаивала Нина.

Проверив еще раз все расчеты, Четырбок убедился, что Нина права.

— Действительно, не лезет. Придется отдать узел на переделку. Когда девушка ушла, Четырбок сказал:

— Прекрасная, способная девушка. Ей едва минуло шестнадцать лет. В апреле только получила паспорт, но отлично разбирается в чертежах. Она пришла к нам два года назад, после окончания семилетки, была сначала ученицей чертежника, теперь стала чертежницей и выполняет подчас сложную конструкторскую работу. Я поручил ей собрать коксовыталкиватель — восемь узлов, тысячи деталей, более полусотни чертежей! Всю громадную сумму всевозможных расчетов надо уложить на одном только листе ватмана. И справляется! Нина не одна. У нас немало молодежи из десятилеток. Сперва мы ее учим копировальному делу, потом ученики становятся чертежниками. Теперь кое-кто способен делать и делает то, что я, например, делал через шесть лет после окончания института. Помню, что конструкцию механизма передвижения коксовыталкивателя или механизма планирной части этой машины мне поручали, когда я был уже опытным инженером. А у нас эту работу с успехом делают Коля Голозубов, Катя Иванова — молодые люди, получившие год-два назад аттестат зрелости.

ЖЕЛТАЯ АКАЦИЯ

Орск — очень своеобразный город. Когда я ознакомился с его людьми, заводами, природой, мне часто вспоминались слова одного архитектора, который сказал однажды: «Орск мало посмотреть, увидеть и понять — его надо почувствовать».

В самом деле, лет пятнадцать-шестнадцать назад были заложены только фундаменты для первенца орской индустрии — мясоконсервного комбината, а теперь здесь уже построено десятка полтора крупнейших предприятий. Это действительно — «мало посмотреть, увидеть и понять». Надо почувствовать дух Орска, его людей, сумевших пустить в дряхлые вены старого захолустья юную кровь, возродившую город к новой жизни.

Почти каждый город имеет свой профиль. Когда говорят о Магнитогорске, Кузнецке, сейчас же встают перед глазами доменные и мартены, вырабатывающие металл. Называют Баку — это нефть. Иваново, Калинин, Орехово-Зуево воскрешают в памяти пестрые, многоцветные ткани. Каждый промышленный центр имеет свои типичные черты.

Ну, а что такое Орск?

Трудно определить его профиль.

Орск можно назвать городом никеля. Но почему, собственно, никеля? Разве тяжелые механизмы с орской маркой, которые можно встретить на всех широтах и долготах нашей родины — в металлургии и строительных трестах, на электростанциях и цементных заводах, — не дают права назвать Орск городом тяжелого машиностроения? Саратовский газ, поступающий в Москву, хранится в газгольдерах, сделанных в Орске; на реках Украины и Белоруссии сооружены мосты, изготовленные тут же, в устье реки Орь. Нет, вернее Орск — город стальных конструкций. А может быть, правильнее назвать его городом сельскохозяйственных орудий?..

Ну как определить профиль города, из которого поезда ежедневно увозят в различные уголки страны разнообразные машины, медицинские препараты и копченые колбасы, нефтяные продукты и кобальт, цветной прокат и мясные консервы?

Многим могут поделиться, о многом могут рассказать приезжему человеку в этом многоликом городе. И все же прежде всего обязательно вспомнят о желтой акации и пирамидальном тополе, о клене и цветах. Об этом будут говорить с таким же вдохновением, как о заводах и комбинатах.

Пс-цадив жесткую кору какого-нибудь тополя высотой с четырехэтажный дом так ласково, словно живое существо, старожил скажет с улыбкой:

«Неплох, красавец? А ему всего только десять лет. Каждый день поливали. Да что каждый — два раза в день! И, видно, не зря старались. Вон как вытянулся! А знаете, что говорили? Степь, палящий зной летом, жестокие морозы зимою... не могут здесь

расти деревья. Десятки лет люди твердо были убеждены в этом!»

И посмотрит собеседник такими глазами, будто хочет сказать: «Вот видите, человек все может. Никто и ничто неспособно противиться его воле, даже сама природа».

Любовь к зелени не удивляет. Она вполне законна и понятна. В голой, унылой, однообразной степи, изредка оживляемой холмом и каменной глыбой, каждая новая веточка, каждый новый кустик бесконечно радует и волнует.

Но нигде я не встречал таких одержимых страстью к деревьям людей, как на мясоконсервном комбинате.

На этом комбинате есть что показать любопытному посетителю. В цехах и заводах — сотни сложнейших машин и автоматов, производящих такие операции, которые на первый взгляд доступны лишь гибким человеческим пальцам. В Советском Союзе это четвертый по мощности комбинат. В одну смену он способен переработать восемьсот быков и коров, две с половиной тысячи баранов, шестьсот свиней — целый животноводческий совхоз!

Чего только здесь не изготавливают! Здесь есть все, что видишь на полках самого лучшего гастрономического магазина. Ветчина и ливер, польская и минская колбаса, охотничьи сосиски... Одних только колбас — пятьдесят сортов. На миллионах консервных банок с наклейками «паштет», «тушонка», «язык» стоит штамп Орского мясокомбината. Костяные пуговицы и кожаные изделия, смазочные материалы и хозяйственное мыло, шашки, шахматы и домино, желатин и желудочный сок — около пятисот наименований всевозможной продукции!

Когда бываешь на выставках и любишь волнующей картиной, передающей с тончайшими нюансами рассвет на берегу реки или портрет героя, трудно догадаться, что в этом произведении искусства тоже заложена известная доля труда мясоконсервщиков. Художник отрабатывал свое полотно кистью, сделанной из длинных волосков, растущих в ушных раковинах крупного рогатого скота.

В громадном хозяйстве ничто не пропадает.

Однажды на комбинат приехал известный металлург. Познакомившись с производством, он воскликнул:

— До сих пор я думал, что нет ничего сложнее металлургии. Теперь я вижу, что глубоко заблуждался. Около восьмисот дифференцированных процессов! Такого обилия операций не знает, пожалуй, ни одна отрасль промышленности.

Орский мяскокомбинат известен не только потребителям гастрономии.

О нем знают и покупатели галантерейных товаров в Чкалове, Челябинске, Магнитогорске, в колхозах и совхозах Приуралья, где продается множество изделий из отходов производства Орского мяскоконсервного комбината.

Здесь есть что посмотреть и есть что показать.

И все же главный технолог Анатолий Рафаилович Кукуй повел меня вначале не в цехи и не на заводы, а в парк, раскинувшийся возле главного здания.

— Машины потом, — говорил он. — Машины — не фокус! Машины есть всюду. Их можно привезти куда угодно. А вот это, — и он показал на прекрасные аллеи, на молодой, аккуратно подстриженный кустарник, вытянувшийся у чугунных решеток садовой ограды, на цветущие клумбы, — вот это не привезешь, не положишь, не смонтируешь. Это надо вырастить. Вырастить в степи, где испокон веков считали невозможным выращивать цветы и деревья. Вот что дорого! Напоить воздух ароматом резеды и гвоздики, сделать так, чтобы люди по утрам вдыхали бодрящую свежесть акаций и кленов, — честное слово, это не менее важно, чем выиграть сражение в борьбе с браком или простоями оборудования...

Мне казалось, что передо мною не технолог, безмерно влюбленный в свою специальность, а естествоиспытатель, ботаник, растениевод, который всю свою жизнь только тем и занимается, что разводит сады и парки.

— Давайте посидим вот здесь, где до самой войны была свал-

ка, — сказал Кукуй. — В 1941 году, когда я приехал из Ленинграда, здесь была свалка. Сюда вывозили мусор со двора комбината. Сядем покурим, и я расскажу вам, как произошло это чудесное превращение.

Кукуй пригласил меня в беседку, обвитую со всех сторон густой растительностью. Вокруг круглого стола — выкрашенные белой краской садовые скамейки.

Орские мясоконсервщики начали разводить сады в первый год войны. Когда шли жестокие бои с врагом на полях Украины, Белоруссии, на подступах к Ленинграду, когда фашистские орды сжигали наши города и села, здесь, в южноуральских степях, рабочие и служащие мяскокомбината устраивали воскресники и субботники: выгребали мусор, очищали площадку, сажали и холили желтую акацию, тополь и клен. Это были дни, когда многие мужчины ушли на фронт, на комбинате оставались большей частью женщины и подростки, выпускавшие каждые сутки большое количество всевозможных мясных изделий. После напряженного трудового дня на производстве, невзирая на усталость, люди снимали свои белые халаты, надевали брезентовые спецовки и рукавицы, брали в руки скребки, лопаты, садовые лейки и шли на свалку, чтобы превратить ее в цветущий парк.

— А вот и наш главный садовод, — сказал Кукуй, заметив идущего по аллее человека. — Сейчас я его вам представлю.

К беседке приближался мужчина лет сорока в синем костюме, скорее похожий на врача или научного работника, чем на садовода.

— Прошу знакомиться: директор комбината Борис Петрович Яблоков, — отрекомендовал главный технолог.

— Почему же вы назвали его садоводом? — спросил я.

— Это все равно, — пояснил Кукуй. — У нас всегда так: директор по совместительству и главный садовод.

— Ничего не поделаешь, — улыбнулся Яблоков. — Такова традиция. Пошла эта традиция в первый год войны, когда директором здесь был Герасимов. Потом эстафету принял Малышев, ну а

затем по наследству передал ее мне. Хорошая традиция! Я совсем не собираюсь ее изменять...

Зелень — всеобщая любимица мясоконсервщиков. Когда мы вошли на территорию комбината, это еще больше бросилось в глаза. Заводской двор напоминал больше двор санатория, дома отдыха, больницы, чем двор промышленного предприятия. Главный ветеринарный врач Павел Васильевич Бронвицкий, присоединившийся к нашей экскурсии, с какой-то особой гордостью показывал на любовно устроенные арки над садовыми калитками, на которых из тонкой проволоки были сделаны надписи: «Сад консервного завода», «Сад колбасного завода», «Сад завода медицинских препаратов»...

Не только каждый завод, но почти каждый, пусть даже самый маленький, цех разбил возле своего корпуса парк, сад, палисадник, украсив его фонтанами, скульптурой. У электроцеха, у цеха железнодорожников, теплоэлектроцентрали — всюду свой зеленый уголок. Даже пожарники комбината и работники материального склада не пожелали отстать от своих товарищей — и они имеют свои сады. Они возили за двести километров, из Башкирии, саженцы и создавали питомники.

— Ну, а теперь, когда вы познакомились с нашими главными достопримечательностями, — сказал Кукуй, — можно показать вам и кусочек производства. Оно начинается вот там...

Мы прошли весь двор комбината по асфальтированным дорожкам, обсаженным с двух сторон молодыми деревцами, и очутились на открытой площадке. Здесь был конец азиатской части города. Отсюда начиналась степь, уходящая далеко-далеко, к границам Казахстана.

На зеленом ковре лужайки — громадное стадо коров с белыми пятнами на темени, кудрявые барашки с серой и черной шерстью. Они лениво ворочали головами и едва-едва касались мордами высокой травы, как бы нехотя срывая верхушки лепестков.

— Как дела, Калдагара? — спросил Кукуй плотного загорелого казаха с реденькой бородкой, с тубетейкой на голове, одетого в

оранжевый с черной полоской ватный халат, подпоясанный веревкой.

Это был старший чабан. Уже не первый год он пригоняет стада с берегов Каспия, из Актюбинска, из Башкирии на Орский комбинат.

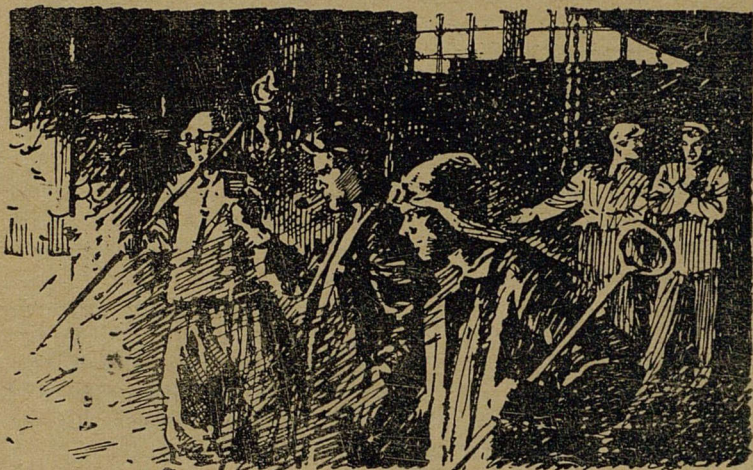
— Нагул хорош — дела хорош! — ответил Калдагара. — Смотри, товарищ начальник.

Скот был действительно хорошо упитан. Шкура крепко обтягивала обросшие мясом кости. Тощие коровенки и овцы, пропутешествовав несколько месяцев по сочным пастбищам, пришли к месту назначения тучными и жирными.

— Колбас хорош, консерв хорош будет, обижаться никто не будет, — игриво подмигнул чабан.

— Это наш главный поставщик сырья, — сказал Кукуй, кивнув в сторону чабана. — А теперь пройдемте в комбинат. Зелень — наша гордость, это верно. Мы все же немного и мясники. Скажу по секрету — производство свое мы тоже не обижаем...

СПОР С КЛАССИКАМИ

Иосифа Леонтьевича Рудницкого я нашел в небольшой комнате двухэтажного дома. Сразу видно было, что это кабинет разведчика недр. Широкий стеклянный шкаф, занимавший весь правый угол комнаты, до краев заполнен камнями всевозможных цветов и размеров. Камни всюду — и на подоконниках и на письменном столе. Здесь медные руды Еленовки, охристая руда Ново-Киевского района, марганец Аккермановки.

Геолог хранит в своей коллекции и максаевский конгломерат, и кунакскую огнеупорную глину, и дубиновский гипс, и множество других образцов, собранных за долгие годы пытливых исканий.

— Посмотрите на эту раковину, — сказал старый, совершенно

седой человек с худым бронзовым лицом. — Этой раковине по меньшей мере несколько сот миллионов лет.

И, прощупав руками кусок древней известковой породы, сохранивший форму раковины, как врач прощупывает тело больного, Рудницкий повторил, желая, видимо, подтвердить точность поставленного диагноза:

— Да, несколько сот миллионов лет... Значительно дольше, чем я живу в этих краях, — добавил он с улыбкой.

И геолог бережно положил камень в шкаф.

— Я живу здесь только двадцать лет. Попал сюда совершенно случайно. Я совсем не собирался ни жить, ни работать на Южном Урале. Многие годы я разведывал золото в Северо-Енисейском горном округе, в Сибири. Начал там свои поиски еще за три года до первой мировой войны. Собирался в Ойротию. Но не доехал. По просьбе одного днепропетровского профессора остановился в Халилове, где помещался тогда Оренбургский горный трест. Думал так: пробуду здесь полгода-год и отправлюсь в Ойротию. Но оренбургские степи настолько меня увлекли, что вот прошло уже двадцать весен, как говорят поэты, а я никак не могу расстаться с этими местами. Много исхожено, но далеко не все разведано. На мой век и тут работы хватит. В Ойротии так и не побывал. Да бог с ней! В конце концов, всего не узнаешь. В нашей стране столько земли, а в ней столько добра накопилось за миллионы столетий!.. Разве мыслимо исследовать ее одному человеку, которому отпущено природой всего несколько десятков лет жизни!

Халиловские геологи разведывали в те времена никель, хромит, магnezит.

Беспокойна и увлекательна жизнь геологов. Рано утром, как только наступает рассвет, они покидают свои палатки и уходят далеко в горы. Опытный глаз не пропустит ни одного камешка: не хранит ли он в себе какие-нибудь полезные ископаемые, которые можно поставить на службу родине? Халиловские следопыты усомнились в правильности геологической карты и решили проверить, не подвела ли природа ее составителей.

Природа оказалась коварной. Она хотела скрыть от людей свои богатства. Геологи поймали ее с поличным. Она хранила в недрах земли добротный железняк. Местами слой руды достигал трех с половиной метров. Драгоценная находка! Дальнейшие поиски показали, что месторождения простираются далеко-далеко, на сотни километров — от границ Башкирии через Урал в степи Казахстана. Запасы руды оказались настолько значительными, что над ними стоило призадуматься.

— Руда-то руда, — заметили некоторые специалисты, — но какая это руда — вот в чем вопрос. Руды всякие бывают.

Руды действительно бывают всякие. Но новые руды не внушали будто никаких сомнений. Лабораторные анализы дали самые хорошие результаты.

— Не помню где, — заметил Рудницкий, — но в какой-то пьесе один герой никому не делал ни добра, ни зла, но всюду, где только можно, сеял сомнения. С рудой тоже так произошло: нашлись «сеятели сомнений». Причем много таких «сеятелей» нашлось и среди опытных и среди начинающих металлургов. Многие утверждали, что в заводской обстановке эти руды не будут плавиться.

«Нет, будут», отвечали геологи.

«Нет, не будут», заявляли металлурги.

Много споров и дискуссий было на эту тему. Наконец решили, что споры ни к чему не приведут. Нужно проверить качество руды в заводской обстановке. Но как найти завод, который согласится провести этот эксперимент? Если руда не будет плавиться, домену «закозлят», и она выйдет из строя.

Долго искали такой завод. Никто не хотел рисковать жизнью домны. Наконец в Свердловске, в «Востокстали», нашлись добросердечные люди.

«Вот что, — сказали они. — В Верхней Туре мы останавливаем одну старую печушку. Если образуется «козел» — не жалко. Пробуйте!»

Первую плавку из новой руды на Верхне-Туринском заводе

поручили проводить одному профессору. Прежде чем приступить к этой плавке, профессор советовался с самыми именитыми металлургами страны. Советовался лично, по телефону, по телеграфу.

«Ну что ж, рискните, — говорили специалисты, — только будьте осторожны. Возьмите вначале процентов двадцать халиловской руды и примешайте ее к испытанным рудам. Будет все благополучно — можно добавить еще двадцать процентов, а там видно будет».

Печь загрузили, добавив к старой руде двадцать процентов новой. Шлак шел, как вода. Это первый признак того, что плавка идет нормально.

«Как же так? — недоумевали сомневающиеся. — А если взять пополам?»

«Можно и пополам. Даже больше».

На следующий день примешали сразу шестьдесят процентов халиловской руды. Шлак снова оказался жидким.

Тогда на третий день рискнули всю плавку полностью провести из новой руды. И на этот раз все кончилось благополучно. Шлак горячим потоком вышел из домны.

Профессор был очень взволнован и растерянно повторял:

«Во всех учебниках было сказано, что глиноземистые руды — тугоплавкие. Я всю жизнь учил так студентов. Теперь, на старости лет, я вынужден сознаться, что всю жизнь преподавал чепуху!»

Тем не менее сомневающиеся не унимались.

«Ну хорошо, — говорили они, — металл получился из халиловской руды. Но какова будет продукция из этого металла?»

Проверили и продукцию. Отличные рельсы, машины!

Тогда начали создавать рудник близ Халилова.

Потом было еще много недоразумений. Года через три с Липецкого завода, работавшего отчасти на халиловской руде, поступили тревожные сигналы: металл бракуют.

В чем дело?

Дело оказалось вот в чем.

Вначале, когда руду давали смешанную со всех пластов, все шло нормально. Потом, когда рудник стал отправлять в Липецк руду сперва с верхних пластов, а затем с нижних, действительно получилось плохо. Из верхних пластов, где руда имела незначительное содержание вредных примесей, вырабатывали хороший металл. Руды из средних и нижних пластов, где этих примесей гораздо больше, давали металл с браком. Вскоре этот секрет раскрыли, руду стали смешивать, и «сеятели сомнений» вновь вынуждены были уступить.

Халиловское месторождение оказалось далеко не единственным.

Разведали еще одно месторождение.

По запасам и компактности оно значительно превосходит все то, что было найдено раньше.

Наконец эти руды признали все авторитеты.

Да и как не признать этот чудесный сплав, из которого можно вырабатывать естественно легированный металл!

Легированный металл!.. Это металл особого качества. Он обладает сверхтвердостью, сверхпрочностью и исключительно высокой упругостью. Его применяют для строительства ферм железнодорожных мостов; из него изготовляют детали быстроходных машин и очень ответственных механизмов.

Легированный металл получают на многих наших металлургических заводах. Но это очень кропотливое, сложное дело. Чтобы получить металл такого высокого качества из обычной руды, к ней прибавляют известную долю никеля, кобальта, марганца, хрома, ванадия и ряд других элементов. Орско-халиловские руды легированы самой природой. В них содержатся все необходимые примеси в таком сочетании, которое нужно для производства некоторых сортов специальной стали. Металл, выплавленный из этих руд, не будет ржаветь, так как в нем есть хром, он будет исключительно твердым и прочным, потому что в нем имеется никель...

Рассказ Рудницкого о «сеятелях сомнений», потерпевших поражение, вызвал в памяти не менее интересную историю с никелевыми месторождениями.

Эту историю я слышал от одного из неумолимых разведчиков Южного Урала, лауреата Сталинской премии Михаила Антоновича Цибульчика.

Никелевая проблема, пожалуй, еще более любопытна. Она любопытна тем, что жизнь опровергла давным-давно сложившиеся взгляды на явления природы, разбила теории, считавшиеся классическими, опровергла то, что было принято считать незыблемым законом. Цибульчик затеял на первый взгляд безнадежный спор с классиками и вышел из этого спора победителем.

Двадцать лет назад геологи натолкнулись в Халиловском районе на своеобразные силикатные никелевые руды, залегающие в отсутствии известняка. По сложившимся понятиям и научным данным, руды с достаточным содержанием никеля, годные для нормальной, так называемой пирометаллургической плавки, могут быть только в контакте с известняком. Отсутствие известняка — верный признак бедности породы ценнейшим металлом. Четыре года эти руды изучались, разведывались. Вывод был один: руды в Халиловском районе много, но она крайне убогая.

Производство металла из этих руд связано с большими трудностями и колоссальными затратами. Руду надо обрабатывать гидрOMETаллургическим путем. Варварский способ с точки зрения экономики! На тонну никеля требуются десятки тонн серной кислоты. Но что делать? Стране очень нужен никель — это было в годы первой сталинской пятилетки, — и решили использовать и такое не столь щедрое даяние природы. В 1933 году правительство постановило строить в Халилове никелевый завод.

Молодой геолог Цибульчик чувствовал себя как бы повинным в этом деле. «Неужели в здешних местах нет более выгодных и богатых никелевых руд?» думал он. Пылкому, пытливому разведчику трудно было примириться с такой мыслью. Он отправился на

поиски в другое место. Дошли слухи, что там тоже найдены никелевые руды.

Руду действительно нашли, но такую же убогую, как и в Халилове. Здесь тоже не было известняков. Искать дальше? Напрасная затея. Видимо, теория о том, что непременными спутниками богатых руд являются известняки, верна и нерушима во всех случаях жизни.

Остается одно — сдаться. Но сдаваться Цибульчик не хотел. Он перечитал много книг, изучил все геологические карты и решил, что сложить оружие никогда не поздно. Есть смысл продолжить поиски в этом районе. Геологический трест отказался взять на себя ответственность за расходы, связанные с фантастическими предположениями любознательного геолога. Настаивать? Требовать? Но как можно требовать, когда душа полна сомнений и нет твердой гарантии в успехе! А вдруг и в самом деле ничего не выйдет и деньги будут затрачены напрасно?

Через несколько дней в Москве, в приемной начальника «Главгеологии» академика Губкина, видели бледного худого блондина. Он с нетерпением ждал вызова к академику.

Мозг неотступно сверлила мысль о никеле, известняке. В воображении вставали горы, непокорные горы, не желавшие выдать на поверхность полновесные руды. Волновало и другое: как оправдать перед самим Губкиным свое настойчивое желание продолжать поиски там, где нечего искать по данным геологической науки?

Наконец мягкий женский голос пригласил геолога в кабинет.

— Что надобно молодому человеку? — ласково спросил академик и, слегка приподнявшись с кресла, протянул Цибульчику руку. — Гм... Так... — покачал головой Губкин, внимательно выслушав посетителя. — Сколько же денег просит молодой человек?

— Девяносто тысяч, — с волнением ответил Цибульчик, опасаясь, как бы цифра эта не показалась чрезмерно большой.

— Только и всего? — облегченно вздохнул академик. — А я-то думал — миллион, судя по вашему длинному предисловию. Ну что ж! — обратился он к присутствовавшему при разговоре началь-

нику финансовой части. — Выдайте молодому человеку девяносто тысяч. Кое-какие основания для эксперимента у него есть... Желаю успеха, молодой человек! Прошу ставить меня в известность о дальнейшем ходе событий.

Доверие Губкина открыли геолога. Двое суток пути из Москвы в Орск казались ему целым годом. Никогда в жизни день не был таким длинным, как теперь. Короткая майская ночь в поезде тянулась бесконечно.

Возвратившись на Южный Урал, Цибульчик собрал группу молодежи, достаточно пылкой и одержимой, чтобы всей душой отдаться новым поискам. Вскоре экспедиция энтузиастов выехала на поиски руды с новыми надеждами. С какой жадностью молодежь лазила по горам и собирала куски породы! Разведчики искали гарниерит — носителя богатых залежей никеля. Воображению молодежи рисовались блестящие перспективы. Она видела уже где-то в районе Орска огромный никелевый комбинат, железнодорожные пути, забитые несметными составами руды, из которой нормальным пирометаллургическим способом добывают ценнейший металл.

Консультанты часто охлаждали пыл разведчиков и их руководителя.

«Щекотливое дело затеял, Михаил Антонович, темное дело, — говорили они. — Ищешь богатый никель в местах, где его не может быть. Чудишь, Михаил Антонович! Искал бы лучше контактные руды с известняками».

Как ни сильна была вера в успех, но сомнения все же одолевали Цибульчика. Лето уже на исходе, а гарниерита найти не удалось. Оставив экспедицию под начальством гидрогеолога Полячкова, Цибульчик выехал в Халилово, Айдырлю, Уфалей. В Уфалее он получает телеграмму: «Все блестяще подтвердилось. Гарниерит найден. Его очень много».

— Я, конечно, тотчас вернулся к своим, — рассказывал Цибульчик. — Все оказалось правильно. На новом месторождении в отсутствии известняков были найдены богатые никелевые руды.

— Что же потом?

— Потом все было сравнительно просто. Во время разведок мы выявили значительные запасы. Я поехал в Москву с докладом о результатах изысканий. Строительство завода в Халилове приостановили. На базе новых месторождений начали строить в Орске Южно-Уральский никелевый комбинат.

Через год геолог Иосиф Леонтьевич Рудницкий, который много сил положил на поиски железной руды, разведал еще одно никелевое месторождение.

Цибульчик распахнул дверь и вышел на крыльцо. Огромные здания никелевого комбината были освещены тысячами огней. Из высоких труб клубились тучи серо-бурого дыма.

— Вот, видите, работает, — сказал геолог. — Уже десять лет работает, и много, много лет ему предстоит работать впереди...

И в тоне, каким были сказаны эти слова, чувствовалась радость человека, вложившего в это предприятие цветной металлургии и частицу своего сердца, своего труда.

* * *

Вечером Рудницкий пригласил меня к себе домой.

Когда я переступил порог квартиры, трудно было сразу сообразить, куда я попал: в геологический музей, в склад горного инвентаря, в переплетную мастерскую, в научную библиотеку? Нет, вернее всего — это обычное жилье, но жилье человека, одержимого страстью к ископаемым, человека, который среди этого хаоса камней и книг предается глубоким размышлениям о несметных богатствах природы.

Камни и книги! Книги и камни!..

Все углы завалены камнями. Кальцит, известняк, кварц, никелевая, железная руда. Рядом с грудями камней всевозможных пород, величины и цветов — два переплетных пресса. На тумбочке — стопка книг (почти до самого потолка), подготовленных к переплету. Между прочим, Рудницкий — замечательный переплетчик. У две-

рей — кайла, лопата, шпунты, молотки и множество других горных инструментов.

Книжные полки доотказа забиты хорошими изданиями, главным образом по философии и естествознанию. Вот сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, книги Герцена, Белинского, Чернышевского, Льва Толстого. Рядом — толстые томы: «Глина», «Каолин», «Спутник геохимика и геолога», академическое издание Лукреция «О природе вещей».

Когда Рудницкий получил Сталинскую премию, он провел отпуск в Ленинграде. Целыми днями он бродил по магазинам знакомых букинистов в поисках необходимых ему книг. Долго он искал полные собрания сочинений классиков и нашел их все-таки в каком-то магазине на Литейном проспекте. С большой радостью Рудницкий перетащил эти книги с берегов Невы в оренбургскую степь.

Книги и камни — в этом вся жизнь самого старого геолога Орско-Халиловского района.

Рудницкому шестьдесят лет. Но он с юношеской энергией продолжает свою беспокойную жизнь исследователя природы. Он бродит по горам, ложбинкам, равнинам, курганам с неизменным спутником — молоточком и мешком за плечами, собирая камешки, по которым он, как по книге, читает жизнь земли, ее историю, настоящее и будущее...

* * *

Рудницкий предложил мне поехать на одно из новых рудных месторождений.

Ехать пришлось несколько часов.

У подножья восточного склона высоких гор геолог остановил машину.

— Смотрите! — сказал он.

Мы подошли к небольшой возвышенности, изрытой кайлами и отбойными молотками, и увидели одиннадцатиметровую толщу ру-

ды. Это была сильно железистая глинистая масса или ржавая железистая земля, напоминающая грубый порошок.

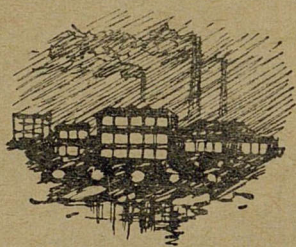
На возвышенности вокруг глубокой ямы лежали кучки желтого песка.

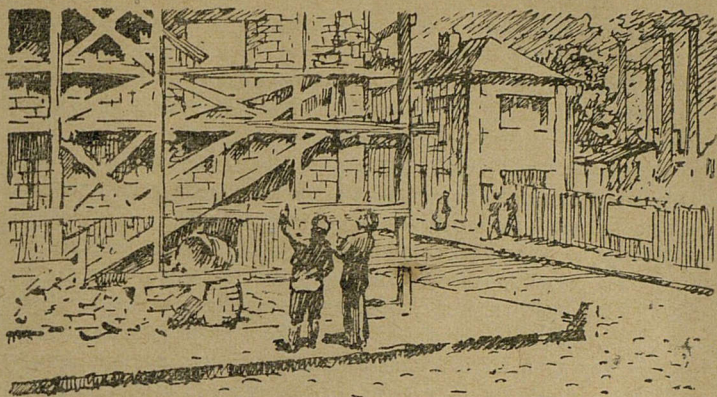
— Давайте посчитаем, — сказал Рудницкий.

Посчитали. Их было сорок четыре.

— Сорок четыре кучки означают, что шурфами пройдено сорок четыре метра руды, — пояснил геолог. — Каждая кучка — метр, но в этом месте не пересекли всей толщи руды. Можно полагать, что руда залегает здесь метров на шестьдесят-семьдесят. Мы стоим с вами на месторождении, о котором я вам уже говорил. Рядом — великолепный известняк. Он уходит на глубину до трехсот метров. Редко, очень редко природа так щедро одаряет человека своими благами.

Старый геолог стоял на кургане и прищуренными глазами с восторгом смотрел вперед. Легкий ветерок играл его седыми, спадавшими на лоб волосами. Бронзовое лицо блестело на солнце, как отполированный металл...

«ВОТ ТЕБЕ И СТЕПЬ!..»

Я встречался в Орске с людьми самых различных профессий, возрастов, с людьми, приехавшими сюда из самых различных областей, краев и республик Советского Союза. Беседовал с москвичами, ленинградцами, белоруссами, украинцами, грузинами, татарами. Это были слесари и механики, инженеры и учителя, врачи и актеры, геологи и бетонщики, советские и партийные работники. Все это разные люди по своему общественному положению, культурному уровню, образованию, но всех их роднит одно: любовь к новому городу, строительству которого они отдали лучшие годы своей жизни.

Часто приходилось слышать имя каменщика Андрея Петровича Козлова. О нем говорили в исполкоме горсовета, в управлении

городского архитектора, его имя называл секретарь городского комитета партии.

— Андрей Петрович Козлов, — говорил он, — один из тех, кто... Впрочем, сами увидите. Очень, очень советую вам с ним познакомиться.

Скоро это знакомство состоялось. Произошло оно случайно. Однажды я вышел из гостиницы в старом городе, перешел деревянный мост через Урал и очутился в небольшой роще.

Дорога по роще идет зигзагами, точно так же как вьется и сам Урал. За рощей — широкие поляны, сплошь покрытые белыми цветами зреющего картофеля. В жизни орчан сельское хозяйство занимает далеко не последнее место. Все, начиная с секретарей горкома партии и кончая уборщицами сберкассы, холят и лелеют свои огороды и бахчи. Осенью весь город завален дынями, арбузами, сочными, как крымские груши, и сладкими, как сахар. О своих чудесных арбузах строители нового промышленного центра рассказывают очень аппетитно и вкусно, словно заправские бахчеводы.

Когда я вышел из рощи, то увидел множество больших зданий с громадным количеством оконных переплетов и десятками высоченных труб, из которых валил черный, серый и даже, казалось временами, голубой и желтый дым. Их было столько, этих труб, что даже потомственные орчане напрягали иногда память, чтобы определить, какому же предприятию та или иная труба принадлежит.

Я свернул на улицу из новых двухэтажных каменных домов, огороженных заборами, палисадниками. В глубине дворов стояли еще бараки, мазанки — первое жилье строителей. За холмом на голой равнине раскинулся поселок индивидуальных домиков с небольшими усадьбами. От теплоэлектростанции во все стороны по долинам и курганам на громадных стальных фермах тянулась линия высоковольтных передач.

У полотна железной дороги — высокие горы использованной руды. Выбитый из ковше^й шлак застыл громадными шапками,

могущими с лихвой накрыть стоведерные бочки. Это отходы никелевого производства. Ведь так ничтожно мало никеля в руде, даже богатой металлом!

У большого трехэтажного здания с широкими окнами я увидел человека. Он весь был серый. Кепка, брюки, парусиновый пиджачок, ботинки — все слилось в единый цвет. Лицо тоже было покрыто серой пылью. Видно, человек только что кончил свою работу.

Он стоял на асфальтированном тротуаре, смотрел на свежевыкрашенные желтые стены трехэтажного дома с белыми полосками вокруг окон и на карнизах дверей и о чем-то сосредоточенно думал. По выражению глаз, устремленных в одну точку, чувствовалось, что дом этот навеял на него какие-то приятные воспоминания.

— Вы о чем мечтаете? — спросил я осторожно, чтобы не оказаться назойливым и нескромным.

Человек повернулся ко мне лицом, поправил правой рукой сдвинувшуюся на затылок старенькую кепку и, приветливо улыбнувшись, сказал:

— Как вам сказать, о чем мечтаю?.. Ну, о чем мечтаю? — повторил он еще раз, стараясь поточнее ответить на этот вопрос. И, не найдя, видимо, подходящих слов, продолжал: — Не то чтобы мечта какая, а так просто... встреча старых друзей, что ли... Пожалуй, вернее будет... Очень, знаете, интересно! Гляжу на эту школу и вижу вместо нее кусок голой земли. А подниму голову, окину глазом все три этажа — и столько знакомых вижу!.. Вон тот кирпичик, что у подоконника, вон этот, что над парадной дверью, да и вот те, и вон эти — все в моих руках перебивали. Со стороны, может, и смешно — стоит человек и с кирпичами разговаривает. А если вдуматься, ничего смешного тут нет. Вчера Маруся — дочь моя старшая — пришла домой и аттестат зрелости принесла из этой самой школы. Выходит, для своих детей своими руками школу построил. У меня еще трое здесь учатся: Зина — в пятом, Николай — в третьем, Люба — в первом. Скоро Витя и Женья

подрастут, и для них место найдется. Мне не довелось, так пусть уж ребята пользуются...

Мой случайный собеседник, построивший для своих детей своими руками школу, и оказался известным в Орске каменщиком Козловым.

Андрей Петрович Козлов родом из Тамбовской области. Его родная деревня Александровка испокон веков славится мастерами по укладке кирпичей. В старое время, еще при царизме, крестьяне летом занимались сельским хозяйством, а зимою александровские каменщики уходили на отхожий промысел в города. Больше всего приходилось в те времена строить амбары и лабазы для купцов да иногда еще винные заводы. Отец и дед Андрея Петровича тоже с малых лет уходили на заработки из родного дома. Но только ни деду, ни отцу не пришлось для своих детей гимназии строить.

В свои юные годы и Андрей Козлов уходил на зиму в Тамбов вместе с артелью односельчан. Он таскал кирпичи, подносил песок, глину.

Много странствовал Козлов по Советскому Союзу. Следы его труда есть и в корпусах Тулинской суконной фабрики и химических заводов в Поволжье. Когда благоустривался Донецкий угольный бассейн, создавались новые города и поселки, и там тамбовский каменщик возводил дома для шахтеров.

И где только он не был! Строители вообще ведут большей частью кочевой образ жизни. Им некогда задерживаться на одном месте. Едва закончат одну стройку, их умелых рук ждут уже на другой.

После Донбасса Андрея Петровича встречали в Гурьеве на Каспийском море. Здесь много рыбы, и в годы первой сталинской пятилетки пришлось строить рыбоконсервный комбинат.

Глубоко под землей на протяжении сотен километров прокладываются трубопроводы. По трубам этим идет нефть с берегов Каспия в глубь страны. На линии нефтепровода в ста — ста двадцати километрах друг от друга стоят станции для перекачки

нефти. Такие станции создавал и Козлов. По всей трассе перебирался он со своим инструментом с одной станции на другую, пока не дошел до того места, где стояли громадные баки, принявшие «черное золото», чтобы передать его на нефтеперерабатывающие заводы.

В Орск Андрей Петрович приехал в те дни, когда рядом со старым, захолустным городком по другую сторону Урала начинали рыть фундаменты для строительства первых корпусов нового, индустриального города. Это было в 1934 году. И с тех пор Козлов никуда больше не уезжал. Ему понравились здешние места, и он не пожелал с ними расстаться.

— А в Орске произошла у меня такая оказия... — говорит Козлов.

Мы вошли во двор школы, огороженной чугунной решеткой, и сели на скамейку. Козлов вынул из кармана пачку папирос, закурил и поведал мне, какая «оказия» с ним произошла:

— Ну, как я сюда попал? Когда мы еще нефтепровод с Каспия заканчивали, слышал я, что в Орске стройка большая будет. И не то что большая, а прегромадная даже. Как же, думаю, такая стройка — и без меня? Интересно было поглядеть, что это за Орск. Поехал я сюда. Приезжаю, а смотреть-то не на что. На азиатской стороне, за Уралом, стоят домишки старенькие, а тут, в Европе, куда нас доставили, — одна степь. Знаете, как в песне поется: «Степь да степь кругом...» Смотрю, неподалеку канавы какие-то вырыли, люди в них копаются. «Что такое?» спрашиваю. Мужчина с усами — видать, десятник — отвечает: «Как — что? Никель, — говорит, — строим». Я заинтересовался: «Какой такой никель?» — «Да вот, — отвечает, — металл такой ценный в земле нашли, перерабатывать будут». Дело, гляжу, нешуточное. Площадку разрыли большую, широкую — на такой площадке всякому поработать лестно. Так и остался в Орске. Никуда отсюда не поеду. На мой век и здесь дела хватит, да и детям моим останется...

Козлов — старейший орский строитель. Кирпичи, уложенные его

руками, поддерживают своды гигантских цехов многих заводов, вырабатывающих металл и прокат, сельскохозяйственные машины. Когда орчане смотрят спектакль в Доме культуры, обедают в столовой, приводят своих детей в детский сад, бреются в парикмахерской на главной улице нового города, они знают: в каждом из этих зданий какой-нибудь этаж, стена или угол сделаны руками Андрея Петровича Козлова.

— А теперь чем занимаетесь? — спросил я, когда собеседник закончил свой рассказ.

— Теперь улицу Строителей заканчиваем. Есть у нас такая... Ничего будет улица, — добавил Козлов после паузы, прикинув в уме, как она будет выглядеть, эта улица, не слишком ли он ее перехваливает раньше времени. — Ничего будет улица... Давайте пройдем, тут близко...

По шпалам трамвайной линии мы вышли на широкую магистраль. Рядом с асфальтированными дорожками — груды кирпича, конгломерата. Левая сторона уже почти сплошь застроена новыми двухэтажными каменными домами. Правая пестрит еще кое-где приземистыми мазанками с плоскими крышами.

— Не так давно, — заметил мой спутник, — такие «особняки» считались у нас высшим сортом «А». Нынче на слом идут, чтобы виду не портили. А что столько рытвин и ухабов, щебня да камня навалено дай бог здоровья — так без этого нельзя. Скоро, скоро вся улица в ниточку вытянется, асфальтом покроется и по обочинам тротуаров тополя или акации посажены будут... Очень интересно, — продолжал он мечтательно, — очень любопытно следить, как день ото дня в гору идем...

Мы прошли улицу Строителей и приближались к корпусам завода сельскохозяйственного машиностроения. У одного из домов Козлов остановился, осмотрел его сверху донизу и, почесав за ухом, бросил взгляд на водосточную трубу.

— Тоже узнали старого знакомого?

— Да они все тут мне знакомы, не в этом дело. Я думаю вот о чем: этот дом мы вчетвером за пять дней сложили или сосед-

ний? Уж и забывать стал. Дома-то все одинаковые. По двадцать тысяч кирпичей бывало укладывал за смену... Вроде этот и есть...

И Козлов пошел дальше широким, степенным шагом, заложив руки за спину, как идет хозяин по своему собственному двору, где все принадлежит ему.

— Ну, пора мне в свою усадьбу, на свою дачу, так сказать, — добавил каменщик с улыбкой. — Обзавелся домиком. Тут у нас есть целый индивидуальный поселок, как его называют. Каждый рабочий или служащий может получить в рассрочку такой домик из двух-трех комнат, с надворными постройками. И я тоже решил стать таким «индивидуалистом». Просторно, хорошо!.. Да, чуть не забыл. Хотел ведь я посмотреть, как подсобная бригада мне рабочее место на завтра готовит.

Неподалеку стояло два недостроенных дома. На одном из них стены выложены были в один этаж, начиналась кладка второго.

Несколько рослых парней подвозили на тележках по деревянному помосту на второй этаж конгломерат — строительный камень, заменяющий кирпич.

— Давай, давай, ребята! — звонко крикнул Козлов. — Клади погуще!

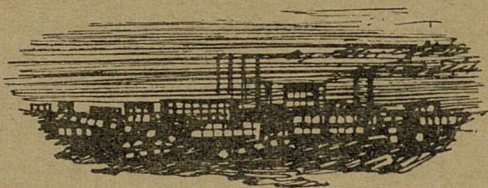
— Уж мы, Андрей Петрович, не подведем, — ответил парень в гимнастерке. — Тебе бы только управиться!

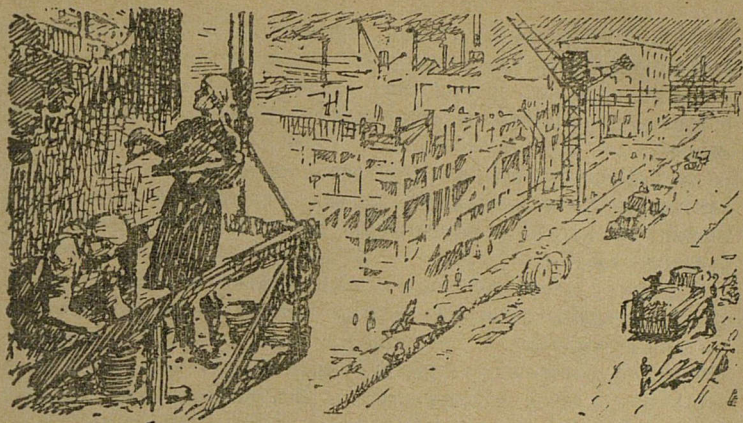
— За меня пусть у вас голова не болит, — заметил Козлов. — А только, если конгломерата нехватит мне на всю смену, я за вас краснеть не стану...

Наступал вечер. Последние лучи солнца, скользнув по вершине древнего кургана, окрашивали небо в красновато-оранжевый цвет. Приближались сумерки, отвоевывая все больше и больше пространства у затухающего дня.

Вдали замелькали первые огни. Это включили рубильники на мясокомбинате. Потом, словно по команде, тысячи лампочек осветили заводы, дома, улицы, школы.

— Увидишь вокруг себя столько света, на душе веселее становится, — сказал Козлов. — Особенно когда знаешь, что тут было всего только полтора десятка лет назад. Как в песне поется: «Степь да степь кругом», только и всего. А теперь посмотришь — все в огнях, в электричестве. И опять вспомнишь песню «Степь да степь кругом...» Вот тебе и степь!..

ДЕНЬ НА НОВОСТРОЙКЕ

Степь отступает

...«Эмка» вырвалась на ровную дорогу по гребню горы и стала спускаться вниз. На равнине снова мелькают очертания улиц, цехов... Последние кирпичи укладывают на пятиэтажном сооружении... Видны стальные конструкции, одетые лесами... Рядом с выстроенным зданием вырыт котлован для другого, и люди в брезентовых куртках заливают фундамент бетоном.

В стороне на плоскогорье — поселок.

— С виду вроде кто накидал в кучу эти домишки, — заметил шофер. — А вы посмотрите на них внимательно...

И действительно, как только начинаешь пристально осматривать этот поселок, небрежно разбросанные по зеленому полю постройки вдруг вытягиваются прямой ниточкой. Можно угадать в будущем прямые улицы и даже аллеи между стройными рядами новых домов.

Новый индустриальный уголок занимает территорию в несколько километров. И сегодня заметно уже, как степь отступает перед строителями. На пути — железобетонные склады с оборудованием для будущих заводов.

Лебедки с тяжелым скрипом поднимают на крышу многоэтажного здания из красного кирпича стальные фермы. Оседлав железными когтями высокий столб, электромонтер тянет провода высоковольтной линии к строящимся механическим мастерским. Тучи пыли оставляют за собой грузовые машины. Они развозят глину, лес, железо.

Широки степные дороги, но не надолго. Скоро, скоро здесь вырастут промышленные предприятия, жилые кварталы, по рельсам днем и ночью будут грохотать тяжеловесные поезда.

* * *

Рано начинается трудовой день на новостройке. Вместе с восходом солнца покидают свои общежития и квартиры молодые парни и девушки, женщины, почтенные старики. Они спешат на участки, где их ждут коробки новых домов, разобранные механизмы. Вот идет в промасленной парусиновой тужурке седоусый человек с гаечным ключом в руках, молотком и плоскогубцами в отвисшем кармане. За ним шагает коренастый, широкоплечий мужчина в забрызганной известью солдатской фуражке с красным околышем. Из ворот учебного городка высыпала на улицу веселая компания «ремесленников» — юных кузнецов, электросварщиков. Широко раскрылись двери подъездов в двухэтажном каменном здании, и девушки в разноцветных повязках на головах разбрелись во все стороны, каждая на свое место.

Работы хватит для всех — для каменщиков и плотников, слесарей и электриков, бетонщиков и монтажников, геологов и инженеров.

Ознакомиться с новостройкой мне помог главный диспетчер строительного треста Валентин Петрович Ярославцев. Это москвич, приехавший сюда в первые годы войны, когда в голой степи начала кипеть шумная, большая жизнь. Поселился Ярославцев в жестком вагоне, стоявшем в тупике железнодорожной ветки. Этот вагон называли в шутку гостиницей «Москва», а место в четырехместном купе — «люксом». В таком «люксе» и жил главный диспетчер Ярославцев. О больших удобствах никто тогда и не мечтал.

Летом — нестерпимая жара. Зимой все заметало снегом. Жесткие южноуральские ветры сквозь многочисленные щели имели свободный доступ в жилье. По обледенелым тропинкам с коромыслами на плечах проходили длинные вереницы женщин к единственному колодцу.

Громадная территория изрыта канавами, завалена щебнем, кирпичом, металлоконструкциями, раскалена горячим солнцем. По Цельсию — до пятидесяти градусов! Люди будто не чувствуют палящего зноя — до того они увлечены своим делом. Среди песка и камней, опустившись на одно колено, женщина отбирает булыжник для строящейся дороги на первых улицах нового поселка. Часто смахивает она рукавом выступающие на лбу и щеках капли пота, но продолжает ритмично и быстро подавать тяжелые камни своим подругам, которые вколачивают их молотками в будущее шоссе. Чуть в стороне бурлит в чанах расплавленный асфальт, наполняя воздух каким-то горьковатым на вкус, едким запахом. Прокопченный дымом мужчина в брезентовых рукавицах разглаживает горячую массу деревянной дощечкой — все шире и шире вырисовывается красивая линия тротуара. Девушки в подтянутых канатах люльках бойко покрывают штукатуркой стены домов. Молодые парни в резиновых сапогах прокладывают в мокрых канавах водопроводные трубы.

— Так вот и преобразается степь, — говорит Ярославцев. — Пришли люди, взяли в руки молотки, лопаты, скрепки, и все становится иным...

Неподалеку от улицы одноэтажных домов, огороженных железными решетками и молодыми садами, стоит десятка полтора хибарок. Они уходят глубоко в землю. На поверхности только деревянные крыши с низкими трубами и маленькие-маленькие окошки, величиной в лист писчей бумаги. Лет пять-шесть назад такие землянки считались первоклассным жильем.

Теперь некоторые землянки тоже еще пока заселены. Но люди чувствуют себя здесь временными жильцами.

Они видят вновь заложенные фундаменты больших каменных домов и знают: недалек час, когда и они переедут на новые квартиры.

Часто по пыльной дороге едут полутонны с комодами и детскими колясками, корытами и ведрами; кудахчут куры в плетеных корзинках, визжат поросята в завязанном мешке; за машиной быстро бегут овчарка и пушистый мохнатый сибирский кот — рабочие перебираются на новоселье. Покинутые землянки с выбитыми стеклами и сорванными петлями на дверях никого не интересуют.

* * *

Строить в здешних местах и легко и трудно. Легко потому, что земные недра богаты всевозможными ископаемыми. Где-то совсем близко можно до бесконечности черпать песок и бутовый камень, гипс и асбест. Будто предвидя гигантскую стройку, природа заготовила неподалеку отсюда сланцы для кровли, конгломерат, который при умелом использовании с успехом заменяет кирпич. Трудно потому, что столь щедрая природа доставляет порой и много неприятностей. Как жестоко подчас она обращается с людьми! Наступит весна, разольется беспокойный Урал, и надолго скроются под водой нужные строителям материалы. Без песка строить невозможно. Надев брезентовые спецовки, чуть ли не

костюмы водолазов, люди добывают песок землесосами со дна реки.

Паводок сносит нередко железнодорожные пути. Надо вновь и вновь перекидывать шпалы и рельсы, чтобы доставить на строительную площадку все эти материалы, которые много веков хранит в своих кладовых неистощимая земля.

Многое есть, но многого и нехватает. Нужны целые эшелоны цемента и стекла. Нужны водопроводные и канализационные трубы, чугунное, алюминиевое, бронзовое, стальное литье. Самое важное — это лес. В оренбургских степях его нет. А что можно сделать без леса, если ни одно сооружение из стали, железа, бетона все равно не может обойтись без бревен и досок! Каждый затраченный на строительство миллион рублей требует тысячу кубометров леса.

Откуда же взять такую массу древесины?

За тысячу километров от новостройки, в Свердловской области, в дремучем лесу взрывают столетние сосны, дубы и ели и строят поселок для лесорубов: жилые дома, столовые, бани, магазины, хлебопекарни. На зыбкой болотной почве кладут высокие насыпи железнодорожного полотна. Мощные локомотивы доставляют сюда платформы, чтобы вывозить лес на Южный Урал.

— Хотелось бы показать вам нашу подсобную базу, — сказал Ярославцев. — Это, может быть, и скучно, но база эта определяет биение пульса стройки.

Целый промышленный городок!

По ширококолейным и узкоколейным дорогам сюда доставляют бесформенные глыбы камней, которые после обработки приобретают вид ступеней для лестниц. Достаточно нажать кнопку, включить мотор механической пилы, и толстое бревно превратится в штабель широких досок. Еще несколько минут, и доски разлетятся на аккуратные узкие планочки. Из них плотники сбивают рамы для оконных переплетов. Глина смешивается с водой, и изпод тяжелых прессов плывут по конвейеру серые мокрые кирпичи.

Они высохнут и станут красными, как только побывают в раскаленных печах. Куски битого кирпича, зола и шлак, попадая в огромные барабаны, перемалываются в порошок, и получается так называемая цементка, заменяющая во многих случаях натуральный цемент.

К белым и серым башням подаются известь, алебастр, песок, а оттуда льется в вагонетки готовый бетон.

И все это — кирпич и бетон, оконные рамы и доски — увозят за три, пять, семь километров, увозят туда, где создаются заводы и цехи, где строятся дома, клубы, школы.

До позднего вечера мы бродили с Ярославцевым по строительной площадке, если можно назвать площадкой территорию, во все стороны далеко уходящую за горизонт. Мой спутник с особым удовольствием рассказывал о вещах, которые помогают работать быстрее, лучше.

— Посмотрите на эти верстаки. Простая вещь! Но все гениальное просто — старая истина. Не зря у нас говорят, что Петр Губин работает не только руками, но и головой. Додумался человек, как в два раза скорее сбивать щиты для опалубок, и теперь губинские верстаки вы найдете в любой бригаде плотников... А это? Новинка техники: своды двойкой кривизны... Что это значит? Экономия леса. А лес — наше самое больное место.

Мы подошли к башне высотой метров в шестьдесят. Железный висячий мостик по мере надобности поднимался все выше и выше.

— Это последнее новшество — подвижная опалубка, — сказал Ярославцев. — Ее отлично используют при бетонировании зданий. Но наши мастера приспособили ее и для постройки железобетонной стометровой трубы...

Каждый строитель — будь то сибирский плотник Петр Губин, киевский инженер Исаак Гимельфарб, казахский бетонщик Куспан Тургенбаев — стремится внести свою долю изобретательности, инициативы, чтобы скорее вырос в приуральской степи новый индустриальный район.

Однажды ночью

— ...Ну, о чем толковать! Народ у нас чудесный, замечательный народ!..

Было уже далеко за полночь. Часовая стрелка приближалась к трем, но заместитель главного инженера строительного треста Эйфе с таким жаром продолжал говорить о людях, что его можно было слушать без конца. Каждый рассказ — это поэма о человеке, для которого труд не простая необходимость в жизни, а сама жизнь, беспокойная, творческая жизнь.

Эйфе, видимо, знал этих людей не только по совместной работе в Киеве, в Сибири и здесь, на Южном Урале. Он умел видеть их, что называется, изнутри, понимал их душу, душу их профессии. И, несмотря на поздний час, усталость, слипавшиеся веки, не хотелось расставаться с ним. Редко кто умеет так увлечь беседой.

— ...Теперь о Копейке. Не о деньгах, а о Копейке с большой буквы. Копейка Андрей Прокофьевич. Вы встречали, вероятно, на строительстве одного большого корпуса прораба Копейку. Могучий такой мужчина! Он может поднять и поставить бревно, которое неспособны осилить пять человек. Сошла с рельсов вагонетка с бетоном — прораб подходит к ней, чуть-чуть приседает на колени и, упершись плечом в железный кузов, водворяет вагонетку на место. Но не в этом дело, конечно. Это так, между прочим. Итак, Копейка. Поразительная фамилия, не правда ли? Говорят, что фамилия в какой-то степени определяет сущность человека. Но до чего эта фамилия не соответствует действительности! Этому Копейке цены нет! В переводе на любую валюту. Я знаю Копейку давно — лет девять. Пришел он к нам на Украине, в Киеве, подсобником, как мы называем, чернорабочим. Хмурый был, помню, парень, поражавший всех нас физической силой. Он исправно таскал кирпичи, подавал гранитные плиты для облицовки зданий — одним словом, незаменимый помощник. Человек этот был малограмотным. Никому из нас тогда и не снилось, что через несколько

лет Копейка, не имея специального образования, займет должность инженера, будет командовать целым строительным участком. Что произошло с Копейкой? Началось с того, что он взял в руки топор и пошел на выучку к плотнику. Сперва он обтесывал бревна не совсем ладно, и гвозди у него гнулись. Но прошел год, даже меньше — и он стал одним из лучших опалубщиков. Никто скорее его не мог укладывать стропила для крыш. В голенище сапога появились книжки по строительному делу, чертежи. В обеденный перерыв бывало сядет где-нибудь в сторонке — на пенек или на камень, вытянет из голенища «Спутник плотника» и читает, пока не звякнут палкой о лист кровельного железа — сигнал, что обеденный перерыв окончен. По движениям губ и капелькам пота, выступавшим на его лице, видно было, что с трудом ему удастся одолевать и эту несложную литературу. Вскоре Копейка заметно повысился в цене — так шутили наши строители. Когда во время войны нас из Киева эвакуировали в Сибирь и на маленьком полустанке за несколько месяцев надо было поставить военный завод, Копейка стал бригадиром. И сюда он приехал бригадиром. Невозможно передать словами полудетское выражение лица этого здоровяка, когда он сидел на школьной парте вечерами после работы и изучал математику на курсах мастеров. Как пристально следил он за движением руки преподавателя, показывавшего на доске решение какой-нибудь задачи! Завернутые в газету тетрадки — каждая в отдельности; книжки, бережно упакованные в коленкоровую папку. Во всем этом было такое, я бы сказал, завидное благоговение к знаниям! «С наукой надо на «вы» обращаться, — говорил он. — Уважать надо людей, которые всякие умные вещи пишут». Прежде чем взять книжку, он мыл руки и никогда не слюнявил пальцы, чтобы перевернуть страницу. По ночам Копейка долго сидел за математикой, изучал чертежи, строительное дело. Его назначили мастером. Прежде всех на рассвете появлялся он на участке, чтобы подготовить рабочее место для своих бригад. И теперь, будучи прорабом, он не изменяет своей привычке — первым приходит на работу. Книжки и по сей день сопутствуют ему. Только более тол-

стые, более солидные книжки. Он носит их уже не в голенище и не в коленкоровой папке, а в хорошем кожаном портфеле. А вагонетку с бетоном, если она сойдет с рельсов, он и теперь может водворить на место одним плечом. Вот какой у нас Копейка! Несправедливая фамилия у этого человека, — бросил в заключение Эйфе и, улыбнувшись, стряхнул пепел с папиросы.

В окне показались светлые полосы неба — предвестники приближающегося утра. Верхушки гор были окутаны легкой дымкой тумана. В такие минуты особенно сильно клонит ко сну — кажется, нет ничего в жизни более заманчивого, чем прильнуть головой к подушке и закрыть глаза. Мой собеседник тоже, видимо, почувствовал наступление рассвета, развел на ходу руки в сторону так, что хрустнули обе лопатки, и сладко зевнул.

— Предлагаю, — сказал он, — для поддержания духа в бодром состоянии по чашке черного кофе с печеньем «Привет». Не возражаете? — И, включив штепсель в розетку, поставил на электрическую плитку алюминиевую кастрюльку. — Разговоров у меня хватает на целую неделю. Да что на неделю! Я мог бы говорить и месяц и год. Тысячу и одну ночь. Может быть, кто-нибудь когда-нибудь и напишет сказки советской Шахразады, то-есть не сказки, а быль, конечно, о людях труда. Я не собираюсь уподобиться дочери царского везиря, но о Паше я должен все же рассказать, хотя уже довольно поздно, вернее — не поздно, а рано, потому что я вижу за холмом первый луч солнца... Паша Паршков... Ну, что такое Паша?

Инженер задумался и стал тереть лоб ладонью, желая, видимо, как можно ярче охарактеризовать этого человека.

— Если говорить просто, нашим техническим языком, Паша — наша опора по вопросам песка. А вообще это виртуоз-экскаваторщик. Он играет на своей машине не хуже, чем Давид Ойстрах на скрипке. Представьте парня, широкоплечего русского парня с открытым лицом, вечно смеющимися глазами, залихватски загнутым козырьком. Сидит этот парень в кабинке с таким видом, будто

управляет он не машиной, а целым государством, и перед ним не песчаный карьер, а богатые россыпи, которые он черпает полной мерой. Когда Паша поворачивает рычаг, чтобы опрокинуть ковш в ноль восемь кубометра на железнодорожную платформу, у него такой торжествующий взгляд, словно он щедрой рукой осыпает человечество золотым песком. Я сказал — ноль восемь кубометра. Это не просто цифра. Я назвал эту цифру потому, что предельная нагрузка ковша — ноль пять. Приезжаю я как-то на карьер. Смотрю, глаза Паши помрачнели. «Заболел?» спрашиваю. «Вроде», отвечает он. «В больницу скорее надо». — «Не поможет». И улыбнулся. Тут я понял, что парень шутит. «Заболел, — продолжал он, — ковшом заболел. Нельзя ли ему нагрузку прибавить — вот чем я заболел». На другой день после работы застаю Пашу за таким делом: стоит он возле ковша и прикрепляет к его бортам листы железа, планочки, дощечки... Как Паша смеялся, когда его ковш со всеми искусственными надстройками глубоко врезался в землю и загребал сразу ноль восемь кубометра породы с такой легкостью, как ребенок загребает песок игрушечной лопаткой! Паша — на все руки мастер. Как говорит сынишка моего соседа Димка — ему четыре года, — мастер на всех руках. Экскаватор — сложная машина. Случаются аварии: перегорят предохранители на трансформаторном киоске или еще что-нибудь испортится. Паша никогда не бежит за монтером или слесарем. Он вылезает из кабинки, добирается к трансформатору, становится на минуту слесарем, монтером, а потом продолжает черпать своей громадной ложкой песок — только успевай подавать платформы...

Взошло солнце — словно кто вытолкнул его из-за горы. Оно застряло на гребне холма, разбрасывая всему миру свою широкую, светлую улыбку. Из ворот гаража стали выезжать машины. Начинался новый трудовой день.

— У нас в последние годы появились хорошие книги о людях труда, — продолжал Эйфе. — Но все же некоторые писатели мало пишут о производстве. Они несправедливо считают, что трудно взволновать читателя станком, экскаватором, прокатным станом.

Я сам люблю музыку Чайковского и хорошие стихи о природе. Но если бы я был поэтом, то обязательно написал бы стихи о Паше и о его громоздкой, неуклюжей машине. О любви человека к машине, о его дружбе с машиной, о том, как он вместе со своей машиной двигает нашу жизнь вперед. Мне кажется, если бы сам Пушкин видел, как плавно и — возможно, это смешно прозвучит — как грациозно Паша поворачивает ковш вокруг своей оси, как ловко он забрасывает ковш в полтора раза дальше, чем предусмотрено всеми техническими расчетами, если бы наш великий поэт стоял на берегу Урала и видел, как Паша проделывает сложнейшую операцию за тридцать секунд вместо положенных двух минут, он посвятил бы ему вдохновенную поэму! Это была бы волнующая песня о поэзии труда. Ведь так четко и чисто играет Паша на своем необыкновенно громоздком инструменте...

В эту ночь спать не пришлось ни мне, ни моему собеседнику. Ему надо было торопиться в трест на оперативное совещание начальников строительных участков. Я спешил на свидание с людьми, которые должны были еще много показать и рассказать.

— До скорой встречи! — сказал инженер. — Постараюсь вечером продолжить наш разговор. Я вам ничего еще не сказал о Юлии Галыгиной и ее подругах — об этих «девочках из Ашхабада», как их тут у нас называют. И забыл о самом главном — о Панкратове. Впрочем, Панкратова вы можете сами увидеть — он тут рядом дома строит. Хотите? Могу проводить...

* * *

Солнце оторвалось от холма, поплыло вверх по небосклону и щедро рассыпало во все стороны свои теплые лучи. За бетонным заводом среди груды камней и бревен стояло два ряда двухэтажных зданий без крыш. Крыши еще только начинали строить. По

карнизам верхнего этажа лазали люди, втаскивая на веревках лес для стропил.

Имя Панкротова я часто слышал.

«О, это настоящий панкротовец!»

«Вот этот сработал прямо-таки по-панкротовски!»

«Превосходный мастер! Его и с Панкротовым не стыдно сравнить!»

Такие фразы часто произносили в конторках производителей работ, в управлении треста, в городском комитете партии. Было очень интересно увидеть этого человека, поговорить с ним.

— Не Панкротова ли ищите? — спросил мастер, заметив, что мой спутник, щурясь от солнца, всматривается в группу плотников, устанавливающих фермы на одном из домов.

— Его самого, — сказал инженер. — Где он?

— Известно где, — ответил мастер. — На передовой линии. Крышу организует... Семен Романович! — крикнул он. — Давай вниз, спрашивают.

Через две-три минуты к нам подошел худенький человек невысокого роста, в черной ластиковой курточке, с топором в руках.

Инженер познакомил меня с Панкротовым, попрощался и ушел. Мы остались вдвоем.

Беседа вначале не клеилась. Когда мы присели на бревне, казалось, что разговаривать не о чем. Панкротов не мог понять, почему его отрывают от дела, просят о чем-то рассказывать, когда в его жизни нет ничего такого, что представляло бы общественный интерес.

— Недоразумение одно происходит, — пояснил он. — Шумят все: «панкротовцы, панкротовцы», прямо слушать совестно. Работают, и всё. Стараюсь получше работать, людей своих приучаю к этому, что ж тут особенного? А что народ свой по плану всегда расставляю, кто на что больше способен, так на то я и бригадир... Молодежь обучаю? Правильно. А как же иначе! Приходит молодой парень из школы ФЗО, только-только топор в руках держать

научился. «Хочу, — говорит, — дяденька, к вам в бригаду». Что же, я должен пустить его в самостоятельное плавание? Окунайся, дескать, авось выплывешь? Понятное дело, и присмотришь за ним, и расскажешь, и покажешь — пусть приучается к делу, если охота есть. Да не то что молодежь — и старики тоже есть, которые сроду топора в руках не держали. Понятно, и с ними, как с детьми малыми, нянчишься, пока они не постигнут наше плотничье ремесло. Оно занятие, может, и невидное, а все-таки понимать его надо — всякая работа привычки требует. Без этого — без привычки то-есть — и щей не сварить, не то что, скажем, крышу поставить или потолок сложить.

Насчет бригады? Ну что ж! Дружная у меня бригада. Брат Федор, Иван Лепешкин, Никита Панкратов, односельчанин, — эти со мной еще в Магнитке работали, когда комбинат там начинали строить. Тут у меня восемнадцать человек. Еще брат Тихон был — на войне погиб, на фронте. Дисциплина у нас крепкая, люди любят, чтобы порядок. Придет новый человек: хочу, мол, у вас работать. Что ж, давай! Первое условие — дисциплину поддерживать. Ну, иной, конечно, сразу поймет. А иной, глядишь, баловаться начинает. Тогда сразу совещание собираем. Так, мол, и так. Уж раз попал в нашу компанию, стало быть и законы все соблюдай. Ну, смотришь, доходит до человека — исправляется... Вот так и живем. А что насчет какого-то особого воспитания толкуют, так какое же тут особое воспитание? Обыкновенная вещь. Моих-то человек сто учеников ходит теперь по стройке, на разных участках работают, многие бригадирами стали. А какой я, спрашивается, был бы мастер, если бы у меня не было учеников? К себе в кубышку класть мне свое уменье, что ли? Так и кубышки-то у меня никакой нет — весь на виду...

Панкратов говорил обо всем с необыкновенной простотой и скромностью.

— Тысячник? Да, было такое. Мы с братом Федором на станхановскую вахту стали. За одну смену вдвоем стропила на дом поставили. Больше десяти норм сделали. А что особенного? Ниче-

го особенного тут нет. Лес подготовили, разложили по своим местам каждое бревно, чтобы ни одного лишнего движения не делать, — вот и все. Это каждый сумеет, ничего мудреного. Да что тысяча — мы с братом Федором в другой раз и две тысячи процентов выполнили: за одну смену поставили фермы на двух домах. Уложили мы с ним, помню, до сорока кубов леса. Нормировщик насчитал тогда только пятнадцать минут бесполезного времени за восемь часов — отрывались водички попить, курить тогда не курили. Да нет и тут ничего особенного! На другой день плотник Есин тоже четырнадцать норм дал. Ну, и началось движение тысячников, ничего мудреного! Несколько человек из нашей бригады ушли тогда на фронт. Надо же было за них поработать, чтобы производство не страдало. Люди гибли на войне, и брат родной, Тихон, погиб, а мы бы в тылу за них не отработали? Стыд и срам!

Ну, скажем, была авария на высоковольтной линии. Ураганом свалило шесть опор. Погас свет на стройке. У нас вся жизнь прекратилась. А морозу градусов сорок. Как же было не вскочить ночью с постели! И вся бригада, понятно, со мной. Действительно, мы тогда двадцать семь часов безотрывно работали. А как мы могли поступить иначе, если скорее не удалось заменить опоры!..

Бригадир плотников вспоминал всевозможные случаи подлинной трудовой доблести, но каждому случаю он находил вполне резонное оправдание и ни в одном из них не усматривал ничего такого, что выходило бы за рамки его служебного долга. В этом было столько непосредственности, без примеси какой-либо рисовки, что невольно овладевала радость и гордость за советского рабочего, который свой подлинный героизм и самозабвенную любовь к труду считает рядовым, каждодневным, ничем не примечательным делом.

Нужен был дом. Срочно. К октябрьским праздникам. Приблизалась зима. Надо было переселить людей из летних помещений. Произошла задержка с материалом. Затем лес привезли, но было

уже поздно. Никакие графики не могли помочь сдать дом в установленный срок. Зима совершенно не интересовалась графиком. Она упорно и настойчиво пробиралась во все щели.

Панкратов собрал членов бригады:

— Одним не управиться. Давайте жен приведем.

Бригада согласилась. Но надо было спросить еще и мнение женщин. Панкратов пригласил к себе домой всех членов бригады с женами, и здесь, за чашкой чаю, договорились.

На другой день все жены вышли на работу. Они таскали кирпич, подносили доски, белили, штукатурили. Когда строительные работы были закончены, начали мыть полы, двери, окна. Дом сдали во-время. Октябрьские праздники жильцы отмечали в новых зимних квартирах.

— А как же иначе! — удивляется Панкратов. — Раз мужьям туго, жены должны помочь. Кол: надо — считаться не приходится. А что шумят все: «панкратовцы, панкратовцы», так, ей-богу, совместно слушать... Извините, мне на крышу пора, — сказал он и, повесив на сгиб левой руки топор, мелким шагом засеменил к строящемуся дому.

Я посмотрел вслед этому человеку и вспомнил его слова: «Коль надо — считаться не приходится».

В этих простых словах весь Семен Романович Панкратов, русский человек, советский рабочий. Недаром его именем называют все лучшее и передовое, что есть на этой строительной площадке.

«Девочки из Ашхабада»

Никто не помнит точно, как это случилось, но об этой невзрачной на вид девушке стали всюду много говорить. Помнят только, что когда Юлия Галыгина приехала со своими восьмью подругами из Ашхабада, старые штукатуры не на шутку обиделись: «Вот тебе и на! Тоже помощь прислали!.. А мы-то думали — опытных людей

пришлют. Тут заводы, город строить надо... Ну, какая от таких девочек помощь!..»

Шел 1943 год. Война была в самом разгаре. Недавно закончилась одна из величайших битв в истории человечества — битва за Сталинград. Готовился грандиозный бой на Курской дуге. Отступая, немцы жгли наши города и села. И в эти тяжелые дни здесь, на Южном Урале, советские люди продолжали создавать новый промышленный район.

Юлия Галыгина со своими подругами приехала сюда в то время, когда жить было негде и для приезжих отводили бараки и землянки, очень мало располагавшие к нормальной жизни. Но молодые девушки, недавно окончившие школы фабрично-заводского обучения, знали, куда они едут и зачем. Житейские неудобства казались им даже менее серьезными, чем они были на самом деле. Они приехали в степь, где должны вырасти заводы, улицы, сады и парки. Сознание того, что и они будут участниками такого большого дела, вселяло в их детские души гордость.

Тесная палатка, где трудно было встать во весь рост и протиснуться сквозь узкий проход к своей постели, казалась не такой уж неудобной. Ведь тысячи людей, приехавших сюда из Киева и Ленинграда, Москвы и Иркутска, тоже живут в брезентовом городке. И чем больше благоустроенной жизни видели девушки вокруг себя, тем лучше им хотелось работать, чтобы скорее дать людям более удобное и просторное жилье.

— Давайте, девушки, не будем, — говорила Галыгина своим подчиненным, заметив, что кто-либо загрустил. — Не будем, девушки. На фронте тоже не больно весело. У вас, может, на уме ребята — так не время. Делом надо заниматься, а ребят оставим на после войны — успеем.

Юлия не любила много разговаривать, и подружки знали: зря бригадир не станет тратить слова. Раз говорит Галыгина, стало быть знает, что говорит. И слушаться ее надо во всем.

— В палатке живем? Не важно! Не мы одни. Вот построим

дома и переедем на новые квартиры. А что кое-кто из старичков нас сосунками называет, да еще слабосильного полу, так вы, девочки, не обращайтесь внимания. Мы им докажем, какой есть наш пол в военное время!

На работе Юлию никогда не видели легкомысленно улыбающейся, но не замечали на ее лице и грусти. Молодой бригадир всегда был сосредоточенным и с деловым видом осматривал место работы, получая наряд на новый объект. Положив руки на бедра и подняв голову вверх, Галыгина молча осматривала покрытые дранкой потолки и стены, потом что-то примеряла линейкой, делала какие-то арифметические расчеты — умножала, делила, вычитала, и набежавшие около глаз морщинки выдавали ее внутреннее беспокойство.

— Так вот, девочки, какое дело, — говорила она, собрав всю бригаду. — Домик этот нам надо оштукатурить за двенадцать дней. Управимся, как вы думаете?

— Это столько-то комнат — и за двенадцать дней? — раздался чей-то испуганный голос.

— За двенадцать. А что?

— Хоть бы за двадцать успеть — и то ладно!

— А может, за десять сделаем?

— Что ты, Юля, за десять!..

— А я говорю — сделаем. Вот увидите! Работать так будем...

И бригадир развертывал перед членами бригады свой план организации труда:

— Не будем толкаться на одном месте. Пустим все на поток, на конвейер. Тосю поставим на раствор, Зину — на подноску, Вера будет накладывать штукатурку на стены, а Таню на затирку определим. Вот так по четыре человека и разойдемся по комнатам. Я уж начисто все отделывать буду... Договорились? Ну, пошли!..

И девушки расходились по своим рабочим местам.

В школе ФЗО учили главным образом штукатурить стены. А тут надо было отделывать не только стены, но и потолки и фасады

домов. Когда девушек впервые послали отделявать потолки и фасады, выяснилось все несовершенство их знаний. Но и в такие сложные минуты жизни боевой бригадир не терял самообладания.

— Ничего, девочки, — раздавался звонкий голос Юлии, — бывает хуже. Вот на фронте, например... Слушайте!..

И, вынув из верхнего карманчика спецовки газету, Галыгина читала вслух какой-нибудь эпизод из жизни летчиков, танкистов или автоматчиков, сумевших найти выход из, казалось бы, безвыходного положения.

Один хмурый старичок не скрывал своего злорадства:

— Вот тебе и помощь! Ну, что это за помощь, когда девки сроду на фасадах не работали!

Юлия ничего не отвечала на эти усмешки. Вечерами, после рабочего дня, она приходила в пустое помещение, взбиралась на леса, установленные и внутри и с внешней стороны дома, подолгу прилаживалась к незнакомой работе, примеряла движения, выискивая наиболее рациональные приемы, делала какие-то вычисления. Потом в общезитии она показывала девушкам, как лучше и скорее штукатурить фасады и потолки.

— Так не подкачаем, девочки? — спрашивала Галыгина у подруг, которые отлично поняли замысел своего энергичного бригадира.

— Да неужели, Юлия, подкачаем! — отвечала Таня Булавина, смышленная, бойкая девушка. И в ответе этом чувствовалась твердая уверенность в том, что бригада и на этот раз не намерена уступать своих позиций.

Много месяцев «девочки из Ашхабада» — так их прозвали на стройке — шли впереди всех штукатуров. Красное зямя следовало за юными мастерами с участка на участок, с улицы на улицу, из дома в дом. Ни одна бригада «старичков» не могла конкурировать со своими молодыми «соперницами». Каждый месяц «конкуренты» обманывались в своих надеждах — отвоевать знамя у девушек. На любой работе, пусть даже самой сложной, они давали к концу

месяца такие высокие показатели, что никто не мог отнять у них первенство.

— Немыслимое дело! — недоумевали «старички». — Все туфли и отрезы опять девчонки в премию забрали. Да и как не забрать! Они тут всеми командуют, а не ими командуют. Характер у бригадира больно строгий. Эту Юлию Галыгину и в управляющие трестом посадить можно — не подведет.

«Старички» явно преувеличивали насчет того, что «девочки из Ашхабада» всеми командуют. Вряд ли Юлия Галыгина сумела бы руководить целым трестом. Но кое-какая доля истины в том, что говорили «старички», все же была.

Для строителя самое главное — во-время доставленный материал. Случается иной раз заминка. Все рабочие очень болезненно переживают подобные казусы, нарушающие нормальный ритм трудового процесса.

— Но вы бы посмотрели, — рассказывали прорабы, — что творится в такие минуты с нашими девчатами! Они буквально не дают покоя. Приходят, просят, требуют — жизни нет! Никакие уговоры не производят на них никакого впечатления. Когда в конторке появлялась Галыгина и у нее были сдвинуты брови, а ноздри раздувались чаще обычного, сразу становилось понятно, в чем дело: нехватило извести, песка или подвезли случайно мокрый алебастр, непригодный к работе. В таких случаях надо было срочно исправлять положение, иначе — скандал. Скажем по секрету: когда нехватало материалов, мы старались прежде всего оградить себя от объяснений с Галыгиной. Ее бригаде давали все необходимое в первую очередь.

Слава «девочек из Ашхабада» росла с каждым днем. Их имена украшали доски почета, списки лучших людей стройки. И потому, вероятно, когда сюда прислали еще семьдесят девушек, окончивших школы ФЗО, начальник участка вызвал к себе Юлию и спросил:

— Как вы отнесетесь к тому, если мы расширим ваше семейство?

— Если доверяете — пожалуйста, — ответила Галыгина. — Ду-
маю, девочки наши тоже возражать не будут.

На другой день появился приказ по тресту: Галыгину назначили
инструктором, а некоторых ее подруг — бригадирами.

Семейство Юлии сразу выросло почти в десять раз. Молодых
работниц по традиции продолжали называть «девочками из Ашха-
бада», хотя большинство из них никогда не были в Средней Азии
и попали на Южный Урал из Киргизии, Казахстана, Поволжья и
даже с берегов Белого моря.

* * *

На широкой равнине вырос железобетонный корпус механиче-
ского цеха завода. То там, то здесь белели домики рабочих посел-
ков. На высоком берегу реки Урала вытянулась стройная шеренга
особняков. В центральной части поселка запахло расплавленным
асфальтом, и кое-где гладкие, ровные дорожки нарядной лентой
уже окаймляли новые двухэтажные каменные дома.

— Видите, девочки, растем! — говорила Галыгина своему
обширному семейству, когда оно, что называется, «всем колхозом»
отправлялось на работу. — Смотрите, девочки, как растем!.. Давай-
те сыграем что-нибудь, девочки...

И по широким просторам звонко и дружно разливалась песня:

...Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви!

В песне этой звучали великая радость творческой жизни, бодрое
сознание своей силы, презрение к трудностям, которые пришлось
преодолеть. Звучала и гордость за то, что в общей симфонии
труда, преобразившего голую степь, упрямо и властно раздавался
их девичий голос. Недаром «девочки из Ашхабада» сидели в

президиуме торжественных собраний, когда строителей чествовали и награждали.

С каким независимым видом выходили на трибуну юные победительницы, чтобы поделиться с товарищами секретами производственных успехов! Бывало порой очень забавно.

— Дайте ей стул! — кричат из зала. — Не видно оратора!

Оратора и в самом деле не видно из-за трибуны. Но окрики его не смущают. Какая-нибудь Нюра или Маруся покорно выходит на авансцену и с полным достоинством продолжает свой простой, бесхитростный рассказ. И, глядя на девушку в хорошем шелковом платье, участники собрания невольно вспоминают скромных деревенских подростков в ватных кацавейках. Прошел всего год-два. Как изменились, возмужали «девочки из Ашхабада»! Изменились физически, духовно, профессионально. С трибуны говорит зрелый мастер, артист своего дела.

Необыкновенная дружба объединяла девушек-штукатуров! Они не разлучались ни в труде, ни на отдыхе. Все они жили в одном общежитии — вначале в палатках, а потом в новом доме, отделанном их собственными руками. Они вместе бывали в кинотеатре, на концертах, на спектаклях приезжих артистов, вместе посещали вечерние школы, кружки кройки и шитья. Многие вместе вступили в комсомол, а потом подавали вместе заявления с просьбой о приеме в кандидаты и члены партии.

Когда всех девушек переселили из брезентового городка в небольшие уютные комнаты на трех-четыре человека, Галыгина собрала своих подопечных и сказала:

— Ну, вот что, девочки. Мы начинаем с вами новую жизнь. На производстве мы соревнуемся? Соревнуемся. Не обижаемся на это? Не обижаемся. Все видим, какая это замечательная вещь! Каждая на себе это видит, верно?.. Ну так вот, девочки, — продолжала Галыгина: — давайте соревноваться и в быту. Идет?

Это предложение всем очень понравилось. Началось страстное соревнование за культуру быта. Изю дня в день появлялись обнов-

ки: то салфетки, искусно расписанные разноцветными красками, то накидки на подушках, вышитые ажуром, то шторы на дверях, любовно сделанные из простой суровой ткани, то кружевные занавески на окнах. Часто девушки белили свои комнаты, соревнуясь друг с другом в подборе тонов, полутонов, в композиции рисунка бордюров.

— Зайдешь вечером после работы в общежитие наших девушек и не подумаешь, что здесь живут штукатуры — так красиво, нарядно! — рассказывала секретарь комсомольской организации треста Татьяна Комиссарова.

И в глазах боевой комсомолки, которая почти всю войну провела на фронте, форсировала Одер, брала Франкфурт, с первыми частями Советской Армии вступала в Берлин, столько радости и счастья. Да и как не быть счастью! Ведь во имя хорошей жизни нашей молодежи не жалела она своей жизни, когда это нужно было.

Комиссарову радовали, конечно, не только ажурные наволочки. Больше всего ее радовал полнокровный внутренний мир, живой интерес девушек к своему духовному развитию. Она видела, с каким увлечением они читают романы Толстого, повести Горького, книги Николая Островского и Фадеева, как внимательно они слушают лекции в партийных и комсомольских школах. Молодые штукатуры увлекаются и художественной вышивкой, и математикой, и репетициями в самодеятельных кружках.

В последнее время тон всей жизни молодежи на стройке задает Таня Булавина со своей бригадой. Булавина — одна из тех первых «девочек из Ашхабада», которые вместе с Галыгиной прибыли из Средней Азии на Южный Урал. Целый год Таня никому не уступает первенства. И не собирается уступить.

— Мы штукатуры? Штукатуры! — сказала она однажды своим «девочкам». — А почему бы нам не стать и каменщиками и малярами? Сами видели, как иной раз и нам работы нехватает и стройке тяжело.

После этого не только булавинские штукатуры, но более ста

комсомольцев и комсомолок стали едиными в трех лицах — освоили по две-три дополнительные профессии. Бережно хранит Таня в своем сундучке пять почетных грамот — три от министерства и две от городского комитета комсомола.

И Булавина учится. Учится всему. Она кончила в свое время только шесть классов и мечтает о седьмом. А об аттестате за семь классов она мечтает потому, что ее привлекает новая вывеска открывшегося недавно строительного техникума.

...Вечер. В ярко освещенной комнате молодые штукатуры внимательно слушают своего бригадира. Таня продолжает сегодня чтение вслух «Молодой гвардии». Осталось еще немного, страниц двадцать, и книга о краснодонских комсомольцах будет закончена.

В напряженной тишине слышен выразительный голос Тани:

— «...А что! Нашего народа не сломит никто! — вдруг сказала Любка с страстным блеском в глазах. — Да разве есть другой такой народ на свете? У кого душа такая хорошая? Кто столько вынести может?.. Может быть, мы погибнем, мне не страшно. Да, мне совсем не страшно, — с силой, от которой содрогалось ее тело, говорила Любка. — Но мне бы не хотелось... Мне хотелось бы еще рассчитаться с ними, с этими! Да песен попеть, — за это время, наверное, много сочинили хороших песен там, у наших! Подумайте только, прожили шесть месяцев при немцах, как в могиле просидели: ни песен, ни смеха, только стоны, кровь, слезы, — с силой говорила Любка»...

Откуда-то из глубины комнаты какая-то девушка, прислонившаяся к стене, громко вздохнула:

— Ну и молодец же эта Любка!

Булавина читала вслух книги Николая Островского и стихи Маяковского. Она возила свою бригаду в орский театр на «За тех, кто в море!», и затем девушки обменивались впечатлениями о пьесе и о спектакле.

Уезжая в отпуск в Среднюю Азию навестить своих стариков, Таня собрала подруг и сказала:

— Мы прощаемся, девчата, не надолго. Смотрите берегите знамя. Как всегда, каждый день замеряйте свою работу и работу Гусевой и каждый день вывешивайте на стене показатели. Следите за Гусевой во все глаза, а то живо знамя отнимет...

Булавина уехала к родным со спокойной душой. Девушки обещали не подвести любимого бригадира. И не подвели.

Около пяти лет прошло с тех пор, как Юлия Галыгина приехала на эту новостройку. Теперь она стала мастером, а многие рядовые члены ее бригады, как Таня Булавина, — именитыми бригадирами.

«Девочки из Ашхабада» стали уже взрослыми женщинами. Иные обзавелись семьями, и маленькие ребятки называют этих «девочек» мамами. Они покинули свои холостяцкие комнаты и перебрались в отдельные квартиры. На стройке выработалась традиция: женится молодой человек или выходит замуж девушка — им предоставляется семейное жилье и помогают обзавестись хозяйством. Если молодожены — примерные работники, устраивается общественная свадьба. Среди гостей можно встретить и управляющего трестом, и главного инженера, и парторга. Много раз приходилось руководителям стройки плясать на свадьбах «девочек из Ашхабада».

На свадьбе Маруси Давыдовой было особенно весело и шумно. Много плясали, пели. Часам к трем ночи все изрядно устало, да и баянист начал спотыкаться на клавишах. Но никому не хотелось уходить домой. Гости расселись по углам и диванам. Кто-то положил голову соседу на плечо и сомкнул слипающиеся веки.

— Э, так не годится, — сказал самый почтенный по возрасту гость, старый мастер. — На свадьбах спать не полагается.

— А вы расскажите нам что-нибудь, Степан Кузьмич. Вы ведь специалист по этим делам.

— Про что же вам рассказать? — почесал старик за ухом. — Про то, как мы Дутова из Оренбурга выгоняли, — вроде не к месту... Постойте, постойте! Я вам про свадьбу одну расскажу. Занятная была свадьба. Вы нашего краеведа Кобелева знаете? Ну

вот. Он мне как-то про эту свадьбу рассказал. Было это лет тридцать пять назад. И смех и грех с этой свадьбой!..

— Расскажите, Степан Кузьмич! — раздалось со всех сторон.

— Ну что ж... Стало быть, так... — начал он.

* * *

Дело было в поселке Хабарном. Шахтер Александр Решетов, молодой парень, познакомился с дочерью зажиточного крестьянина Ивана Рекшектаева — Марией. Решетов слыл на всю округу не только хорошим горняком, но и отличным баянистом. Сядет бывало в лодку, растянет мехи, и все диву даются, каким образом грубые пальцы могут извлекать из инструмента такие чудесные звуки.

Приглянулся Марии бравый музыкант. Да и девушка пришлась по душе парню своей скромностью и красотой.

Отец Марии, человек мрачный, угрюмый, часто ругал свою дочь:

— Не нравится мне этот твой гуляка! Больно смел и горяч, строгости в нем нету. Не доведет он тебя до добра.

Но уговоры отца не влияли на твердое решение дочери.

— Если отец не позволит выйти за Александра, — говорила она матери, — брошу дом и уеду куда глаза глядят.

Мать испугалась не на шутку. Лишиться единственной дочери — было самое страшное, этого она боялась больше всего на свете, и она уговорила мужа не противиться желанию Марии.

— Дом родителей покинуть? — возмущался отец. — Так, так... Да я ее после этого в девках сгною!..

Слезы матери смягчили все же сердце старика. Он согласился выдать дочь за Решетова.

Свадьбу назначили на ближайшее воскресенье в двенадцать часов дня. Стали печь пироги, варить брагу, шить невесте подвенечный наряд.

Обрадованный жених задумал пригласить на свадьбу свою

сестру, проживавшую в Халилове, в тридцати двух километрах от Хабаровного.

Накануне свадьбы, в субботу вечером, после работы, Решетов на попутной подводе — с возчиком руды — поехал за сестрой. Он рассчитывал, что управляющий рудником ради такого торжественного случая даст ему лошадь на обратную дорогу. Но жениху не повезло: управляющий лошади не дал.

Решетов в отчаянии. Наступал уже час свадебного пира, а он еще скитался по Халилову в поисках транспорта.

Как быть? Решетов побежал в Старое Халилово к родственнику:

— Выручай, пропадаю!

— М-да! — ответил родственник, выслушав трагическую историю с весьма сочувственным видом. — Охотно тебе помогу. Но беда вот в чем: все лошади наши пасутся километрах в десяти в обратную сторону от Хабаровного.

Делать было нечего, Решетов побежал на выгон. Родственник разрешил взять самого лучшего коня — Адайду. Долго упрямая лошадь не давалась в руки конюху. Уж он и губами причмокивал и посвистывал... Адайда посмотрит, послушает, потом опустит уши и снова убегает в степь. Часа два провозились, пока набрали аркан на норовистого скакуна.

— Бери, — сказал конюх, передавая Решетову поводья. — Только вот что: сейчас давай на чарку водки, а как жениться буду, приедешь и сыграешь на баяне. Идет?

— Приеду... сыграю... — взволнованно повторял Решетов. — Не мучай хоть ты...

Вскочив на Адайду, жених прильнул к шее коня и пустился в обратный путь.

Дорога предстояла длинная — километров сорок, и даже на отличном скакуне это расстояние можно было проехать не менее чем за три с половиной часа. К тому же надо заехать еще в Халилово, взять тарантас, захватить сестру. Время позднее — день клонится к вечеру, в Хабаровное можно прибыть только ночью.

Полный скандал! Александр вспомнил песню о запоздавшем женихе, и ему стало особенно грустно...

В Хабаровом события разворачивались таким образом.

Отец невесты ждал Решетова с утра. Часы пробили десять. Жениха нет. Старик волнуется — выпил. Наступил двенадцатый час, а жениха все нет и нет. Снова выпил старик. Выпил и жену избил за то, что она вовлекла его в такое позорное дело.

— Ну, где же он, сударик-то твой? — спрашивал он, награждая бледную, измученную женщину тумаками. — Надсмехался он над вами, дурами, а вы уши развесили: любит, любит...

В полдень стали собираться гости — родные, знакомые, друзья. Жениха попрежнему нет. Изрядно охмелевший отец предложил гостям по чарке, потом по другой — «за упокой души пропавшего Александра». Невеста в свадебном платье сидела в своей комнате и никому не показывалась на глаза. Было больно и стыдно.

Часовая стрелка приближалась к восьми часам вечера. Собрались семейный совет: что делать? Все решили, что жених надругался над девушкой.

— За такое дело шкуру спустить мало! Нашла себе супруга! — злорадствовал какой-то подгулявший родственник.

— По-моему, пока суд да дело, Марию надо запереть в амбар, — предложил другой родственник, мужик рассудительный и степенный.

Эта идея понравилась Ивану Рекшектаеву.

— Правильно! — сказал он.

Невесту заперли в амбар. И она не сопротивлялась. В ту пору ей все было безразлично, хоть на виселицу.

Семейный совет продолжался. Как же быть дальше?

— Теперь вот что, — разошелся отец. — Больше никакой свадьбы я ей в жизни справлять не буду. Нет у меня таких денег.

Долго ли, коротко ли шло это совещание, но результат был таков: срочно найти подходящего жениха, чтобы не нести лишних расходов и не позорить честь семейства.

Выбор остановился на Василии Нестерове. Это тоже горняк, приятель Решетова. Мария знала его отлично и одно время даже относилась к нему благосклонно.

— Парень как парень, — согласился отец. — Ничем не хуже того гармониста. Ежели что, так и того, посватаемся.

Мать побежала к дочери.

— Давай пошлем за Василием, — умоляла она. — Ведь он любит тебя. Помнишь, как все набивался к нам в зятя! А не то, как с таким срамом жить будешь?

Тяжелые, мучительные минуты. «Может, Александр и в самом деле поиздевался надо мной?» думала Мария. И, попросив кусочек бумаги, написала Василию письмо:

«Милый Вася! Я все же тебя любила и люблю, но сердце мое временно отвернулось от тебя. Ты знаешь, что за мной стал ухаживать твой приятель — Александр Решетов. Но он так жестоко надсмеялся над моим сердцем... Я согласна стать твоей женой. Отец тоже согласен. Мария».

Письмо написано. Нашелся и посыльный. Но не так просто было найти нового жениха.

Василий жил на квартире у одного десятника, но в это время его не было дома. Посыльный оставил записку и вернулся ни с чем. Отец Марии сам пошел на поиски зятя.

— Где Василий? — спросил он хозяина дома.

— Ушел на охоту.

— Скоро придет?

— А кто его знает! Может, и заночует.

— Посылай за ним живо. Есть важное дело.

Старик Рекшектаев рассказал причину своего прихода в такой неурочный час. Хозяин дома велел сыну оседлать двух лошадей и срочно отправиться за Василием. Хозяйка начала готовить жениха к свадьбе — стала гладить брюки, рубашку, носовой платок.

— В чем дело, Кузьмич? — запыхавшись, влетел в комнату Василий.

— Ну, Вася, умывайся почище, одевайся получше да кудри расчеши покрасивее. Такое дело, брат...

Василий в недоумении: одевают, как на праздник, а что случилось — не говорят.

— Да не мучай его, Савельевна, отдай ты ему записку, — сказал Кузьмич жене.

Прочитав записку, Василий пришел в неумный восторг.

— Маша! Мария! Маруся! — закричал он. — Да не может того быть!

— Может, может, — сказал Кузьмич. — А ты того... не мешкай, поторапливайся, как бы не передумала.

Савельевна пошла за сваху, а старый горняк, сосед Рекшектаева, Александр Емельянович Кузнецов, взял на себя обязанности свата.

Пришли сваты в дом невесты. Столы заставлены всякими яствами. Сват и говорит:

— Можно к вам пожаловать дальнему путнику, отдохнуть, хлеб-соль покушать, и если милостив хозяин, то меня, свата-глашателя, может, и водочкой напоит?

— Подходишь — напоим, а неходишь — поблагодарим; отдохнешь, старина, — поговорим.

— У меня есть жених, — продолжал сват, — которого по красоте, уму и доброте ни с кем сравнить нельзя. И богат, ни в одной стране света такого не встретишь. Был, говорят, еще один подобный по сходству, да весь давно вышел.

Бравому свату захлопали в ладоши. Василий поздоровался со всеми за руку и сказал:

— Я давно Марию просил всю жизнь быть мне женой и другом. Теперь у родителей прощу согласия.

Родители согласны.

— Как невеста?

Мария повернулась к Василию и поцеловала его. Жениху и невесте подали по стакану водки.

Пора и в церковь, венчаться. Время позднее, темно, все

давным-давно закрыто на замок, но ради такого дела священник решил уважить старика Рекшектаева, тем более что и сам он был приглашен на свадьбу.

По пути в церковь жених и невеста услышали бубенчики.

— Никак Шурка едет? — остановился Василий.

— Он и есть, Шурка. Ей-богу, Шурка! — завопили ребяташки, сопровождавшие свадебную процессию.

Вскоре все стало ясно, сомнений быть не могло. Раздался сочный знакомый голос:

Эх ты, степь моя, степь широкая,
В той степи глухой умирал ямщик...

— Он! — Невеста вскрикнула и бросилась в темноту ночи.

Василий за ней. Он едва ее догнал.

— Ты что, сумасшедшая!..

Мария дышала так часто, что, казалось, сердце выскочит из груди.

— Вася, — шептала она, — Вася, милый!.. — И, прильнув к нему на плечо, громко зарыдала. — Что я наделала, Вася, что я...

Песня все ближе и ближе. Знакомый голос уже почти у самой дороги, по которой шла свадебная процессия. Доносятся слова другой песни:

Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой...

Подъехав ближе, Решетов с невероятной силой протянул «Родные, стой, неугомонный...» и, дернув за уздцы, остановил резвого коня. Ловко перекинув ноги за борта тарантаса, Александр соскочил на землю. В эту минуту Марии показалось, что у нее сердце остановилось и она вот-вот упадет.

После встречи с Александром невеста убежала домой, заперлась в своей комнатушке, три дня не выходила и к себе никого не впускала. С большим трудом в «терем» удалось проникнуть лишь тетушке Агафье.

На другой день Александр на работу не вышел. Не видели в

забое и Василия. Вечером оба жениха ходили вокруг дома невесты, но не решались войти.

— Ты, Шурка, не сердчай, — говорил Василий. — Ей-богу, она мне сама записку прислала — думала, что ты насмеялся над ней.

Действительно, кому могло притти в голову, что с человеком произойдет такая оказия! Ведь когда Решетов пригнал наконец Адайду в Халилово, запряг коня в тарантас и, усадив в него сестру, помчался в Хабаровое, с ним в пути случилось еще множество всевозможных происшествий. С тарантаса соскочило правое колесо, гайку в темноте найти не удалось, и опаздывающий жених привязал колесо куском случайно найденной проволоки, чтобы приехать хотя бы к шапочному разбору на свою собственную свадьбу...

— Интересно, чем же кончилась вся эта история с двумя женихами? — спросил кто-то.

— Очень хорошо! Двумя свадьбами. В Хабаровом была девушка Рая, знакомая Василия. Узнав о таком конфузном событии, Рая высказала Василию свое сочувствие. Парень сделал ей предложение. Она согласилась. Две свадьбы сыграли в один день. Александр женился на Марии, а Василий — на Рае.

* * *

Уже наступило утро, когда Степан Кузьмич закончил свой рассказ. Гости развеселились, слушая трагикомическую свадебную историю.

Дрема прошла. Баянист снова забегал пальцами по клавишам. Пары закружились под звуки вальса...

«Большой симфонический»

В парке играет духовой оркестр. Группа подростков с покрасневшими щеками выдувает из труб мелодичный вальс Шопена. На воротничках белых рубах юных музыкантов — два скрещенных молоточка, буквы «РУ» и цифра «10».

Парк этот еще очень молод, как молодо все в этом поселке. Среди тоненьких деревьев, едва-едва распустивших листья, — наспех сколоченная небольшая эстрада. Рядом замер в воздухе высоко поднятый на стальных руках ковш экскаватора — он роет канаву для фундамента летнего театра. По усыпанному свежим песком аллеям гуляют юноши и девушки в вышитых украинских сорочках, пестрых вязаных кофточках. Не узнать в нарядной толпе молодежи токарей и электросварщиков, арматурщиков и штукатуров, снявших только что свои брезентовые спецовки и парусиновые комбинезоны, забрызганные эмульсией, известью и мелом.

Оркестр звучит стройно, выразительно.

В углу эстрады стоит на табурете белокурый мальчуган. Он крепко сжимает медные тарелки.

С каким вниманием ловит он каждое движение дирижера, чтобы во-время присоединить голос своего инструмента к общей гармонии звуков!

— Наш большой симфонический, — сказал работник городского отдела народного образования. — Молодежь еще, можно сказать, совсем зеленая, а играет чисто. Завидно чисто играет, — добавил он, прислушавшись к сложной вариации, искусно исполненной юными оркестрантами.

— Почему «большой симфонический»? — поинтересовался я.

— Ну как же, монополисты по музыкальной части. В нашем районе пока только один оркестр и есть — ремесленного училища. Без него ни один праздник не обходится. Устраивается ли вечер на заводе, в строительном тресте, выдают ли аттестаты зрелости в средней школе — всюду приглашают наш «большой симфонический» из «РУ-10», как мы называем наше ремесленное училище.

Сегодня «ремесленники» давали в парке прощальный концерт. Завтра конец учебного года и конец их учебы. Впереди — самостоятельная трудовая жизнь. «Большой симфонический» разъедется на месяц по домам, а потом каждый кларнетист, флейтист и барабанщик отправится по путевке Министерства трудовых ре-

зервов на завод — в Макеевку, Харьков или сюда же, на местные предприятия.

Долго продолжался сегодняшний концерт. Луна начинала бледнеть на молочном небе, когда трубачи вышли за калитку парка и направились домой.

...У ворот довольно большого, чисто убранного двора, в котором стояло несколько одноэтажных домов, толпилась шумная компания ребят. В руках они держали баулы, корзинки, чемоданчики, футляры с музыкальными инструментами — видно, собирались куда-то ехать. Какая-то блондинка с золотистыми волосами, перехваченными на макушке розовой ленточкой, напевала популярную песенку «Играй, моя тальяночка»; паренек с веснушками, заложив руки за спину, повторял вслух стихи Исаковского: «...Все та же даль. Все та же синева...» В стороне, держась рукой за забор, черноглазая девушка озабоченно проделывала трудные танцевальные движения. Все это мало напоминало подъезд ремесленного училища, где готовят слесарей и электромонтажников, токарей и кузнецов.

— Вы в РУ-10? — услышал я за спиной чей-то голос. — Пожалуйста сюда. Небось, тоже за кадрами приехали? Директор у себя. Там у него уж много народу всякого. Много людей за нашими детишками охотится. Даже в самой Москве про нас слух идет...

Я повернул голову и у небольшого крылечка увидел скамейку, а на ней пожилого человека в белой рубашке, с накинутым на плечи пиджаком.

Значит, я пришел по правильному адресу. Здесь действительно помещалось РУ-10. Ребята, встретившие меня у ворот, — воспитанники училища, любители искусства. Они ждали машин, чтобы ехать на концерт в подшефный колхоз.

— Да, — сказал сидевший на скамейке человек, облокотившись на колени, — теперь они уже не мои, они уже чкаловские, а то, может, и московские и донбассовские. У меня с осени новые будут. И так уж в который раз, — добавил он со вздохом. И в его

глазах, добрых и ласковых, сквозила грусть — так смотрит отец на детей, покидающих родительский кров.

Этот человек оказался старшим мастером ремесленного училища. Зовут его Иван Макарович Кошелев. Но старший мастер — это по должности. На самом деле Кошелев не только мастер, но и воспитатель, и наставник, и старший товарищ.

Приехал сюда Иван Макарович пять лет назад. Здесь был маленький поселок. Но уже съезжались со всех концов страны люди, с утра до поздней ночи пилили бревна, возили глину для кирпича, разгружали с платформ стальные конструкции — начиналось большое строительство. В одном из деревянных барачных строений решили положить начало ремесленному училищу, чтобы готовить кадры для будущих механических цехов.

— На этой площадке, — рассказывает Кошелев, — была помойка. А вот в этих домах, где живут сейчас наши ребята, жили строительные рабочие, тогда еще трехэтажные нары были... да, трехэтажные...

Ученики прибыли сюда из детприемников и детских домов. Много было и таких, что, потеряв родителей на войне или в местах, временно захваченных немецкими оккупантами, не успели найти пристанище и слонялись по железнодорожным путям, оседлав буфера или крыши вагонов. Среди первого набора немало было ребят, прибывших сюда, как они выражались, из «кругосветных путешествий».

После ночевки на вокзалах своя койка в общежитии, пусть даже оборудованная пока весьма скромно — на первых порах ничего, кроме матраца, набитого соломой, не было, — казалась очень уютной. Кислые щи, пшенная каша и кусок свежего хлеба избавили от мучительного ощущения голода во время скитаний по станционным перронам. А главное — открывалась хорошая перспектива в жизни.

— Вот что, ребята! — сказал Кошелев своим юным друзьям. — Давайте сами устраиваться, да так, чтобы получше. У государства без нас хлопот много — война идет. Поменьше будем беспокоить

государство. Постели нам из Чкалова выслали — подушки, одеяла, простыни, наволочки и все прочее. А насчет железных кроватей сами оборудуем, идет?

Как только заканчивалась учеба, ребята отправлялись в экскурсии по строительной площадке. Они собирали куски железа, проволоку, обрезки труб.

Потом ученики шли к своим горнам, брали в руки молотки, сверла, напильники, и через две-три недели вместо деревянных топчанов появились в общежитиях железные койки, выкрашенные в голубой цвет.

По вечерам шла в комнатах капитальная уборка: мыли полы, окна после ремонта стен и потолков. Ранним летним утром, до начала занятий, молодежь расчищала двор, сооружала клумбы, обкладывала их дерном. Из питомника приносили саженцы и закладывали парк.

— Потом уж и волейбольная сетка во дворе появилась, — рассказывал Иван Макарович, — и турники для гимнастики. Сейчас о футбольном поле мечтаем. Будет у нас и футбольное поле. Места кругом много — степь широкая...

В тяжелые годы войны на новостройке люди сумели создать хорошее учебное заведение, о котором знают не только в Чкаловской области, но и на всем Урале, да и в Москве.

В мастерских, классах, общежитиях — всюду образцовый порядок, безукоризненная чистота.

Кошелев привел меня к одноэтажному зданию с белыми стенами. До блеска надраенные стекла напоминали окна больницы, детских яслей, столовой. Но в этом доме стояли длинные ряды слесарных тисков, токарных станков. Не верилось, что в мастерских, где приходится иметь дело с ржавым железом, машинным маслом, может быть такая чистота. На полу — ни соринки. Стружка мгновенно убирается в специальные ящики и на тачках вывозится в кладовые. Зеленые ветки, приколотенные к стенам, освежают воздух. Легко дышится в этих больших, светлых, просторных залах.

«Разве это мастерские? Это лаборатории, а не мастерские», говорят старожилы.

В центре на возвышении сидит мастер, словно профессор на кафедре. Ему видна вся группа. Его недремлющее око следит за каждым движением ученика; заметив неправильное положение руки, взявшей в руки напильник, мастер тотчас подходит к своему воспитаннику и поправляет его.

— Нет, Вася, так дело не пойдет! — говорит он. — Время и силы напрасно тратишь. А ну-ка правую руку возьми чуть повыше... Легче ведь, правда?

Вася следует совету мастера, потом поднимает глаза и улыбается:

— И на самом деле легче, Иван Тарасович. Спасибо.

Юные слесари очень любят своего мастера-инструментальщика Ивана Тарасовича Шимкова. Любят не только за то, что он хорошо учит, но и за его боевую биографию. А биография у него, надо сказать, богатая. Где только не воевал он! Был он на Халхин-Голе, и в снегах Финляндии приходилось сражаться зимою 1939/40 года. Служил он в морской пехоте на северных берегах в годы Великой Отечественной войны. Частенько после работы заходит мастер в общежитие своих учеников. Ребята с глубоким волнением слушают рассказы Ивана Тарасовича о фронтовых буднях.

Мастера — это не только люди с богатым житейским опытом, так сказать выдавшие виды на своем веку. Порой это совсем молодые люди, чуть старше тех, кто стоит у станков и горнов. Это первые выпускники. Они окончили РУ-10 с отличием два-три года назад, были оставлены здесь сначала помощниками мастеров, а потом стали и мастерами. Их немного — человек около десяти, но про них говорят: «Эти и старичкам не уступят».

Токарей обучает невысокого роста паренек с большими серыми глазами.

— Наш самый молодой мастер — Василий Иванович, — сказал Кошелев.

В 1943 году милиция доставила в РУ-10 мальчика Васю.

Нашли его в «международном вагоне» — ящике, что у передних колес. Отца и мать немцы расстреляли в Орловской области. Перешел парень линию фронта и начал искать места в жизни. Где его только не видели! До самого Владивостока добирался. Потом он перекочевал с центральной части транссибирской магистрали на уральские дороги. И здесь на какой-то станции между Чкаловом и Свердловском его задержали.

В дни своей «мятежной юности» Василий Иванович доставил немало хлопот и огорчений своим учителям. Он предпочитал занятиям прогулки по воздуху, как он выражался, «для укрепления организма». Математику он презирал — «от нее мозги сохнут». К станкам он питал нескрываемую злобу, потому что, как говорил он, «техника — штука серьезная, она требует времени, а мне некогда, я и так полтора года жизни потерял».

«Ну, кому ты нужен будешь, если тебя выгонят из школы? — бывало говорит ему старший мастер. — Никто и куска хлеба не подаст — молодой, скажут, работать надо. А работать ты где сможешь? Только кирпичи таскать да бревна! А тут ведь мастером стать недолго. Почет, уважение... Вот ты и посуди...»

Частые беседы старшего мастера в конце концов подействовали на своенравного мальчика.

Вася оказался на редкость способным учеником. Он постепенно отвыкал от любви к «легкой жизни», привитой ему долгими скитаниями по городам, станциям, полустанкам. Познакомившись ближе с техникой, он так увлекся ею, что после занятий в мастерских подолгу сидел в библиотеке и читал книжки по токарному делу. Круглые пятерки в конце второго года учебы определили его дальнейшую судьбу. Училище расширялось, нужны были все новые преподаватели по теории и практике, и Васю оставили здесь, чтобы подготовить из него мастера.

И вот сидит сейчас Василий Иванович на своей кафедре и со строгим видом наблюдает за работой учеников. Чуткий слух по стуку машин и шуму моторов определяет исправность механизмов.

— А ну-ка, Петя, останови станок, — говорит он, уловив примесь каких-то посторонних звуков, не свойственных ритмичному биению пульса машины. — Что-то у тебя неладно.

— Да нет, Василий Иванович, все в порядке. Стружка идет нормально, надиров на детали не видно.

— Что я Василий Иванович — это правильно, — с достоинством отвечает молодой мастер, — но резец, видать, начинает пошаливать.

И, выключив мотор, Петя убеждается, что Василий Иванович не ошибся, слух не обманул его...

* * *

Встреча с Василием Ивановичем напомнила мне город Лысьву на западном Урале.

В клубе ремесленного училища металлургов был торжественный вечер. Начался концерт художественной самодеятельности. После «Колхозной сюиты» ведущий программу объявил отрывок из «Анны Карениной». На сцену вышла молодая девушка в длинном белом шелковом платье. Все дружно захлопали в ладоши.

— Профессор, профессор!..

— Что за профессор? — удивился я.

— Ее все так у нас называют, — ответила старшая воспитательница.

— Но почему «профессор»?

— О, это длинная история, — сказала она.

...Неизвестно, кто первый присвоил ей это высокое звание. Но с чьей-то легкой руки Аню стали называть «профессором». Возможно, ее потому так прозвали, что она была молчалива, задумчива, много читала.

И в учебных мастерских Аня всегда все делала молча. Она обращалась к мастеру редко-редко, когда без его помощи не знала, как ей в данном случае поступить, чтобы не остановить работу.

Получив ответ, Аня снова умолкала и до конца смены могла не проронить ни одного слова. Во время обеденного перерыва она старалась занять в столовой отдельный столик. Быстро пообедав, Аня тотчас уходила обратно в свой цех и до начала работы задумчиво смотрела в окно, прижав нос пяточком к влажному, холодному стеклу.

На все вопросы подруг, мастеров, воспитательниц Аня отвечала односложно: «да», «нет». Трудно было установить причину ее отчужденности от девушек и ребят, заполнявших четыре этажа большого дома.

— Опять молчит, — говорили подруги, вернее не подруги даже, потому что Аня ни с кем не дружила, а сожительницы по комнате. — Ну, хватит тебе скучать да грустить. Пойдем в кино, а хочешь — в сад на музыку, там сегодня наш струнный оркестр выступает.

— Никуда я не пойду, отстаньте, — отвечала Аня.

Кличка «профессор» казалась Ане оскорбительной. Девушки знали это и старались при ней не произносить этого слова. Но все же иногда кое-кто забывался или нарочно, в шутку, чтобы раззадорить Аню, говорил:

— Ну, пойдем, профессор, гулять.

Аня вздрагивала, хмурила брови, сжимала губы и ни одним звуком не отвечала своей обидчице.

Воспитательницы часто пытались говорить с ней, хотели вывести, что угнетает девушку. Но и им не удавалось подружиться с этой загадочной, замкнутой натурой. Единственное, что они узнали, — это то, что Аня из Ленинграда, родителей потеряла во время блокады, в начале войны была эвакуирована на Урал и попала в детский дом. Затем ее привезли в Лысьву, в ремесленное училище.

Однажды вечером старшая воспитательница пригласила Аню к себе.

Аня вошла в комнату тихо, беззвучно. Она молча села на стул возле маленького столика, на котором в вазе стоял

большой букет полевых цветов, и стала перебирать пальцами васильки и ромашки.

— Садись поближе, Анечка, — сказала воспитательница.

Аня покорно встала, подошла к письменному столу, опустилась в кресло и, повернув голову к маленькому столику, продолжала смотреть своими ясными голубыми глазами на полевые цветы.

— Тебе что, цветы понравились?

— Очень, — ответила Аня. — Когда я вижу цветы, особенно васильки, мне начинает казаться, что жизнь не такая уж страшная.

— Скажи, почему ты всегда такая грустная? — спросила воспитательница и, подойдя к Ане, ласково заглянула в ее глаза. — Я ведь вижу, ты чем-то озабочена, что-то переживаешь. Я хочу тебе помочь, но ты такая скрытная — никогда со мной и не поговоришь. А я ведь...

Аня не дала воспитательнице закончить, неожиданно она схватила ее руку и, прильнув к ней щекой, прерывисто дыша, заплакала.

— Поймите меня, Татьяна Карповна, — сказала она, вытирая косынкой слезы. — Три года, как я уехала из Ленинграда. Три года, как я потеряла отца и мать. Целых три года!.. — повторила она, и спазмы сдавили горло.

— Что же делать! Сама знаешь — война. Многие дети потеряли родных. У тебя впереди вся жизнь...

— Я все знаю, — перебила Аня, — все понимаю. Мне самой очень тяжело. Но все три года я не могу забыть маму на диване, с опущенной рукой... Дома было очень холодно — замерзла вода... Есть было нечего. Было очень голодно. Я не помню даже, как было голодно... Мама уложила меня в постель, укрыла всеми одеялами и тряпками, и я уснула... Утром встаю и вижу: мама лежит на диване вся черная, синяя... Я крикнула... Прибежали соседи... Больше я ничего не помню... Только маму свою я и сейчас вижу такой, какой она запомнилась мне тогда, на диване, с опущенной рукой...

А папу я совсем не видела. И он маму не видел, потому что на него бомба упала, когда он шел с завода домой... Как же мне жить, Татьяна Карповна? — И Аня вскинула на нее полные доверия глаза. — Как?.. Вот девочки смеются, а я не могу смеяться. Нет у меня здесь ничего, пусто. — И она постучала своими тонкими пальцами по груди.

С этого дня между старшей воспитательницей и Аней установилась тесная дружба.

Все свободные часы Татьяна Карповна старалась быть вместе с Аней, подбирала для нее книги. Она принесла ей «Детство» Горького, потом «Мои университеты». Эти книги произвели на Аню большое впечатление.

Она сравнивала жизнь Алеши Пешкова со своей жизнью и увидела, что ей живется куда лучше, чем великому писателю в годы его юности.

Заметив как-то, что Аня вышивала грубыми нитками тряпочку, воспитательница спросила:

— Рукоделье любишь?

— Люблю.

— Ну, а что бы тебе хотелось вышить?

— Скатерть бы какую-нибудь красивую или полотенце. С тряпками не больно-то приятно возиться.

Ане принесли отличную скатерть, нитки мулине, альбом с рисунками.

— Вот это красота! — оживилась Аня и выбрала самый трудный рисунок.

Целый месяц Аня вышивала скатерть. Работа получилась такой хорошей, что ее поместили на выставке кружка кройки и шитья.

Потом Татьяна Карповна уговорила Аню записаться в самодеятельный кружок, и девушка увлеклась художественным чтением.

...И вот сегодня в концерте Аня читала большой отрывок из «Анны Карениной».

— Bravo, профессор!.. Профессору бис!.. — раздалось со всех сторон, когда дали занавес.

Аня не сердилась. Она смущенно улыбалась и приветливым взглядом благодарила за дружеские аплодисменты.

* * *

— Иван Макарович, разрешите обратиться? — сказал ученик, встретивший нас на широком тракте, когда мы возвращались из мастерских.

— Пожалуйста, — ответил старший мастер.

— Я нашел вот... Куда его теперь? — И показал заржавленный болт.

— Снеси в кладовую.

— Есть снести в кладовую!

Молодцевато повернувшись, парнишка быстрым шагом пошел по направлению к кладовой.

— Новичок, — заметил Кошелев. — Порядков еще не изучил. У нас так заведено: попался на дороге болт, гайка, кусок железа — никто мимо не пройдет, обязан поднять. Приучаем настоящими хозяевами быть, беречь всякое добро, хотя бы даже гвоздик или веревочку. Из мелочей и большое вырастает... Заглянем, что ли? Интересуетесь?

Кошелев показал на крылечко дома, опутанное тоненькой проволокой, по которой змейками взбирались зеленые ниточки вьюнка. Здесь помещалось общежитие электросварщиков.

В комнатах никого не было, кроме дежурного. На окнах висели шторы, двери закрыты портьерами. Все кровати заправлены по одному образцу, точно по чертежу. На чистых постелях свернуты треугольником белоснежные полотенца с вышивками: «С добрым утром, Миша!», «С добрым утром, Ваня!» Девочки шефствуют над мальчиками и к Первомайским праздникам преподнесли им на память вышитые полотенца.

Дежурный сидел на стуле у входа и читал «Севастопольские

рассказы» Л. Толстого. Увидев старшего мастера, он поднялся, оправил рубашку, выбившуюся из-под пояса, поздоровался и от-
рапортовал:

— Товарищ старший мастер, в общежитии электросварщиков никаких происшествий не произошло...

— Здравствуй, здравствуй! — ответил Кошелев. — Насчет происшествий — это хорошо. Хорошо, что не произошло. Стало быть, все наволочки на месте?

— Все тут, товарищ старший мастер, — ответил дежурный, слегка смутившись и покраснев.

На обратном пути Кошелев рассказал мне происшествие с на-
волочкой.

Училище организовало чудесный лагерь в лесу на берегу Ура-
ла. Летом во время каникул многие ребята здесь отдыхают. Од-
нажды какому-то ученику поручили отвезти хлеб в лагерь. То ли
по небрежности, то ли по озорству, он положил хлеб в наволочку.
Обнаружив пропажу, дежурный заволновался. И не только дежур-
ный. Все ребята, не успевшие еще разъехаться по домам, пришли
в смятение. Как это так, в общежитии — кража? Такого позора
никто допустить не мог. Не было таких случаев в училище. Ни-
когда не было!

Все мучительно переживали этот неприятный случай. Наконец
дело расследовали и нашли виновника. Так он в тот же день ве-
чером побежал в лагерь за наволочкой и обещал, что больше по-
добных происшествий с ним не случится.

Факт, возможно, и мелкий, но до чего он типичен для всего
стиля воспитания, который культивируют в училище!

...В кабинете директора долго и жарко спорили, кого из выпуск-
ников куда направить.

Начальники цехов и мастерских комбината, приезжие из других
городов проявляли, конечно, особый интерес к ученикам с лучшими
производственными характеристиками и более высокими отметка-
ми по теоретическим предметам.

— Всем хорош парень, — сказал кто-то из нанимателей, про-

смотря папку с делами одного из выпускников, — только паспорта у него нет. А как же без паспорта? Парню семнадцать лет — и без паспорта.

— Какой там паспорт, когда его подобрали на полустанке в Казахстане! — горячился директор. — Беспризорник! Но вы не беспокойтесь, я уже договорился с милицией. Завтра у него паспорт будет.

— В таком случае с удовольствием беру его к себе. Ну-с, дальше. — И представитель завода начал просматривать следующее личное дело.

...Пять лет существует РУ-10. Около тысячи его воспитанников уже монтируют оборудование, работают в механических цехах, чинят машины в автогараже, куют тяжелые детали на пневматических молотах, обтачивают сложные фрезы в инструментальных мастерских. И отовсюду, где бы ни работали воспитанники этого училища, присылают благодарные письма за хороших, примерных, культурных молодых рабочих.

Пишут и отцы и матери, доверившие будущее своих детей РУ-10, приютившемуся в приуральской степи.

«Примите мою благодарность за ваше внимание, — пишет А. Севастьянова. — Мне было очень приятно узнать, что моя Юлия имеет хорошие оценки по учебе и поведению, а также что вы довольны ее поведением и участием в кружковой работе и общественной жизни. Я, как мать, очень признательна всем воспитателям и преподавателям за то, что они дают моей Юлии знания и навыки для жизни».

Услышав о доброй славе РУ-10, инвалид Отечественной войны из какого-то отдаленного района Оренбуржья Н. Попов просит принять его сына, окончившего семилетку: «Мне хочется устроить его именно у вас, чтобы он через два года получил специальность».

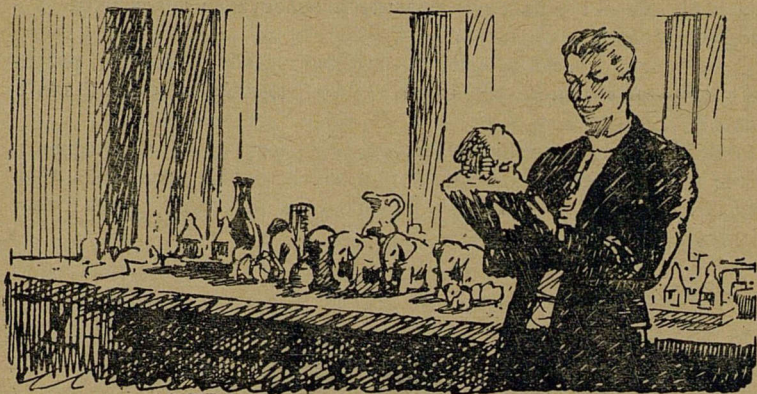
...Распределение выпускников подходило к концу. В кабинет директора вошел высокий молодой человек с гладко причесанным

ми волосами — это был представитель областного управления трудовых резервов — и сказал:

— Теперь как же с оркестром? Ребята учебу закончили, разъедутся, разъедутся, и «большой симфонический» приказал долго жить?

— Ну нет! — ответил директор. — У нас все учтено заранее. Наш замполит еще с прошлого года начал готовить дублеров. Они играют не хуже «старичков». И по нотам играют, все как полагается...

ХУДОЖНИКИ

Картина на брошке

Прозрачное голубое небо... Берег моря... Огромная скала... У скалы стоят двое и любуются морскими далями. Они стоят к зрителю спиной. Она держит его за руку и склонила голову ему на плечо. На ней шляпа с широкими полями. Он без фуражки, и его пышные кудри шевелит ветерок. Если дать волю фантазии, можно увидеть кончик трубы и черный дымок уходящего за горизонт парохода. Черноморский пейзаж. Ялта, Гагры, Геленджик...

А вот еще:

Бушует море. Бьются о скалы волны. Горит закат... Над бурными водами парит чайка, едва касаясь белого гребня волны наклонным крылом...

И еще:

Весна. Лес. Тает снег. Между голыми деревьями с обвисшими сучьями текут ручейки...

Так и кажется, что картины эти нарисованы великим мастером, любящим, понимающим и умеющим выразить красками красоту природы. Эти картины и в самом деле рисовал великий художник — природа.

Два силуэта у скалы, бушующие волны с чайками я видел на маленьких брошках и шкатулках, сделанных из орской яшмы. И море, и небо, и юноша, и девушка — все это было очень четко видно на продолговатых, овальных камешках величиной с пятикопеечную монету. Не найти, пожалуй, камня более разнообразного по своей окраске, чем яшма! Все тона и оттенки, какие только существуют в природе, за исключением чистосинего, переплетаются в этом многоцветном камне, поражая иногда столь сказочными рисунками, какие не под силу создавать самому искусному мастеру кисти. Много лет назад яшму завозили в Петергоф. Здесь из нее делали и грандиозные монолиты и мелкие изделия, превосходившие своей красотой лучшие произведения из камня, которыми славились на весь мир мастера Флоренции и Милана.

Когда мне сказали, что яшма имеет до трехсот шестидесяти тонов, цветов и оттенков, я не поверил. Еще более неправдоподобными казались разговоры о том, что яшма — в отполированном, конечно, виде — напоминает художественно нарисованный пейзаж: воду, леса, горы, небо и даже летающих птиц. Брошки, которые мне удалось посмотреть, рассеяли все сомнения. Яшма действительно обработана природой с предельным вкусом и выразительностью.

Гора Полковника — известнейшее месторождение видовой яшмы. Эту гору имел в виду академик А. Е. Ферсман, писавший в своей «Занимательной минералогии» такие взволнованные, поэтические строки:

«Эти прекрасные, фантастические картины мы видим особенно на яшме самого знаменитого русского месторождения в окрестно-

стях города Орска: вот бушующее море, покрытое серовато-зеленою пеною, на горизонте сквозь черные тучи пробивается огненная полоска заходящего солнца, — надо только врезать в это бурное небо трепещущую чайку, чтобы достигнуть полной иллюзии бури на море; вот какой-то хаос красных тонов, кто-то бешено мчится среди пожара и огня, и черная сказочная фигура резкими контурами выделяется на фоне кошмарного хаоса; вот мирный осенний ландшафт: голые деревья, чистый первый снег, кое-где остатки зеленой травки; вот лепестки и цветы яблони—они упали на поверхность воды и тихо качаются на волнах заснувшего пруда. Таких картин не перечисть, и опытный камнерезный мастер-художник читает на камне эти таинственные картины и, осторожно врезая иногда веточку, иногда полоску неба, усиливает и выявляет прекрасные узоры природы».

Трудно более ярко и образно описать впечатление, которое производит орская яшма на человека, впервые в жизни увидевшего ее.

Мне рассказали такой случай.

Одиннадцать лет назад, в 1937 году, делегаты международного геологического конгресса познакомились с достопримечательностями Южного Урала. Маститые ученые приехали и в Орск, чтобы посмотреть знаменитого Полковника. Чудесный камень сразу приковал к себе взоры гостей. Казалось бы, самые обычные цвета — красный, зеленый... Но тут же рядом незаметно для глаза к ним присоединяется желтый, бурый, оранжевый, серо-фиолетовый, голубой... Невозможно оторваться от этого причудливого сочетания красок! Долго наблюдали геологи эту волшебную картину. Вернувшись в гостиницу, ученые выбросили из своих чемоданов все вещи и снова отправились на месторождение яшмы. Делегаты конгресса увезли в чемоданах образцы замечательных камней, чтобы украсить ими научные институты и музеи всех стран мира.

Я познакомился в Орске с одним из пламенных энтузиастов яшмы, потомственным уральским камнерезом Геннадием Васильевичем Швецовым. Встретил я его в полуразрушенном старом двухэтажном каменном доме с толстыми стенами. Здесь шел капи-

тальный ремонт. Весь первый этаж был заполнен станками оригинальной конструкции, не похожими на станки, какие мы привыкли видеть на машиностроительных заводах. Монтеры, стоя на лестницах, протягивали через просверленные в стенах у самого потолка дыры электрические провода к моторам; бетонщики старательно заливали пол цементом; плотники чинили оконные рамы и двери.

«Орская яшма», гласила табличка на дверях. И под этими двумя словами, написанными крупными буквами, было выведено мелким шрифтом: «Мастерская художественных изделий». В здании бывшего пивоваренного завода создавалось новое предприятие для выпуска продукции из многоцветных камней.

Главный инженер Швецов стоял, склонившись над каким-то маленьким станочком, и, прищурив левый глаз, с большим усердием пытался прикрепить к движущемуся механизму крошечный инструмент. Пальцы вели себя очень непослушно. Фрез-лилипут, величиной с булавочную головку, скользил в руках, падал на пол. Долго пришлось возиться, пока капризный резец примирился со своей судьбой и прочно осел на приготовленное для него место.

— Эта штука здорово облегчит работу камнереза, — сказал Швецов. — Сколько времени и сил затрачивает мастер, чтобы выпилить руками тончайший рисунок на какой-нибудь броши или браслете! Все это делает машина. И с не меньшим успехом. Скорее и дешевле...

Мой новый знакомый снял очки и начал рассказывать о мечте, которая преследует его уже многие годы.

— Чего я хочу добиться? — спросил Швецов самого себя и тут же сам себе ответил: — Видите ли, в чем дело. Создать из куска бесформенного камня произведение искусства не очень-то просто. Тонны пыли и грязи... В наш век технического прогресса это варварство. Почему художественная вещь должна рождаться в такой, я бы сказал, антихудожественной обстановке! Машина высоко поднимет культуру нашего производства. Она во многом заменит

ручной труд. Машина может пилить, резать, обтачивать камни, придавать им любую форму. Я вижу нашего камнереза в белых перчатках. Художник-мастер берет в руки камень, определяет, из какого куска, с каким рисунком какую вещь лучше сделать, обводит это место химическим карандашом, а в остальном — слово за машиной...

Много лет Швецов мечтал попасть именно в Орск, чтобы здесь, у колыбели яшмы, создать мастерскую-завод. И не просто мастерскую-завод, а такую мастерскую, в которой сочеталось бы вдохновение художника со сложной техникой.

Еще учась в Уральском художественно-промышленном техникуме, лет двадцать назад, Швецов начал конструировать станки для камнерезного дела. Потом, где бы он ни работал — в Свердловске, Тавде, Уфалее, — всюду он чертил, выдумывал какие-то машины, надеясь, что жизнь в конце концов улыбнется ему, он попадет в Орск и здесь всю свою технику сумеет применить на практике. Швецов конструировал копировальные станки для мраморных рельефов, многодисковые станки с пневматической подачей, центробежный станок...

Двенадцать лет живет в Орске Швецов. Из них одиннадцать лет он лелеял мечту о такой мастерской-заводе. В Орске была и есть мастерская треста «Русские самоцветы», но здесь занимаются главным образом распиловкой камня, готовят полуфабрикат. А Швецову хотелось, чтобы всё делали здесь на месте, чтобы из Орска уходили во все концы страны прекрасные статуэтки и браслеты, письменные приборы и броши, запонки и пудреницы, коробочки и вазы...

И вот мечта камнереза воплощается в жизнь. Мастерская художественных изделий строится по плану, который вынашивал Швецов много лет.

— Пройдемте ко мне в кабинет, — пригласил главный инженер, — и я покажу вам работу наших юных мастеров.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж и вошли в небольшую комнату. На широком подоконнике лежали десятки

изделий из камня — белого, красного, зеленого, желтого... Это были письменные приборы, пресс-папье, пепельницы, слоны, со-бачки.

— Безделушки, — сказал Швецов. — В них нет еще большого искусства, да и не может быть. Ведь наши камнерезы только месяц-два назад переступили порог мастерской. Но и в этих робких рисунках, в этих пусть и несовершенных и по замыслу и по исполнению формах я вижу, вернее не вижу еще пока, но угадываю будущих художников. Вот посмотрите...

Швецов снял с подоконника очень оригинальную модель лампы-ночника в форме избушки, со всех сторон заваленной снегом.

Я взял в руки этот маленький домик. Холодный камень, казалось, заледенил мне пальцы. Но, всмотревшись ближе в свисавшие с крыши ледяные сосульки, в кучи снега, облепившие ступеньки крыльца, я почувствовал, что кусок ангидрида, превращенный в произведение искусства, постепенно начинает согревать меня теплом человеческого труда. А когда на белой стене я увидел окно из прозрачного розового камня, освещенное изнутри голубым светом, пахнуло таким уютом и красотой, будто избушка ожила из волшебной сказки.

Может быть, в этой интересной композиции много несовершенного. Но ведь автор ее, Вася Лобанов, совсем молодой паренек. Только два месяца назад он закончил десятилетку. Но тонкое чувство гармонии, умение подбирать краски уже и сегодня говорят о хорошем мастере в будущем.

— А чем плох этот письменный прибор? — спросил Швецов. — Для начала, конечно!

И он показал резную доску из темного гладко отполированного мрамора, как бы насквозь пропитанного коричневыми, красными, темнозелеными жилками. На доске стояли две чернильницы с крышками, сделанными в виде кремлевских башен. Было бы приятно увидеть этот прибор на своем письменном столе.

— Женя Толстых увлекается строгими линиями и монументаль-

ными формами, — заметил Швецов. — Каждый из наших тридцати учеников, впервые прикоснувшись к камню, с первых же дней проявляет склонность к определенному жанру. Важно то, что наша молодежь быстро улавливает «душу» материала, с которым приходится работать, и умеет подчинить его своему художественному замыслу...

Я вышел в коридор и за стеклянной дверью увидел залитый светом зал с громадными окнами. В два ряда — низкие широкие столы, а за ними с двух сторон — юноши и девушки. Над куском мрамора трудилась остроносая блондинка с пышными локонами, торчащими из-под белой косынки. Она выпиливала напильником какие-то узоры. Через несколько минут эти узоры начали приобретать очертания хобота слона. Стриженный под бокс паренек отлеплял крылья аиста, только-только прикоснувшегося ногами к земле.

— Семен Константинович! — обратился один из учеников к старшему мастеру, который держал в руках льва с открытой пастью и объяснял юному камнерезу, как исправить клыки царя зверей, чтобы они получились более правдоподобными. — Семен Константинович, а когда же вы дадите нам для работы яшму? А то все ангидрид, гипс да мрамор...

— Научись понимать одноцветный камень, — сказал преподаватель, — тогда можно будет заняться и многоцветным. Яшма никуда от вас не убежит.

— Я уже понимаю, — пробормотал ученик.

— Понимаешь? Очень хорошо! А кто вчера медведя испортил?

— Это я так, Семен Константинович, случайно... ошибся я...

— Мы хотим одного, — говорил Швецов на прощание: — мы хотим, чтобы изделия из яшмы, аметистов, топазов, хризолитов, агата стали такими же предметами домашнего обихода, как занавески, шторы, картины, подушечки на диванах. И еще, скажу по секрету: есть у нас одна мечта... Ну, как бы это сказать?.. Допустим так... Пришли вы в музей — в Москве, в Ленинграде или, скажем, в Киеве и Тбилиси, смотрите там всякие диковинные вещи, и

вдруг — этажерка. На этажерке ваза. Чудесная ваза! Вы подошли к этажерке... И где-то рядом с инвентарным номером вы видите маленькую табличку с нашей фабричной маркой: «Орская яшма»...

Оренбургский платок

Это было на центральной улице в одном из небольших городов старой Австро-Венгрии более тридцати лет назад. Ивана Шабышева окружило несколько местных жителей. Они пытались угадать, откуда, из какого края этот статный, широкоплечий русский солдат.

— Сибирь, Сибирь! — воскликнул один из жителей, оглядывая могучую фигуру Шабышева со всех сторон.

— Нет, не Сибирь, — ответил солдат. — Я не сибиряк. Я степной житель — оренбуржец.

— Оренбург? — спросил незнакомец, будто что-то припоминая. — Оренбург!.. — повторил он еще раз и показал пальцем на витрину магазина, в которой был выставлен изумительный по красоте и узорам ажурный платок.

— Во, во! — обрадовался солдат. — Он самый, наш платок, оренбургский.

Таким образом горожане узнали происхождение чужестранца и прониклись к нему еще большим уважением.

Этот случай рассказал мне один из старейших мастеров пуховязального производства Иван Андреевич Шабышев, побывавший в Австро-Венгрии во время первой мировой войны.

Оренбургский платок издавна славится во многих странах. В Париже, Лондоне, Америке за него платят огромные деньги. Много десятилетий искусные мастерицы Приуралья плетут женщин всего мира легкостью, красотой, изяществом своих изделий из козьего пуха. Да и трудно не восторгаться такой тонкой работой! Теплый платок, спасающий от холода в самые лютые морозы, весит всего четыреста-пятьсот граммов. Но есть и другие платки — ажурные. Их в народе называют паутинкой. Они действительно по-

хожи на паутинку. Я видел квадратный платок, имеющий в длину и ширину по два с половиной метра; он свободно вмещался в скорлупе гусиного яйца, и его легко можно было продеть через обручальное кольцо женщины с самыми тонкими пальцами. Я попросил положить этот платок на весы. Он весил семьдесят граммов.

* * *

Недалеко от Орска, в Губерлинских горах, на территории в срок две тысячи гектаров раскинулись пашни, луга, выгоны племенного козеводческого совхоза. Обширные пастбища, прозрачный воздух, сочные травы — не найти более благодатного уголка природы для разведения оренбургских и придонских пухоносных коз.

Побывать в этом совхозе я мечтал давно и на другой день после посещения артели «Орская яшма» поехал в Губерлю.

Дорога в совхоз во многом напоминает дороги Крыма и Закавказья. Машина то ныряла вниз с головокружительной высоты, то с глухим скрипом едва поднималась на крутые склоны. Не зная точного маршрута, мы заблудились, долго ехали по какому-то глубокому ущелью, по которому мелкими струйками текла чистая, прозрачная вода из горных родников. Вокруг тянулась бесконечная гряда отрогов Уральского хребта. Ни одного деревца! Лишь кое-где в расщелинах гор попадались маленькие оазисы из мелкого кустарника.

Жаркий летний день. Кажется, вот-вот машина вынырнет на широкий простор и перед глазами откроется безбрежная гладь Черного моря. Но степной орел, взмывший кверху из своего гнездовья, напомнил о том, что никаких морей поблизости нет.

Наконец мы выехали на просторную равнину, окруженную со всех сторон высокими курганами, и увидели крытые железом дома, гараж, мастерские, тракторы и комбайны, стоящие под навесом, скотные дворы... Это была центральная усадьба совхоза.

— Вам в контору? — приветливо спросила молодая женщина с

небрежно переброшенным через одно плечо шелковым платком. — Вон первый дом направо, с крылечком...

В кабинете директора я застал широколицего человека с черными усиками и густыми бакенбардами. На голове его была офицерская фуражка; он был одет в защитного цвета мундир со споротыми погонами. На правой стороне груди — столбик нашивок (свидетельство о пяти тяжелых и легких ранениях), на левой — шесть разноцветных колодок (почетный список наград — орденов и медалей).

— Капитан пехоты Смирнов, — отрекомендовался он и протянул руку. Но тут же смущенно улыбнулся и добавил: — Простите, бывший капитан. Не так давно демобилизовался и еще никак не привыкну к своему гражданскому положению — заместителя директора совхоза.

Узнав о цели моего приезда, бывший капитан сказал:

— Ну что ж, милости просим! Вам нужно познакомиться с чабанами. Они — наша сила. От них все зависит. Чабан — не пастух. Это большой мастер своего дела. В нем сочетаются животновод с агрономом, географ с почвоведом и, если хотите, астроном с биохимиком... Ну, с кем бы вас лучше познакомить?..

Смирнов стал перечислять всех чабанов и, дойдя до имени Сарсимбая Жарикбаева, воскликнул:

— Поезжайте, конечно, к Жарикбаеву!.. Но где он теперь? Найти Жарикбаева не так-то легко. Ранней весной он ушел со своей полуторатысячной отарой коз в горы, и очень трудно определить его координаты.

Смирнов вызвал курьера и приказал пригласить всех агрономов, зоотехников, механиков, бригадиров к себе в кабинет.

— По-моему, Жарикбаев находится на вершине Казымбатки, — сказал один из консультантов, главный агроном, только год назад окончивший Тимирязевскую академию.

Другой усомнился в этом:

— Жарикбаев был на Казымбатке. Теперь он ушел, должно быть, на юг. А впрочем, кто его знает!..

Местный старожил, механик гаража Александр Иванович Шепетнов, знающий каждую кочку и каждую складку в горах, вызвался проводить меня к Жарикбаеву.

— Поедем! Где-нибудь найдем...

Мы тронулись в путь. Добраться до Казымбатки в этот день не удалось. Машина врезалась в трясину и до позднего вечера не могла оттуда выбраться. Пришлось вернуться пешком в совхоз и послать на выручку нашему автомобилю грузовую машину.

На другой день рано утром, когда на прозрачном синем небе еще не погасла луна, мы снова выехали на поиски Жарикбаева. На сей раз мы ехали другим путем, чтобы миновать болота, доставившие накануне столько неприятностей.

На Казымбатке чабана не оказалось.

— Поехали на Сухоречку, — сказал провожатый. — Он там на-верняка.

Долго мы кружили по зеленым просторам, сворачивали в низины, снова карабкались вверх, пока добрались до вершины с таким странным названием. Когда-то у подножья горы была река, она давно высохла, и поэтому вершину стали называть Сухоречкой.

Жарикбаев действительно оказался на Сухоречке. Он раскинул свой табор на живописной поляне. Подъехать на машине было невозможно. Утопая по пояс в густой траве, мы стали пешком пробираться к мелькавшему вдали шалашу.

Четыре огромных пса-волкодава, оскалив зубы, выбежали с дружным лаем и готовы были броситься на незваных гостей. Мы, признаться, не очень-то обрадовались такому знакомству и остановились в нерешительности. Но тут из шалаша вышел мальчишка лет семи с озорными, веселыми глазами и в сдвинутом на затылок картузе с большим козырьком. Он издал какой-то гортанный звук. Лай мгновенно прекратился. Поджав хвосты, собаки с виноватым визгом отошли в сторону и мирно улеглись у стен шалаша.

Сарсимбай Жарикбаев был в это время очень занят. Он сидел на корточках за дощатой изгородью и пристально разглядывал ногу покорно растянувшейся на земле черной, как смоль, козы.

— Заболел мой Катя, — сокрушенно покачивал он головой. — Ай-ай, заболел, хромает заднюю ножку... Почему, что хромает? Оступился острый камешек, кожу повредило...

Старый чабан вытер рукавом потное лицо, потом вынул из сумочки какой-то порошок и аккуратно посыпал им ранку. Затем бережно завязал ногу белой тряпочкой.

— Смотрю, понимаешь, глаз какой-то темный, невеселый. В чем дело, думаю?..

По взгляду Жарикбаев учуял что-то неладное у своей любимой козы.

Племенные козы на особом учете у каждого чабана, и зовут они их ласково, по именам: Катя, Зина, Маруся... В конторе совхоза каждая такая коза имеет свой паспорт, свой номер, свое «дело». Зоотехники-селекционеры изучают каждую такую козу, ревностно следят за ее развитием, ростом, потомством.

Закончив перевязку, Жарикбаев пригласил нас в шалаш.

— Айда в балаган! — сказал он.

Чабаны называют почему-то свои шалаши балаганами. «Айда» в здешних местах означает нечто вроде «прошу», «пожалуйста».

Шалаш был забит подушками, перинами, ковриками. У входа дымил тульский самовар. Старая Рахилья, жена Сарсимбая, готовила на свежем воздухе традиционный чай. Она расстелила на траве белую скатерть, поставила на нее сметану, молоко, пиалы, чайник.

Вся семья тесным полукольцом окружила самовар и под палящими лучами солнца, в нестерпимой жаре наслаждалась любимым напитком казахов.

Семья Жарикбаева очень велика. Он воспитывает пять сирот — это дети погибших на войне родственников и друзей; он приютил у себя овдовевшую жену брата. Зимой все дети учатся, кроме семилетнего героя, так легко укротившего собак. Но и ему с осени пора в школу. Он показал свои обновки: пальто, фуражку, ботинки, калоши — подарок Жарикбаева своему приемному сыну к этому торжественному дню.

Полжизни проводит чабан со своей семьей в шалаше, часто передвигается с места на место в поисках лучшего пастбища. Жарикбаев знает каждую ложбинку, в какой месяц и день где искать наиболее обильную пищу для коз, какие травы отцветают раньше, какие — позже. Он знает питательные свойства каждого растения и во-время приведет свою отару именно туда, где корм наиболее сочный, полезный и вкусный. Он и в самом деле «профессор», как его называют местные жители, хотя, прожив до глубокой старости, едва научился подписывать свою фамилию.

В Губерлинских горах много волков. Они непрочь полакомиться свежим мясом, особенно молодой козлятинкой. Главная охрана — это собаки. Их всего четыре в отаре, но они верно и преданно берегут стадо. Ночью, сбившись в тесную кучу, козы засыпают. Четвероногие патрули чутко прислушиваются к малейшему шороху. На далеком расстоянии чувствуют приближение волка. В ночной тишине раздается пронзительный лай. Из шалаша выбегает чабан с ружьем. Выстрел, другой... Волки убегают, и вновь наступает покой.

Мне рассказали в совхозе любопытный случай волчьей мести. Днем один чабан со своими помощниками разорил звериное логово и взял четырех волчат. Ночью к отаре молодняка подошла волчья стая. Ее не могли остановить ни лай собак, ни ружейные залпы.

Звери бросились на козлят и растерзали две трети всей отары, сами потерпев при этом большой урон от сторожевых собак.

* * *

В Губерлинских горах начинает свой путь знаменитый оренбургский платок.

Все лето до глубокой осени козы бродят по горным вершинам, питаются сочными травами. Но вот пожелтели холмы и курганы. В предутренние часы не видно на зеленых лепестках стеклянных слезинок росы. Начались первые заморозки. Чабаны гонят свои

отары на зимние квартиры — в кошары. Здесь для коз приготовлено теплое жилье и пища до следующей весны. Круглый год работают сотни людей, десятки тракторов и комбайнов, чтобы обеспечить пухоносным животным сытую жизнь. Когда козы пасутся еще в горах, машины бороздят широкие луга и убирают для них сено. Много сена съедают козы, томясь от скуки по вольным просторам, горному воздуху и жаркому солнцу.

Один раз в год, в марте-апреле, в кошары приходят чесальщицы со своим немудреным инструментом — металлическими скребками — и вычесывают пух, скопившийся за год под шерстью.

Немного пуха дает коза — триста, четыреста, редко пятьсот-шестьсот граммов. Но мал золотник, да дорог. Из-за этой горсточки нежного и мягкого материала, который неспособна произвести даже самая совершенная машина, козу кормят и пестуют целый год.

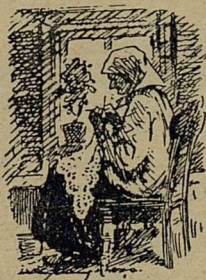
К грудам коричневого, серого, белого пуха приходят сортировщицы. Они раскладывают его по цветам и сортам, потом очищают от волоса, дважды прочесывают на гребнях. Грузовые машины доставляют это сырье в пуховязальные товарищества — в Орск, селения Желтое, Пречистенское. Две тысячи мастериц готовят из козьего пуха вначале пряжу, сращивая ее с хлопчатобумажной нитью — для теплого и с шелком — для ажурного платка. Затем наступает самый главный процесс — платок вяжут. Это продолжается около месяца. Лишь очень способные вязальщицы дают три платка в два месяца.

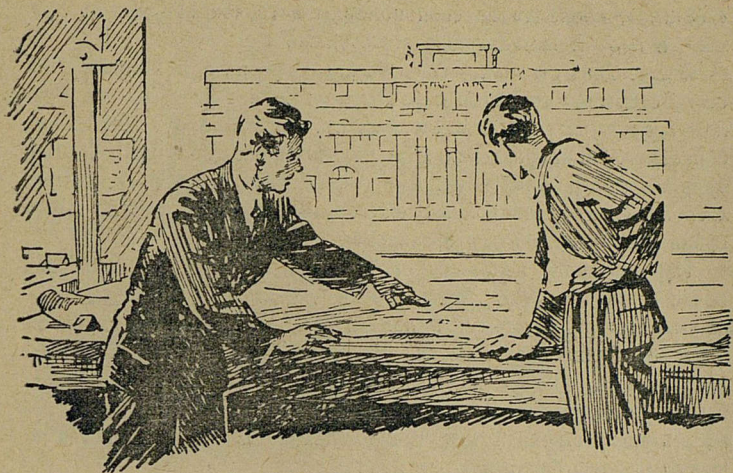
Никаких эскизов в природе не существует. Мастерицы работают с вдохновением по рисункам, унаследованным по памяти от бабушек и прабабушек. Пальцы автоматически с необыкновенной легкостью как бы выписывают из пряжи затейливые ягодки, окошечки, цепочки, решеточки, зубчики, образующие в конечном счете замечательную художественную композицию. Каждая мать передает свое умение дочери, и девочки восьми-девяти лет делают уже весьма сложные узоры.

В Орске живет старейшая пуховязальщица Екатерина Матвеевна Серикова. Летом с утра до вечера сидит она на табурете возле своего дома и работает.

Екатерина Матвеевна отметила уже свой восьмидесятилетний юбилей. Она вяжет платки со времен русско-турецкой войны и по сей день не оставляет любимого дела. Теперь она больше прядет, чем вяжет, потому что никто лучше ее не может приготовить пряжу.

По соседству с Сериковой, на одной из тихих улиц старого Орска, я встретил самую знаменитую мастерицу — Надежду Алексеевну Воронову. В течение восьми десятилетий она создавала мировую славу оренбургскому платку. Надежде Алексеевне минуло уже девяносто лет. Но только год назад она передала свои спицы внукам и правнучкам.

РАЗГОВОР О БУДУЩЕМ

Стадион в Зауральной роще расположен почти на островке и связан с «Большой землей» узеньким понтонным мостиком. Стадион — условное название. Вернее, это большая поляна, по краям которой в один ряд стоят кое-где врытые в землю скамейки.

Но орчане любят свой импровизированный стадион и густыми толпами заполняют его во время спортивных соревнований. Особенно многолюдно в дни футбольных матчей, когда железнодорожники состязаются с нефтяниками, никельщики — с машиностроителями, спортсмены электростанции — с добровольным обществом «Пищевик». Неважно, что площадка для игры отделена лишь меловой чертой. Зрители с таким же жаром, как и москвичи на

«Динамо», «болеют» за свои команды и горячо обсуждают промахи и победы нападающих, защитников, вратарей.

В этот день стадион был необычно оживлен. К понтонному мостику стекались стройные колонны молодежи с песнями, над Уралом гремела медь духовых оркестров, звенела дробь пионерских барабанов. По направлению к Зауральной роще двигались легковые машины, грузовые «ЗИСы». Две тысячи физкультурников собирались на свой традиционный ежегодный парад, и десять тысяч орчан шли полюбоваться праздником спортсменов.

Парад длился недолго — около часа, но были представлены почти все виды спорта. Мимо трибун проходили футболисты с кожаными мячами в руках. Радовали глаз молодецкой выправкой юные швейницы-легкоатлетки. На фоне белых рубашек торжественно и нарядно выглядели красные галстуки пионеров. Стадион был усеян синими, зелеными, желтыми майками. На огромном глобусе в величественной позе, точно изваяние из гипса, проплыла по зеленому полю белокурая девушка.

На трибуне в центре стоял пожилой человек в защитной гимнастерке с отложным воротником, со значком депутата Верховного Совета РСФСР. Это был председатель городского исполнительного комитета. Он наблюдал парад с явным удовольствием. Ему было приятно встретиться со своими согражданами на лоне природы в такой ясный, безоблачный летний день. В уголках его глаз застыла улыбка.

Но вот праздник закончился. Физкультурники исчезли за Уралом. Председатель долго смотрел вслед последнему барабанщику. Улыбка покинула уголки его глаз, будто ему было жаль расставаться с нарядной, пестрой толпой, украшавшей зауральный островок.

Он задумчиво сошел с трибуны, свернул на аллею и, порывшись со мной, сказал:

— Масштабы у нас еще скромные, и стадион неважный, самодельный, и спортсменов всего тысячи две-три. Но на будущий год их будет больше, намного больше... И стадион построим новый.

У нас все из года в год растет. А это самое главное... Лет через двенадцать вы, пожалуй, Орск и не узнаете. Мы намерены уйти вперед очень далеко... Нашему городу еще многого недостает. У нас много заводов, заводов громадных, но сам город, как говорят наши архитекторы, понятие сборное с точки зрения градостроительства. Возможно, они несколько преувеличивают, но у них такая профессия, и мы на это не обижаемся. Во всяком случае, в их словах много правды...

Орск пока действительно понятие сборное с точки зрения градостроительства. Большая часть населения живет в поселках, стихийно возникавших вокруг заводов и комбинатов. Но в стороне от промышленных районов уже вырисовываются контуры нового города, с прямыми, стройными улицами и большими домами.

Пройдет немного времени, и город станет совершенно иным. Все одноэтажные дома-бараки, бессистемно разбросанные возле предприятий, исчезнут. Может быть, кое-где за каменным забором среди тополей и кленов будут сохранены один-два таких неказистых домика как музейный экспонат, напоминающий о первых днях великой стройки. Жилые здания длинной лентой вытянутся в черте нового города, образуя строгий архитектурный рисунок. Главная магистраль — бульвар имени Ленина — уже к концу этой пятилетки приобретет законченный вид.

— А в общем будет у нас хороший город, — сказал председатель горисполкома. — Завидный город! Зелени хотим побольше, зелени, — повторил он. — Скверы разбиваем, парк культуры и отдыха. Свои яблоки есть скоро собираемся... Да, яблоки. Несколько лет назад посадили фруктовые сады и вот-вот ждем первых плодов.

Было удивительно тихо. Листья на деревьях не шевелились, будто замерли, скованные горячим дыханием жаркого солнца.

— Знаете, как наш город раньше называли? — спросил председатель горисполкома. — Гиблым местом. Я сам родом из Брянских лесов. Там я еще слышал эти два слова об Орске. И не только там. Когда я ехал сюда на работу, в Чкалове многие

удивлялись: «В такую яму?» А мне эта «яма» очень понравилась. Крепко привязался я к этому «гиблому месту»... Откровенно скажу: никогда в жизни я не был так удовлетворен своей работой. А поработал я уже более трех десятков лет на своем веку... Трудно? Верно, не легко. Но что может быть радостнее для советского человека, чем строить, создавать!.. А тут ведь каждый день на моих глазах что-нибудь новое вырастает: то новый цех, то домик, то новая аллея...

Возвращаясь домой по понтонному мостику, мы облокотились на перила и долго-долго смотрели на воды Урала. Они текли мирно, едва заметно для глаза.

— Будто тихая речушка, — сказал мой спутник, — незлобивая такая, скромная. Течет потихонечку, любо-дорого. Но посмотрите ее весной во время паводка. Что она с нами выделяет!.. За последние семь лет — четыре наводнения. В 1946 году эти капризы природы дорого нам обошлись. Были разрушены и повреждены сотни домов в старом городе. Правительство не оставило нас в беде — помогло. Мы быстро ликвидировали последствия наводнения. Но сколько сил и средств отнимают эти «шалости» Урала!..

В Орске один артист-фотолюбитель показывал снимки, сделанные во время наводнения. Сплошное озеро... Кое-где торчат дымоходные трубы и верхушки домов. Посредине старого города, словно утес на море, высится Преображенская гора. Лишь половина ее не тронута пенящимися водами Урала, затопившими почти весь старый город. Лодка — единственный вид транспорта в такие дни.

На одном из снимков — корова, выведенная предусмотрительными хозяевами на крышу дома и привязанная к трубе. На другом — веселая компания неунывающих граждан: какой-то молодой человек, присев на чердачное окно, играет на гитаре с таким благодушным видом, будто он находится не в затопленном городе, а где-нибудь на берегу Черного моря, в Ялте или в Сочи.

Не всегда Урал ведет себя так жестоко. Но все же и в менее бурные весны река заливает улицы, расположенные в низинах, и

тысячи жителей вынуждены полторы-две недели спасаться в центральной части старого города. Обычно их поселяют в театре. Мужчины, женщины, дети вместе со всем домашним скарбом заполняют зрительный зал, фойе, балконы. В такие дни спектакли прекращаются. Однако театральная жизнь не замирает. За закрытым занавесом артисты репетируют новые пьесы под аккомпанемент грудных младенцев, которые вместе со взрослыми не из любви к искусству проводят здесь дни и ночи.

...Долго мы стояли на понтонном мостике и наблюдали зеркальную поверхность реки, по которой медленно плыли по течению бумажные лодочки, пущенные ребятами. И кто бы мог подумать, что такой тихий, спокойный Урал в дни прихода весны может доставлять людям столько бед!

Но скоро Урал будет одет в гранит и бетон. В нескольких десятках километров от Орска будет сооружено водохранилище. Это увеличит снабжение водой Орска и его окрестностей и позволит усмирить бурные воды Урала, укротить его опасный и беспокойный характер.

* * *

Я пошел бродить по улицам города и очутился в зеленом сквере возле здания театра. На скамейках сидели актеры и актрисы. Они ждали машину, чтобы отправиться на очередной выездной спектакль.

У подъезда театра стояла трехтонка с декорациями, костюмами. Из кузова выглядывали выкрашенные листы фанеры, свернутое в рулон «синее море», деревянные площадки «гранитной набережной Невы», складные ширмы, лестницы и картонные столбы, выкрашенные под мрамор.

— Все? — спросил высокий худощавый мужчина в вышитой украинской рубашке, очевидно администратор.

— Будто все, — несмело ответил молодой человек, по всей видимости помощник режиссера.

— А волны уложили? Что-то я их не вижу.

— Антонина Ивановна, тащите волны, да поскорей! — крикнул помощник режиссера суетившейся возле машины пожилой женщине в синей спецовке. — Как же это вы про волны забыли?

— В такой запарке не то что волны — мать родную забудешь, — ответила женщина, бутафор и реквизитор по совместительству. — Прислали бы машину во-время — потихоньку бы и собрались. А то уж спектакль время начинать, а тут только декорации грузим. Все разве сразу запомнишь? Волны — уложи, небо-скреб и подавно — без него просто играть невозможно. Ветер — обязательно, как же без ветра-то!..

И вдруг, спохватившись, словно случилась какая-то непоправимая беда, женщина вся сжалась от охватившего ее страха и робко спросила у помощника режиссера:

— Алексей Иванович, ветер вам не попадался на глаза?

— Ветер? Нет. А что? Ведь он должен быть у Нины.

— Да у какой там Нины! — с сердцем сказала реквизитор и бутафор. — Это она по штату только моим помощником числится. В голове у нее ветер, а не в делах... Опять без ветра поедем. Ох, и достанется же нам от Матвея Павловича, ох, и достанется! Уж какой он у нас человек культурный, вежливый. Он и университет окончил, и консерваторию, и две театральные школы, а мы на такую халтуру идем — без ветра играть думаем. В прошлый выездной так без ветра и поехали. Петька наш на губах хотел ветер избразить, так у него получался не ветер, а плач какой-то...

— Вы о чем причитаете? — спросил Антонину Ивановну широкоплечий человек лет сорока, с проседью на висках, должно быть социальный герой. — Ищите ветра в поле? Вот он, ветер-то! Дураков больше нет. После того как Петька мне вместо ветра детский крик на лужайке за сценой устроил, я ныне и впредь буду ветер возить с собою в кармане. Вот он, не ищите и не волнуйтесь.

И актер показал маленькую, на вид складную игрушку, которая в умелых руках шумовика создает в зрительном зале полную иллюзию ветра.

— Слава тебе господи! — сказала Антонина Ивановна. — Меня уж от этого ветра и в жар и в холод бросило...

В этом новом городе жизнь актеров пока очень сложна. Здание театра находится в старом городе, неподалеку от Преображенской горы, а заводы и комбинаты со своими поселками, да и новые кварталы нового города отдалены от театра расстоянием в пять-шесть километров. Зрителю трудно добираться на спектакли. И спектакли сами идут к зрителю. Четыре раза в неделю во все времена года, в любую погоду — и в жестокие морозы, сопровождаемые свирепыми южноуральскими ветрами, и в непролазную грязь под дождем — кочуют актеры со всем своим театральным багажом по рабочим клубам. Зимой глубокой ночью и летом, когда прозрачное небо начинает обволакиваться предутренней дымкой, строгую тишину пустынных улиц старого Орска нарушают звуки мотора. Это возвращаются с выездного спектакля артисты. Редко, но бывает: нет машин в обратный путь. Тогда приходится коротать ночь в клубе, а на рассвете спешить домой пешком, чтобы не опоздать утром на репетицию. Ведь каждый месяц, а то и чаще — обязательно премьеры!

— Значит, с ветром все в порядке! — обрадовался помощник режиссера. — Поехали, водитель!

Зафырчал мотор, и машина тронулась в путь.

Вскоре подошел второй грузовик — для актеров.

— Кавалеры приглашают дам! — крикнул герой-любовник и сделал выразительный жест по направлению к машине.

Вслед за декорациями проследовала машина с людьми. Уж в который раз эта экспедиция переезжала Урал по деревянному мостику из Азии в Европу! Но сегодня грузовики не свернули направо, как раньше, когда строили дорогу и приходилось объезжать ее по ухабам и кочкам. Они поехали прямо по гладкому шоссе, только что законченному строителями. Новая дорога — подарок домохозяек своему городу.

Женщины вставали, готовили завтрак для уходящих на производство мужей, снаряжали ребятшек в школу и детские сады, а

потом отправлялись на трассу. Они брали в руки лопаты, разглаживали сыпавшиеся из ковшей экскаваторов груды земли, укладывали булыжник. И в одно лето на протяжении нескольких километров там, где были рытвины и ухабы, раскисавшие во время дождя так, что трудно было проехать на машине, появилась хорошая дорога.

* * *

С первым секретарем городского комитета партии мы условились встретиться поздно вечером.

Когда я вошел в кабинет, он кричал в телефонную трубку:

— Да, да!.. Орск... Не перебивайте, я говорю с Новосибирском...

Кивком головы секретарь горкома пригласил меня сесть и продолжал прерванный разговор.

Я посмотрел на его седеющие волосы, на прямой нос, ярко очерченные губы и большие, выразительные глаза. Кто-то рассказывал мне, что в юности он мечтал стать киноактером. Возможно. Внешний облик его вполне подходит для экрана. Но если когда-то и была такая мечта, то теперь, вероятно, он о ней давно забыл. Двадцать лет напряженного труда и учебы повели его по совершенно другому пути. Раньше секретарь горкома работал формовщиком, токарем, электромонтером. Был мастером, механиком. Он монтировал машины и одновременно учился на вечерних курсах, а потом в энергетическом техникуме. Он создавал вместе с молодежью всей страны город на Амуре — Комсомольск, был механиком на шахтах Дальнего Востока. Тринадцать лет назад, когда начали строить Медногорский медносерный комбинат — это сто километров от Орска, — он приехал на Южный Урал конструктором и стал проектировать электровозную откатку на Блявинском руднике, где добывают медную руду. И с того времени он остался в этих местах. Здесь пришлось заниматься монтажом оборудования на новостройках. Восемь лет назад его избрали партгором, и с тех

пор он не расставался больше с партийной работой и теперь стал руководителем орских коммунистов.

— Насчет автола звонили сибиряки, — сказал секретарь горкома, положив телефонную трубку. — Началась уборка. Просят ускорить отгрузку. Надо помочь, ничего не поделаешь.

И, обмакнув перо в чернильницу, он пометил на листке календаря: «1500 Новосибирску».

— Так я хотел кое-что рассказать о нашем городе, — сказал он, облокотившись на ручки кресла и взглянув на зеленый абажур люстры, висевшей на потолке. — Ну, что такое сегодняшней Орск, вы видели. Я, пожалуй, расскажу вам о том, каким я вижу его завтра. А может быть, и не завтра, а послезавтра... Представьте озеро. Большое озеро, километров на десять-двенадцать. На берегу озера стоит наш новый город. Сколько прелести прибавит такой пейзаж! На озере — плотина, гидростанция, катера, лодки. И это не бесплодная фантазия, это вполне реальная вещь! Вот пригласим специалистов исследовать это дело — посмотрим, что они скажут. В старой части города — учебный городок. Тишина, покой, вдали от заводов, комбинатов... Не придумать лучшего уголка для занятий молодежи!..

К нашей беседе присоединился второй секретарь горкома — мой старый знакомый.

— Меня часто спрашивают, — говорит он: — как ты можешь столько лет жить и работать в одном городе?

— Что же вы отвечаете на этот вопрос?

— Я отвечаю, что каждый год живу и работаю в новом городе, потому что он с каждым годом меняет свой облик — молодеет. А вместе с городом молодеет и мы...

Вышли мы из горкома в третьем часу ночи. На улицах было тихо и темно. Лишь у подъезда больницы и у гостиницы горели электрические лампочки.

Проехала грузовая машина. Это актеры возвращались домой с выездного спектакля. Секретарь горкома остановился, посмотрел вслед трехтонке, скрывшейся за поворотом улицы, и сказал:

— Недолго уж осталось бродяжничать нашим служителям искусства. Тяжелая штука, слов нет. Люди устают, декорации ломаются. Но теперь ничего не поделаешь. Вот построим новый театр в новом городе — неплохой будет театр, — и актеры наши тоже начнут новую жизнь...

* * *

Мне удалось побывать у главного архитектора города Ивана Александровича Калиновского. В огромном зале, где он работает, много чертежных столов. На гладко отполированных досках кнопками приколоты листы ватмана, испещренные тонкими линиями, жирными черточками, разноцветными квадратиками. Стены убраны фотоснимками в резных рамках — это проекты Дома культуры строителей, театра, общий вид города, каким он станет через десять-двенадцать лет.

— Интересуетесь нашим будущим? — спросил Калиновский. По тону его голоса и блеску глаз видно было, что он очень рад поделиться с человеком, проявившим желание заглянуть в это будущее. — Одну минуточку! Я сейчас возьму наш драгоценный свиток, — сказал он, — и тогда поговорим.

Главный архитектор прошел мимо длинного ряда столов, над которыми с респектами и линейками в руках стояли люди, наносившие на чертежную бумагу какие-то лишь им одним понятные кружочки и столбики, и вынул из громадного шкафа длинный сверток пергамента.

— Прощу садиться, — пригласил Калиновский, вернувшись к своему письменному столу, и стал водить по пергаменту карандашом. — Посмотрите сюда, на этот зеленый кружочек. Сейчас это пятно на бумаге. Но пройдет немного времени, и этот зеленый кружочек превратится в парк, вечерами здесь будет играть музыка, а днем в усыпанных песком тенистых аллеях орские мамы будут укрывать своих ребятишек от палящих лучей знойного солнца. У нас частенько припекает, и здорово припекает! До пятидесяти

градусов по Цельсию — не шутка!.. Квадратики вам более понятны, не так ли? — продолжал архитектор. — Это улицы четырех-, трех-, двухэтажных домов. Большой квадрат в центре — это главная площадь. Я вижу здесь здание театра, в котором гармонично сочетаются два стиля: европейский и азиатский, олицетворяющие географию нашего города — стык двух частей света. Вечером асфальтированная площадь будет ярко освещена круглыми шарами матовых фонарей. Вы войдете в подъезд, подниметесь в фойе, перед вами распахнутся массивные двери зрительного зала. Мраморные колонны, лепные украшения, обитые красным бархатом кресла в партере, в ложах, на балконах — ну, чем не Большой театр! В миниатюре, конечно. В нашем театре будет всего восемьсот мест.

Увлечшись рассказом, Калиновский оставил карандаш на широком листе пергамента, закрывшем весь письменный стол, и, откинувшись на спинку стула, с увлечением рисовал картину будущего:

— Вы смóтрите спектакль летом. Антракт. Вам хочется подышать свежим воздухом. К вашим услугам открытая галерея — вы попадаете туда прямо из фойе. Вы вышли на галерею и видите утопающий в огнях город. Перед вами красивое здание. Это Деловой клуб — дом инженеров и техников. Вы видите подъезды гостиницы. Вы видите стройные улицы, уходящие вдаль, и высокие деревья на краю тротуаров, провожающие как бы за горизонт длинные шеренги домов. Над арками скверов висят гирлянды разноцветных электрических лампочек... Мечтатель? Нет... впрочем, да, мечтатель, — говорил Калиновский. — Но мечта эта претворена в чертежи и планы, утвержденные советской властью. А мы знаем, что утвержденная советской властью мечта перестает быть мечтой и становится нашим реальным спутником и другом...

Долго рассказывал Калиновский о том, каким будет Орск к концу третьей послевоенной пятилетки, когда можно будет жить в этих домах, есть мороженое в этих кафе, сшить модное платье в этом ателье, купить рояль в этом музыкальном магазине, которые

сегодня едва заметными черточками и точечками запечатлены на пергаменте.

— Много надо будет потрудиться? Да, конечно, — продолжал Калиновский. — Но мы привыкли трудиться. Мы знаем, что любую победу надо завоевать — она сама не придет. Орчане отлично это понимают. Но если за пятнадцать лет они могли создать такую промышленность, то им ли не построить в такой же срок хороший, благоустроенный город! Культурный, солнечный город! Да, по-настоящему солнечный! Солнца здесь много, а все остальное в наших руках, в руках людей...

Калиновский открыл ящик письменного стола и вынул оттуда папку с бумагами.

— Прошу взглянуть и убедиться, что мы рассчитываем не только на солнце, — сказал он.

Помимо солнца, здесь есть все, что нужно для строительства. Есть конгломерат, из которого можно строить и уже строят дома. Есть богатейшие массивы мрамора и гранита для облицовки зданий превосходным естественным камнем. Есть кровельные сланцы. Есть глина для кирпича, есть гипс... И все это здесь, рядом с городом! И, наконец, есть самый ценный «строительный материал» — люди, настоящие, хорошие советские люди.

* * *

В день отъезда из Орска я зашел в редакцию местной газеты. Мне показали стихи начинающего поэта, молодого рабочего. Эти стихи назывались «Орск», и я выписал их в свой блокнот:

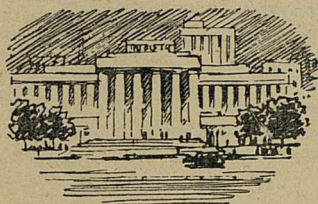
Пролегли путей стальные ветки,
Трубами маячит строек строй —
Город Орск на карте пятилетки
Загорелся яркою звездой.

Он еще по-юношески молод —
Ведь недавно здесь, среди степей,
Стал расти индустриальный город
В золотистой россыпи огней.

Городу на берегу Урала
Виден путь грядущих славных лет.
Больше дать продукции, металла,
Выковать в труде венки побед!

Литературные достоинства этих стихов не очень велики, но искренние чувства молодого орчанина, его мечты и надежды, выраженные пусть и в робких пока поэтических образах, дают право вспомнить о них в очерке об этом интереснейшем городе, выросшем за годы сталинских пятилеток в устье реки Орь, на границе Азии и Европы.

Южный Урал. Москва.
1947—1948

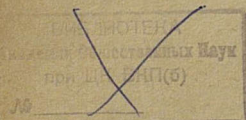
ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	5
Попутчик	13
В гостях у краеведа	34
Здесь строят тяжелые машины	44
Маленький директор большого завода	—
Две встречи	56
Игра с огнем	65
О самых юных	72
Желтая акация	83
Спор с классиками	90
«Вот тебе и степь!..»	101
День на новостройке	109
Степь отступает	—
Однажды ночью	115
«Девочки из Ашхабада»	123
«Большой симфонический»	139
Художники	154
Картина на брошке	—
Оренбургский платок	161
Разговор о будущем	169

Для старшего возраста

Ответственный редактор В. Касименко. Художественный редактор Г. Вебер. Технический редактор М. Кутузова. Корректоры С. Ложкина и Ю. Носова. Подписано к печати 11/VII 1949 г. 11,25 п. л. (9,8 уч.-изд. л.). 34270 зн. в печ. л. Тираж 45 000 экз. А07379. Заказ № 403.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал, 49.

10

3000
Цена 5 р. 30 к.

